

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 2 (48). 2009

Содержание

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ	
Ф. Э. Арэ	
Памяти Берты Яковлевны Бехтеревой	3
А. С. Дубин	
Профессор И. А. Шляпкин – историк, библиофил	9
Л. Л. Ковалева-Огороднова	
Планета Панфилов.	
Памяти основателя ЛОМО М. П. Панфилова	15
СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ	
П. П. Стрелков	
Добрый гений нашей семьи. Котя. О моей бабушке	
Александре Ильиничне Рогинской	23
ПРИГОРОДЫ	
Ю. В. Мудров	
«Сие именование отменно стоит уважения...».	
Гостилицы в XVIII столетии	30
НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ	
М. В. Николаева	
Символ возрождения	36
ДУША ПЕТЕРБУРГА	
О. Р. Ницман	
Бывал ли Гёте в Петербурге? Гипотеза	41
Н. А. Нарышкина-Прокудина-Горская	
Московская петербурженка Н. И. Соколова	43
З. И. Боранбаева	
Всеволод Рождественский: «Но как забыть средь северных туманов / Степного солнца неизбывный жар...»	47
О. А. Протопопов, Л. Е. Белоусова	
Николай Александрович Панин-Коломенкин – история Петербурга и России	51
В. А. Антипов	
Н. А. Панин-Коломенкин: малоизвестные факты биографии первого российского олимпийского чемпиона	56
БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА	
И. Ю. Милова	
Моя блокада... <i>Продолжение</i>	59
Н. В. Строгонова	
Блокадные воспоминания	68
Ю. М. Лебедев	
Бессмысленный и преступный приказ.	
Почему обер-лейтенант Мерле не взорвал церковь в Екатерининском дворце?	72
ГОРОД ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ	
А. И. Аврус	
Пребывание Ленинградского университета в Саратове в годы Великой Отечественной войны	75
МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ	
Н. В. Кольшиницына	
Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество и организация помощи болгарским славянам	81
О. В. Дашевская	
Старые и новые организационные формы благотворительности в Петербургской еврейской общине	86
СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ	
А. А. Будко, А. А. Вихман	
Медицина островной крепости Кронштадт во второй половине XIX – начале XX века	94
ПАМЯТИ ДРУГА И КОЛЛЕГИ	
Памяти Вячеслава Михайловича Лурье – друга, ученого, члена редколлегии журнала «История Петербурга»	99
Сведения об авторах	100

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Е. В. Анисимов, *доктор исторических наук, профессор*

Ю. С. Васильев, *доктор технических наук, профессор, академик РАН*

Б. Д. Гальперина, *доктор исторических наук, профессор*

Р. Ш. Ганелин, *доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН*

Н. К. Гуркина, *доктор исторических наук, профессор*

В. С. Измозик, *доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Е. Я. Кальницкая, *кандидат искусствоведения*

А. Н. Кашеваров, *доктор исторических наук, профессор*

В. М. Лурье

Г. В. Митчелл, *доцент*

Г. В. Михеева, *доктор педагогических наук, профессор*

О. И. Молкина

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, *доктор технических наук, профессор*

Р. Э. Павлова

В. Н. Плешков, *доктор исторических наук, профессор*

Т. М. Смирнова, *доктор исторических наук, профессор*

В. П. Третьяков, *доктор психологических наук, профессор*

И. М. Триодина, *кандидат культурологии, доцент*

А. Н. Чистиков, *доктор исторических наук*

В. П. Яковлев, *кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полторак

Куратор сайта Е. А. Беседина, *кандидат исторических наук*

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел.: (812) 534-28-28; 335-31-00 (тональный режим (*), 4224)

E-mail: nestorklio@mail.ru

poltorak2006@yandex.ru

www.nestor-spb.ru

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга» осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2009

© Авторы публикаций, 2009

© Издательство «Нестор», 2009

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — «Новая Голландия». 1945 г. Художник А. А. Осмеркин (1892–1953). Холст, масло. 105x75. Государственный Русский музей.

На 4-й странице обложки — «Мойка. Белая ночь». 1927 г. Художник А. А. Осмеркин (1892–1953). Холст, масло. 74x93. Государственная Третьяковская галерея.

Памяти Берты Яковлевны Бехтеревой

Ф. Э. Арэ

Владимир Михайлович Бехтерев — одна из выдающихся личностей в истории Петербурга XX века, всемирно известный ученый широкого профиля (невропатолог, психиатр, морфолог, физиолог, психолог), организатор науки и общественный деятель, внесший неоценимый вклад в науку о человеке. В 1907 году он основал на частные пожертвования Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт, который в настоящее время носит его имя. С 1892 по 1925 год по инициативе и при непосредственном участии В. М. Бехтерева в Петербурге были организованы 30 научно-исследовательских институтов, учебных заведений, клиник, лабораторий и 10 научных журналов медицинского профиля. В 1920-е годы, возглавляя несколько научно-исследовательских институтов, он еще и редактировал ряд научных журналов¹. Работоспособность этого человека была поистине уникальной — 1700 опубликованных им работ хранятся в Мемориальном музее В. М. Бехтерева при Санкт-Петербургском психоневрологическом институте.

В. М. Бехтерев был активным общественным деятелем прогрессивных взглядов. Наиболее ярким их проявлением в царское время стало его участие в 1913 году во всемирно известном судебном процессе по делу М. Т. Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве на религиозной почве для использования христианской крови при изготовлении мацы к иудейскому празднику Пасхи. М. Т. Бейлис был оправдан судом присяжных, и решающим фактором в вынесении оправдательного приговора стало экспертное заключение В. М. Бехтерева. По его собственному мнению, участие в том процессе явилось одной из причин его изгнания из Военно-медицинской академии и принудительного выхода на пенсию².

Общественная деятельность В. М. Бехтерева продолжалась и в

Берта Яковлевна Гуржи
(вероятно, незадолго
до революции 1917 г.)

Советской России. Ее яркими примерами являются его обращение в 1920 году к врачам всего мира с призывом протестовать против продовольственной блокады России государствами Антанты, создание с помощью Максима Горького комиссии по улучшению быта ученых при Петроградском доме ученых, работа в составе той комиссии и многое другое³. Обширная и разносторонняя деятельность В. М. Бехтерева нашла признание и поддержку у советской власти. В 1927 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки⁴.

Умер В. М. Бехтерев 24 декабря 1927 года в Москве при загадочных обстоятельствах. По официальному медицинскому заключению причиной смерти стал паралич сердца. Молва связывает кончину ученого с медицинской консультацией, которую он дал И. В. Сталину накануне смерти.

В период перестройки в средствах массовой информации появились первые попытки выяснения истинных причин смерти В. М. Бехтерева. В статьях О. Мороза⁵ и В. Д. Тополянского⁶, например, приведен ряд фактов и соображе-

ний, позволяющих предполагать, что В. М. Бехтерев был отравлен и причиной насильственной смерти стал его диагноз болезни В. И. Сталина. Но никаких доказательств такого предположения не найдено. В статье О. Мороза, кроме того, излагается версия о том, что к отравлению В. М. Бехтерева была якобы причастна его жена Берта Яковлевна, которая сопровождала его в последней поездке в Москву. Источником этой версии названы члены семьи ученого, которые будто бы были убеждены в том, что Берта Яковлевна убила мужа исходя из меркантильных соображений. Был назван сын В. М. Бехтерева Петр (в 1927 году ему было 39 лет), который «всем рассказывал о своих подозрениях». Однако в статье не приведено никаких прямых или косвенных доказательств или сведений, подтверждающих версию о причастности Берты Яковлевны к смерти В. М. Бехтерева.

В той статье также сказано, что психиатр М. И. Буянов, давно изучающий биографию В. М. Бехтерева, и «некоторые другие» утверждают, что Берта Яковлевна была родственницей Ягоды.

25 августа 2002 года в 14 час. 20 мин. телеканал «Россия» в передаче «Исторический детектив. Врачебная тайна» транслировал беседу с академиком Н. П. Бехтеревой. Внучка Владимира Михайловича снова на всю страну сообщила мнение своего отца, Петра Владимировича Бехтерева, о том, что Берта Яковлевна могла убить мужа. В подтверждение этой версии она сказала, что Берта Яковлевна была членом большевистской партии, и ее могли заставить это сделать.

В 2008 году передача «Исторический детектив. Врачебная тайна» была повторена по крайней мере дважды. В последний раз на канале ТВ-3 15 ноября в 20 часов.

Я прихожусь Берте Яковлевне Бехтеревой племянником по от-

цовской линии и, по-видимому, являюсь ее последним живым родственником в России. Версия о причастности Берты Яковлевны к смерти ее супруга категорически противоречит семейным воспоминаниям и сохранившимся у меня документам, касающимся характера ее взаимоотношений с мужем. Считаю своим долгом встать на защиту доброго имени Берты Яковлевны и ознакомить всех, кто интересуется биографией В. М. Бехтерева, с имеющимися в моем распоряжении данными.

Я родился в 1927 году в семье врача, Эрнеста Яковлевича Арэ, брата Берты Яковлевны, и встречался с нею только в дошкольном возрасте, потому что моя семья, начиная с 1932 года, проживала далеко от Ленинграда. В моей памяти о Берте Яковлевне сохранилось только то, что она была высокой крупной женщиной, чем выделялась на фоне моих домашних – мамы, бабушки и других.

Все мои родственники, кроме Берты Яковлевны, были самыми рядовыми гражданами. Для них жена знаменитого профессора В. М. Бехтерева, знакомая с Ильей Репиным, Максимом Горьким, М. И. Калининым, имевшая возможность выезжать за границу, была человеком из другого мира. Поэтому известие о ее аресте в 1937 году для нас было громом среди ясного неба. В то время мы жили на Украине, в г. Старокопачевской области Каменец-Подольской области. Сообщение об аресте, по всей вероятности, прислала домработница Берты Яковлевны. Моя мать, Елизавета Федоровна Арэ, немедленно выехала в Ленинград. Ей удалось побывать в квартире Берты Яковлевны по адресу: Гагаринская ул., 14, кв. 14, под предлогом того, что в ней остались вещи моего отца, который ранее там проживал. С позиции сегодняшних дней этот поступок моей матери представляется смертельно опасным и потому безрассудным, но, по-видимому, в то время мои родители еще не до конца поняли, что представляла собой так называемая советская власть. Дворник дома, в котором проживала Берта Яковлевна, подтвердил факт проживания ее брата, и мою мать пустили в квартиру в присутствии двух работников

НКВД. На полу валялись разные вещи, в том числе оттиски трудов В. М. Бехтерева, выброшенные из шкафов и столов во время обыска. Работники НКВД ходили по этим вещам, не скрываясь отправляли в карманы широких брюк галифе некоторые вещи с письменного стола. Вероятно, они были удивлены появлением моей матери и спросили ее, не боится ли она приходить сюда. Мать ответила, что ей нечего бояться. На это ей сказали, что если она им понадобится, они ее непременно найдут. Моя мать заметила в одном из выдвинутых ящиков письменного стола папку, из которой выглядывала фотография родителей Берты Яковлевны. Улучив момент, когда работники НКВД вышли в другую комнату, она спрятала эту папку под одежду.

В течение нескольких дней пребывания в Ленинграде моя мать пыталась отправить передачу Берте Яковлевне, но ей в этом было отказано.

На Украину мать вернулась с собакой Берты Яковлевны, породистой красавицей лайкой, которая осталась бесхозной. В 1941 году эту собаку удалось увезти в первую эвакуацию в г. Полтаву. Перед второй эвакуацией пришлось ее усыпить.

О дальнейшей судьбе Берты Яковлевны мы узнали только в 1990 году.

Папка с документами, вынесенная из квартиры Берты Яковлевны, была передана на хранение одинокой сестре моей матери Наталии Федоровне, которая постоянно проживала в Ленинграде в коммунальной квартире. Во время блокады в комнату Наталии Федоровны попал снаряд, и она переехала к нашим старым знакомым в другую коммунальную квартиру. Весной 1943 года, сразу после прорыва блокады, она и одна оставшаяся в живых знакомая были эвакуированы из Ленинграда. Комната в коммунальной квартире осталась пустой. Через год Наталия Федоровна вернулась в Ленинград. Папка Берты Яковлевны в оставленной комнате сохранилась. В ней оказался ряд документов, использованных мною в дальнейшем изложении.

В 1937 году мои родители уже знали, что они в опасности. Примерно с 1932 по 1935 год мы жили

в г. Старый Крым Крымской АССР. В Феодосии у отца был друг Саша Зупан, тоже врач, латыш. Однажды он был арестован НКВД. В тюрьме его несколько дней избивали, заставляя подписать ложный донос на моего отца. Зупан отказался это сделать и, к счастью, неожиданно был освобожден. Разумеется, он рассказал обо всем отцу. Родители решили сменить место жительства, и после нескольких переездов отец нашел осенью 1937 года работу в маленьком тихом городке Старокопачевской, где мы оставались до начала Великой Отечественной войны. В течение какого-то времени мой беспартийный отец был главврачом городской больницы. Затем был освобожден от этой должности, но продолжал работать хирургом. У него отобрали паспорт и военный билет, и все же до начала войны он уцелел, а 2 июля 1941 года обратился в военкомат с просьбой отправить его на фронт добровольцем. После того ему вернули документы и зачислили в ряды действовавшей армии. Он начал военную службу с полевого эвакуационного пункта, а затем был хирургом полевого госпиталя в течение всей войны с Германией и, позже, с Японией.

Постоянная угроза репрессий, которая висела над нашей семьей, стала причиной того, что, пока я не стал взрослым, опасные темы при мне не обсуждались, а после ареста Берты Яковлевны ее история вообще стала семейным табу. Отец до самой своей смерти в 1971 году тщательно скрывал, что он брат «врага народа».

После демобилизации осенью 1945 года отец поехал на родину в Латвию и до выхода на пенсию работал директором районной больницы в г. Бауска. Со временем это полуразрушенное медицинское учреждение стало одной из лучших больниц Латвии, а отцу было присвоено звание заслуженного врача Латвийской ССР. В двухстах километрах от Бауска находится Яунгульбене, где отец родился и где похоронены его родители. За все 26 лет жизни в Латвии он ни разу не позволил себе посетить Яунгульбене из опасения, что на родине кто-то может его узнать или вспомнить.

Все эти особенности жизни нашей семьи стали причиной того, что я очень мало знаю о Берте Яков-

левне, и спросить уже не у кого. Моя мать незадолго до своей смерти в 1999 году начала писать семейные воспоминания, но про Берту Яковлевну написать не успела.

Ниже я постарался изложить все, что мне известно о жизни Берты Яковлевны. Многое основано только на семейных воспоминаниях. Поэтому возможны некоторые неточности или ошибки. Везде, где было возможно, даны ссылки на документы, электронные копии которых переданы мною в музей В. М. Бехтерева.

Берта Яковлевна Арэ (ударение на первой букве) родилась в селе Нойшваненбург (Neuschwanenburg) Лифляндской губернии России. В настоящее время этот населенный пункт в Латвии называется Яунгульбене.

По воспоминаниям моей матери, Берта Яковлевна родилась в 1884 году. В 4-м томе Ленинградского мартиролога за 1937–1938 годы⁷ указан год ее рождения – 1887-й. В справке прокуратуры о ее аресте в 1937 году тоже записан 1887 год, но сказано, что по другим сведениям она родилась в 1890 году. Последняя дата представляется ошибочной. Наиболее вероятная дата рождения – 1887 год.

Берта Яковлевна родилась в семье латышских крестьян. Ее отец Яков (Jakob) Иванович в свои последние рабочие годы был управляющим какого-то имения. Мать звали Анетта Петровна.

22 июня 1896 года в семье Арэ родился сын Эрнест – мой отец. Других братьев или сестер у Берты Яковлевны не было.

Берта Яковлевна получила среднее образование в Латвии. Кроме латышского языка владела русским и немецким, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма.

В 1908 году, то есть в возрасте 21 года, она жила самостоятельно, без родителей, в городе Терийоки (ныне г. Зеленогорск Ленинградской области).

Ее первым мужем был Петр Петрович Гуржи (ударение на последнем слоге), человек весьма состоятельный. Некоторые фотографии Берты Яковлевны времен первого замужества свидетельствуют о ее материальном благополучии. Дата бракосочетания Берты Яковлевны и Петра Петровича неизвестна. Но это

событие определено состоялось до начала Первой мировой войны. Супруги проживали в Петербурге на Гагаринской ул. в доме № 14 в квартире № 14, которая принадлежала П. П. Гуржи.

Петр Петрович умер в 1916 году. Он страдал прогрессирующим параличом, лечился у В. М. Бехтерева и, по словам Берты Яковлевны, «умер у него на руках». По-видимому, таким путем в то время и состоялось знакомство Берты Яковлевны и В. М. Бехтерева.

После смерти П. П. Гуржи Берта Яковлевна проживала в той же квартире по Гагаринской ул. по крайней мере до конца 1925 года.

В ноябре 1988 года, ознакомившись со статьей О. Мороза, моя мать написала письмо главному редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому, в котором изложила некоторые факты биографии Берты Яковлевны и сослалась на имеющиеся у нее документы, опровергавшие версию о причастности Берты Яковлевны к убийству мужа. Ответ пришел из отдела науки «Литературной газеты». Газета не проявила интереса к сохранившимся в нашей семье документам.

Утверждения М. И. Буянова о родственных связях Берты Яковлевны с Ягодой и Н. П. Бехтеревой о том, то Берта Яковлевна была членом партии, как и версия членом семьи В. М. Бехтерева в целом, поражают своей нелепостью. Как могла латышка, выросшая в Латвии, оказаться родственницей еврея Еноха Гершеновича Иегуды, уроженца г. Рыбинска⁸, который до 1912 года был жителем Нижнего Новгорода⁹? Как могла жена русского «буржуя» П. П. Гуржи проникнуть в партию большевиков?

В действительности у Берты Яковлевны в России и в Советском Союзе не было никаких родственников, кроме ее единственного брата, моего отца Эрнеста Арэ. Были родственники в Латвии. В 1940-х годах я вместе с родителями один раз встречался в Риге с двумя пожилыми латышками, которые по своему возрасту могли быть двоюродными сестрами Берты Яковлевны.

Она не могла быть членом партии прежде всего по своим убеждениям. В моей семье вообще нет и не было членов партии. Мне удалось прожить более 80 лет не только без

партийного, но и без комсомольского билета. Исчерпывающий ответ по поводу партийной принадлежности Берты Яковлевны можно найти в Ленинградском мартирологе за 1937–1938 годы – беспартийная¹⁰.

Оценивая возможность упомянутых в статье О. Мороза меркантильных соображений, которые могли толкнуть Берту Яковлевну на преступление, следует учесть, что она унаследовала большое состояние после смерти первого мужа, которое хранилось за границей. Она неоднократно выезжала за пределы СССР и могла не вернуться именно по меркантильным соображениям, но не сделала этого.

Версия П. В. Бехтерева, если исключить намеренную клевету по не известным мне причинам, свидетельствует о том, что сын В. М. Бехтерева ничего не знал об истинном характере взаимоотношений отца с Бертой Яковлевной, что выглядит довольно странным.

Версия П. В. Бехтерева подразумевает, что выдающийся психиатр В. П. Бехтерев в течение более 10 лет дружбы и совместной супружеской жизни с Бертой Яковлевной не сумел распознать в ней человека, способного его убить. Это оскорбление памяти собственного отца и великого ученого.

Мой отец, Э. Я. Арэ, который с 1914 по 1925 год жил вместе с сестрой в Петербурге, знал, что ее отношения с В. М. Бехтеревым основывались на глубоком взаимном уважении и любви. В то время Берта Яковлевна была в хороших отношениях со всеми членами семьи В. М. Бехтерева, общалась с ними в Петербурге, вместе с некоторыми из них и с В. М. Бехтеревым ездила отдыхать на юг. По-видимому, в то время всех детей В. М. Бехтерева устраивало то, что Берта Яковлевна заботилась об их одиноком отце. После бракосочетания с В. М. Бехтеревым отношение некоторых членов его семьи к Берте Яковлевне резко изменилось. Не меркантильные ли соображения стали причиной того изменения? Впрочем, хорошие отношения Берты Яковлевны с дочерьми В. М. Бехтерева Ольгой и Марией сохранились и после бракосочетания, и после его смерти.

Убедительным опровержением версии П. В. Бехтерева является известная групповая фотография

у смертного одра ученого. Среди одиннадцати человек, стоявших у тела, только Берта Яковлевна резко выделялась скорбным выражением лица человека, убитого горем.

По всей вероятности, Берта Яковлевна до конца своей жизни не знала о том, что ее подозревали в убийстве В. М. Бехтерева. Она была женщиной с сильным характером, и если бы знала, то не оставила бы эти обвинения без ответа. И уж во всяком случае сообщила бы о них моему отцу.

Ниже приводятся документы, которые дают представление об истинном характере взаимоотношений В. М. Бехтерева и Берты Яковлевны и о ее роли в последних годах жизни ученого.

Бракосочетание Берты Яковлевны с Владимиром Михайловичем Бехтеревым состоялось 21 июля 1926 года в Кисловодске, о чем В. М. Бехтерев сообщил родителям Берты Яковлевны в письме от 27 июля 1926 года. В том письме он сообщал, что бракосочетание состоялось «...после более чем 10-летней нашей взаимной привязанности и горячей любви». Эта фраза, в частности, подтверждает, что их знакомство состоялось еще до смерти первого мужа Берты Яковлевны.

Находясь в Кисловодске, В. М. Бехтерев написал письмо своим детям, в котором сообщил о бракосочетании с Бертой Яковлевной. Сохранился черновик того письма. В письме, в частности, говорилось, что после смерти Натальи Петровны – первой жены В. М. Бехтерева – прошло несколько месяцев. В том письме было сказано, что она умерла «...после тяжелой и долго длившейся болезни, против которой бессильными оказались все...» усилия медицины.

Мой отец по приглашению Берты Яковлевны примерно в 1914 году переехал из Латвии в Петербург. Там он учился сначала в реальном училище Н. П. Шеповальникова, а затем в Военно-медицинской академии и жил у сестры в квартире на Гагаринской ул. до окончания учебы в 1925 году. Поэтому нашей семье было известно, что Берта Яковлевна и В. М. Бехтерев после кончины П. П. Гуржи в течение нескольких лет жили в гражданском браке. Часть того времени первая

жена В. М. Бехтерева жила в Финляндии. Она была тяжело больна и недееспособна.

Г. Бальдыш упоминает о том, что Наталья Петровна осталась одна «...на даче, отрезанная в ноябре наступлением белофиннов»¹¹. По-видимому, речь идет о семейной усадьбе «Тихий берег» под Зеленогорском¹², которая в 1917 году оказалась на территории Финляндии. Дипломатические отношения между Финляндией и Советской Россией были установлены только 31 декабря 1920 года¹³. Вероятно, это препятствовало возвращению Натальи Петровны в Петербург.

После революции 1917 года Берта Яковлевна была вынуждена работать. В частности, некоторое время она работала в Комиссии по улучшению быта ученых при Петроградском доме ученых. По данным Г. Бальдыша¹⁴, та комиссия была создана приблизительно в 1920 году, и В. М. Бехтерев был ее членом. По всей вероятности, именно он устроил Берту Яковлевну на работу в той комиссии.

Берта Яковлевна сопровождала В. М. Бехтерева в его последней поездке в Москву в декабре 1927 года. Она была уверена в том, что ее мужа отравили. К сожалению, мне не известно ее мнение о том, как это убийство могло быть осуществлено.

После бракосочетания с В. М. Бехтеревым Берта Яковлевна официально проживала с ним в его доме по современному адресу: набережная реки Малой Невки, д. 25. Об этом свидетельствует ее завещание, нотариально заверенное 21 февраля 1928 года. В том завещании указан адрес: набережная р. Невки дом № 7-б.

По словам Берты Яковлевны, вскоре после смерти мужа она переехала в свою квартиру на Гагаринской ул. и передала дом на Невке государству. В июне 1928 года Берта Яковлевна получила пожизненную персональную пенсию республиканского значения (РСФСР) 150 рублей «по мужу». В сохранившемся пенсионном удостоверении указан адрес проживания: Гагаринская ул., 14, кв. 14. Члены семьи В. М. Бехтерева передачей дома были очень недовольны.

Берта Яковлевна была арестована 20 октября 1937 году, по обвинению в шпионаже в пользу Латвии и в контрреволюционной

пропаганде среди профессуры Ленинграда. Приговорена к расстрелу 8 декабря 1937 года. Расстреляна 15 декабря 1937 года. Реабилитирована в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

Через месяц после ареста Берты Яковлевны, 20 ноября 1937 года, Совет народных комиссаров СССР решил повысить ей персональную пенсию до 600 рублей в месяц. Уведомление прибыло в Ленинград 25 декабря 1937 года, через 10 дней после расстрела...

В папке, которую моей матери удалось вынести из квартиры Берты Яковлевны после ее ареста, оказались семейные фотографии, письма В. М. Бехтерева, газетные и журнальные статьи, посвященные его деятельности, несколько десятков писем почитателей ученого со всех концов страны, посвященных делу Бейлиса, 40-летию научной деятельности В. М. Бехтерева и его кончине. Там же оказалась фотография И. Е. Репина с дарственной надписью Владимиру Михайловичу, записка М. Горького с просьбой принять ее подателя. Часть документов была завернута в бумагу с надписью «Бессмертие», сделанной рукой Берты Яковлевны. Очевидно, что содержимое папки было дорого Берте Яковлевне и бережно хранилось ею в течение 10 лет после смерти мужа. В папке оказались некоторые письма, которые дают совершенно определенное представление о характере их взаимоотношений. Их содержание в моем прочтении с сохранением правописания оригинала приводится ниже.

«Дорогая Берта Яковлевна.

Поздравляю тебя с предстоящими светлыми праздниками и выражаю вместе с этим все наилучшие пожелания. Не забывай ни на минуту, как счастлив тот, кого любят так беззаветно, не считаясь с жертвами и страданиями. Будь счастлива и ты ...

Твой В. Бехтерев
16/IV»

Судя по дате, это поздравление с Пасхой. Год написания неизвестен. Сам факт написания поздравительного письма говорит о том, что тогда они еще жили врозь и, следовательно, не были связаны браком. Обращает на себя внимание упоминание о жертвах и страданиях Берты

Яковлевны. Думаю, что В. М. Бехтерев, употребляя эти слова, в той или иной мере имел в виду, что она после смерти первого мужа, имея значительные средства за границей и возможность покинуть Советский Союз, предпочла остаться с ним.

«Дорогие мои Яков Федорович и Анетта Петровна.

Почитаю своим долгом осведомить Вас, что 21 июля сего года состоялось мое бракосочетание с Вашей прекрасной и горячо любимой мною дочерью Бертой Яковлевной Гуржи в г. Кисловодске, где мы в настоящее время пребываем, пользуясь курортным сезоном. Я безгранично счастлив, что Берта Яковлевна выразила свое согласие на замужество со мной. Надеюсь, что и Вы отнесетесь благосклонно к нашему браку, состоявшемуся после более чем 10 летней нашей взаимной привязанности и горячей любви. Надеюсь, что нынешней осенью после Кисловодска мне удастся лично побывать в Нейшваненбурге и лично засвидетельствовать свое глубокое уважение и чувства полной и безграничной преданности.

С истинным почтением и пожеланиями всего наилучшего остаюсь

В. Бехтерев
27/VII 1926»

«Дорогие Воля, Лёля, Катя и Петя.

Прошло уже несколько месяцев как мы с Вами потеряли маму после тяжелой и долго длившейся болезни, против которой бессильными оказались все ... медицины.

Как ни горестно случившееся ... при моих непрерывных занятиях мне нельзя оставаться без того ухода и той взаимности, которые так облегчают существование и которые может дать только столь близкий человек как жена и никто другой. Руководствуясь этим, я на этих днях записался в здешнем заксе на предмет бракосочетания с Бертой Яковлевной Гуржи, которой симпатиями я пользовался прежде и которая в чем я уверен скрасит мне мои грядущие дни. Я высоко ценю в Б. Я. ее давнюю и в полной мере бескорыстную привязанность ко мне, испытанную уже в течение многих лет и в свою очередь я не мог не привязаться к ней за долгий период знакомства с ней. Остаюсь

Владимир Михайлович и Берта Яковлевна Бехтеревы

в уверенности что никто из вас не посетует на этот мой шаг, тем более что он ни в чем не изменит нашего установившегося за последнее время жизненного уклада. Дело в том, что Берта Яковлевна согласилась выйти за меня замуж с тем чтобы не было каких либо особых изменений в нашей жизненной обстановке.

Нечего говорить, что этот брак даст мне то спокойствие и то счастье, которым все вы, к сожалению кроме одной Мусы, в одинаковой мере пользуетесь. Прошу передать мой сердечный привет всем. Подробности о нашем житье бытче здесь в Кисловодске напишет вам Муся.

Любящий вас папа».

Это черновик письма В. М. Бехтерева его детям, написанный незадолго перед бракосочетанием. По-видимому, письмо далось В. М. Бехтереву нелегко. Об этом говорят многочисленные исправления. Едва ли не треть текста перечеркнута. Местами видна с трудом читаемая редакционная правка, сделанная Бертой Яковлевной карандашом. На обороте последней страницы – плохо различимые наброски обращения самой Берты Яковлевны к детям В. М. Бехтерева.

Стиль письма дает основание полагать, что В. М. Бехтерев не исключал отрицательной реакции детей на его брак с Бертой Яковлевной.

Последняя фраза письма говорит о том, что они были в Кисловодске вместе с дочерью Владимира

Михайловича Марией, которую в семье звали Мусей.

«И я роптать уже не стану,
Когда отвергнешь ты меня.
Я все ж любить не перестану
Всем жаром пылкого огня.
10/X 1926»

Это четверостишие на маленьком листочке бумаги, по-видимому, представляет собой последние строки отсутствующего текста. По какой-то причине Б. Я. Гуржи сохранила только эти строки. Дата говорит о том, что четверостишие написано примерно через 3 месяца после бракосочетания. За 2 дня до указанной даты, 8/X 1926, В. М. Бехтерев написал на своем фотопортрете: «Слушайся меня безпрекословно! Твой Ладо». Можно только гадать о том, что вызвало эти два высказывания В. М. Бехтерева. Очевидно только то, что они были дороги Берте Яковлевне и бережно хранились ею.

Вызывает восхищение то, что В. М. Бехтерев в возрасте 69 лет был способен на столь яркие чувства по отношению к своей жене. И каково могло быть ответное отношение со стороны 39-летней женщины, которая завоевала такую любовь великого ученого?

«22/II 1927

Дорогие Анета Петровна и Яков Иванович.

Сейчас провожаю к Вам мою безценную Берту Яковлевну, и вместе с тем глубоко скорблю, что совершенно непредвиденные и неустрашимые обстоятельства лишили меня возможности поехать вместе с нею, чтобы встретиться по-родственному с Вами и повидать и обнять тех двух, которые так мне близки. Но с Бертой Яковлевной мы решили, что еще нынешней же весной, как только освобожусь от лекций и других дел, первым делом приедем в Нейшваненбург и остановимся на время у Вас проездом дальше за границу. Дорогую мне безценную Берту Яковлевну поручаю Вашему попечению и прошу уговорить ее, чтоб она не уехала обратно до тех пор пока врачи не разрешат ей выезд, сообразуясь с ее здоровьем. Мне не было бы больше радости (как бы не тяжело было расставаться с ней на то или другое время) чтобы она вернулась обратно в полном здравии и по возможности скоро. Боюсь однако, что при ее мнительности она будет беспокоиться и тревожиться о своем доме здесь, но

Вы ее всегда успокойте своим добрым и ласковым словом, ибо здесь все за время ее отъезда будет благополучно, как было всегда благополучно и до ее отъезда отсюда.

С наилучшими пожеланиями остаюсь преданный Вам
В. Бехтерев».

Это письмо родителям Берты Яковлевны, написанное через 7 месяцев после бракосочетания и за 10 месяцев до смерти В. М. Бехтерева, дышит любовью и заботой о супруге.

Высказывания В. М. Бехтерева в приведенных письмах, несомненно, свидетельствуют о том, что в течение последних десяти лет своей жизни он горячо любил Берту Яковлевну и был уверен в ее взаимности и бескорыстии.

Для оценки роли Берты Яковлевны в жизни В. М. Бехтерева представляют интерес еще два документа. Один из них – это телеграмма президиума юбилейного банкета, отправленная в адрес Б. Я. Гуржи по Гагаринской ул., 14, кв. 14. Год и месяц отправки на бланке телеграммы отсутствуют. Указан только день получения – 22-е число. В «Вестнике знаний» № 6 за вторую половину марта 1926 года¹⁵ опубликован большой материал, посвященный 40-летию научной деятельности В. М. Бехтерева. Торжественное заседание по поводу юбилея состоялось 20 декабря 1925 года, юбилейный банкет – 21 декабря. В то время Берта Яковлевна носила фамилию Гуржи и проживала на Гагаринской ул. по указанному адресу. По-видимому, телеграмма была отправлена президиумом именно того банкета.

Текст телеграммы говорит о том, что коллеги В. М. Бехтерева знали о его близких отношениях с Б. Я. Гуржи еще до того, как она стала его женой, и высоко оценивали ее роль в жизни ученого.

Второй из вышеупомянутых документов – это письмо Ксении Кандаратской, которое она написала Берте Яковлевне вскоре после смерти В. М. Бехтерева.

«Глубокоуважаемая Берта Яковлевна.

На похоронах я не решилась подойти к Вам с выражением своего соболезнования, но издали смотрела на красивую, благородную линию Вашего профиля с влажными от

Телеграмма президиума юбилейного банкета, предположительно посвященного 40-летию научной деятельности В. М. Бехтерева и состоявшегося 21 декабря 1925 г.

слез ресницами я все время испытывала непреодолимое желание пожать с глубоким сочувствием Вашу руку.

Для меня теперь, когда нет больше дорогого В. М. как то особенно глубоко осознается роль женщины – давшей ему так много счастья последние годы перед смертью.

Единственно что еще может немного смягчить острую боль от понесенной всеми утраты – это то удовлетворение, которое испытываете при мысли что под конец своей жизни в личном, интимном отношении ему было так хорошо как может быть никогда раньше. Окруженный Вашей заботой, нежностью, шармом – присущим Вашей личности, – он умер щедро вознагражденный судьбой за все те неисчерпаемые ценности, кот. он дал человеческой культуре.

В этом смысле для всех кому дорога память этого великого человека нашей современности в этот

последний период его жизни – неразрывно связана будет с воспоминанием о Вас.

Для всех нас Вы останетесь навсегда окруженной ореолом вечной женственности и романтики самого высокого и самого красивого значения.

Вы хорошо знаете, глубокоуважаемая Берта Яковлевна, что Ваше горе разделяют вместе с Вами очень, очень многие для которых человек, который был Вам так дорог и так близок – был так же бесконечно дорог как источник неисчерпаемой духовной мудрости. Мы все сейчас в этом смысле очень, очень осиротели ... И невольно кажется что в Вашем лице жизнь сохранила осколок чего то очень большого и ценного, чем была жизнь дорогого В. М.

Примите от всей нашей семьи выражение глубочайшего сочувствия и почтения. Ксения Кандаратская».

Содержание письма производит большое впечатление и не требует комментариев. К. М. Кандаратская была сестрой мужа дочери В. М. Бехтерева Ольги (Лёли). В статье О. Мороза¹⁶ сказано, что доцент К. М. Кандаратская часто бывала в семье В. М. Бехтерева. Письмо К. М. Кандаратской свидетельствует о том, что не все родственники В. М. Бехтерева разделяли подозрения его сына Петра и относились к Берте Яковлевне так же, как он. После смерти В. М. Бехтерева хорошие отношения Берта Яковлевна сохраняла с его дочерью Марией (Мусей), которая жила в Чехословакии. Они переписывались, и Берта Яковлевна навещала ее в Праге.

¹ К сорокалетию научно-общественной деятельности акад. В. М. Бехтерева (юбилейная памятка) // Вестник знаний. 1926. № 6. Л.: Изд-во «П. П. Сойкин». С. 417–456.

² Плутник А. Маленький человек в переполненном ненавистью мире // Известия. 1993. № 208.

³ Бальдыш Г. Бехтерев в Петербурге–Ленинграде. Л.: Лениздат, 1979. С. 320; Мясищев В. М. Владимир Михайлович Бехтерев (Предисловие к книге «В. М. Бехтерев». Избранные произведения. М., 1954), www.biografia.ru.

⁴ Бальдыш Г. Указ. соч. С. 320.

⁵ Мороз О. Последний диагноз // Литературная газета. 1988. № 39 (5209).

⁶ Тополянский В. Д. Ночь перед Рождеством в 1927 г. // Огонек. 1989. № 14. С. 9–10.

⁷ Там же.

⁸ Википедия. Свободная энциклопедия. <http://ru.wikipedia.org>

⁹ Энциклопедия «Кругосвет». www.krugosvet.ru

¹⁰ Ленинградский мартиролог 1937–1938. Т. 4. Изд-во Росс. нац. б-ки, 1999. С. 735.

¹¹ Бальдыш Г. Указ. соч. С. 229.

¹² Историческая личность доктор Бехтерев // Адреса Петербурга. 2008. № 29/43. С. 36–39.

¹³ Большая советская энциклопедия, 1969–1978, <http://bse.sci-lib.com>

¹⁴ Бальдыш Г. Указ. соч. С. 320.

¹⁵ Мясищев В. М. Указ. соч.

¹⁶ Мороз О. Указ. соч.

Профессор И. А. Шляпкин — историк, библиофил

А. С. Дубин

Вся жизнь и творческая деятельность Ильи Александровича Шляпкина была связана с нашим городом. Родился он в селении Александровка Белоостровской волости Санкт-Петербургского уезда и губернии в мае 1858 года. Единственный сын бывших крепостных – фабричного механика и неграмотной крестьянки, он воспитывался в столице, в семье дяди, чиновника банка, окончил 3-ю петербургскую гимназию (на Гагаринской улице). Не без трудностей юноша поступил в Петербургский университет и в 1881 году окончил его по филологическому факультету. Первая научная работа И. А. Шляпкина была написана и издана еще в 1879 году, в студенческие годы, – «Опись рукописей и книг Псковского Археологического музея». Тогда определилось и главное направление его исследований – древняя русская письменность и литература.

И. А. Шляпкин не имел высоких родственных связей, не имел влиятельных покровителей. Всего в жизни и в науке он добился сам, благодаря неустанному труду, таланту, огромной эрудиции.

Много лет спустя, в 1907 году, И. А. Шляпкин вспоминал о своей жизни в автобиографической записке «Для немногих», изданной всего в 25 экземплярах. Несколько лет, в 1880–1884 годах, он был домашним учителем в семье графа С. Д. Шереметева, возглавлявшего Общество любителей древней письменности. Вместе с графом И. А. Шляпкин объездил тогда всю Россию. «Погоня за русскими древностями и рукописями, за «византийщиной» всякого рода совершалась мной не только по России (Москва, Псков, Новгород, Ростов, Ярославль, Владимир на Клязьме, Юрьев Польской, Переяславль Залесский, Смоленск, Суздаль, Владимир Волинский, Луцк, Полоцк, Киев, Архангельск, Устюг, Вологда, Соловки), но и за

Илья Александрович Шляпкин

Мария Ивановна Шляпкина

границей...»¹. Шляпкин с увлечением занимался в архивах, монастырских библиотеках, делал выписки из книг, их описания.

Своим учителем он считал профессора русской словесности Ореста Федоровича Миллера (1833–1889). После окончания

университета Шляпкин был оставлен О. Ф. Миллером на кафедре, получил звание приват-доцента, потом – профессора, а в 1907 году был избран членом-корреспондентом Академии наук. Показателем общественного признания его заслуг может служить подробная статья о нем, 45-летнем профессоре университета, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Т. XXXIX. С. 717, 1903).

Круг научных интересов И. А. Шляпкина был весьма широк – работы по древнерусской литературе, литературе XIX века, русской культуре, палеографии. Его магистерская диссертация 1891 года посвящена истории новгородского собора Св. Софии². Особо он интересовался и любил петровское время. Посвятил работы сестре и сподвижнице царя Петра – царевне Наталии Алексеевне, созданному ею первому русскому театру. Издав в 1898 году книгу о театре Наталии Алексеевны, И. А. Шляпкин и в последние месяцы жизни интересовался той же темой.

Кроме университета, Илья Александрович преподавал на Высших женских курсах, в Николаевском кадетском корпусе, Археологическом институте, Императорском Александровском лицее, женских гимназиях столицы. Ученый пользовался симпатиями учащейся молодежи; по воспоминаниям об Александре Блоке, И. А. Шляпкин был его любимым профессором³.

Илья Александрович был страстным собирателем книг, антиквариата, постоянным посетителем лавок букинистов и аукционов. «Антиквар в душе, собрал я коллекцию русских древностей, картин, гравюр и библиотеку, имевшую в нынешнем 1907 году свыше 10 000 названий. Пополнял ее из разгромленных (т. е. распроданных. – А. Д.) библиотек О. М. Бодянского, А. Н. Попова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина... В 1897 г. вы-

строил себе на родине, близ Белоострова дом, куда перевез свое разбитое сердце и все свои книги и коллекции»⁴. По воспоминаниям Ф. Г. Шилова, «...каждая книга библиотеки Шляпкина имела какую-нибудь особенность: либо она была с автографом, либо это был корректурный экземпляр, либо веленевый. Словом, библиотека была уникальная»⁵.

Труды ученого по истории древнерусской литературы, русского театра, по церковно-славянскому языку и русской палеографии своего значения не утратили и до настоящего времени, но из-за отсутствия современных изданий его трудов они используются редко.

Пушкиноведение не было основной темой исследований И. А. Шляпкина, но и в изучение жизни и творчества великого поэта им внесен значительный вклад. В дни празднования 100-летия А. С. Пушкина в 1899 году И. А. Шляпкин выступил в лицее с докладом «Пушкин и свобода личности»⁶. В 1903 году он выпустил (в типографии М. М. Стасюлевича) ценное издание документов поэта, полученных от родственников покойного П. В. Анненкова, биографа и издателя А. С. Пушкина. Среди опубликованных И. А. Шляпкиным в книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» документов (с подробными комментариями) – много ранее неизвестных писем А. С. Пушкина к А. Х. Бенкендорфу, И. И. Лажечникову, А. П. Ермолову, А. О. Смирновой, М. П. Погодину и писем А. С. Пушкину от Е. А. Карамзиной, Д. В. Давыдова, Н. И. Гнедича, П. А. Осиповой, Л. С. Пушкина, Н. И. Павлищева, В. Ф. Одоевского, Н. А. Дуровой, И. П. Мятлева⁷.

Много пушкинских сюжетов встречается и в неопубликованном дневнике И. А. Шляпкина, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Собственно, это даже и не дневник. В нем содержатся не только записи биографического характера, но и вклеенные фотографии, тексты студенческих песен, газетные вырезки, «исторические анекдоты». И. А. Шляпкин писал о находке архива пушкинского времени у потомков Елагиных, о встрече с О. Н. Вульф из тверского имения в селе Берново и со знаменитым пушкинистом К. Я. Гротом – хранителем лицейских традиций.

Собор прп. Сампсония Странноприимца

Сын поэта генерал А. А. Пушкин при встрече на открытии памятника в Лицейском садике в Царском Селе рассказал Илье Александровичу несколько семейных историй, и И. А. Шляпкин записал их в дневнике. Этот дневник И. А. Шляпкина почти не исследован, и в нем найдется еще немало интересного и неизвестного. Никто из ученых – историков, литературоведов этот документ не изучал. Кстати, будущим исследователям и публикаторам этого документа можно сообщить, что профессор писал убористым, но хорошо читаемым, разборчивым почерком; обычно чернилами, реже – карандашом.

Изучение документов личного фонда И. А. Шляпкина позволило мне раскрыть одну из давних

загадок истории Петербурга. На Выборгской стороне находится старинный Сампсониевский собор. Он был заложен в память о славной виктории – победе русской армии над шведами под Полтавой 27 июня 1709 года – в день Св. Сампсония Странноприимца. Строительство собора было закончено в 1740 году, он – важный военно-исторический памятник. Ныне собор является филиалом Музея-памятника «Исаакиевский собор». Он несколько лет реставрировался и был вновь открыт для посещения в начале 2000-х годов.

Вокруг собора находилось одно из первых кладбищ города. Хоронили здесь и лиц благородных, и простолюдинов – православных, католиков и лютеран. В 1770-х годах кладбище «у Сампсония» было упразднено. Вблизи от собора установлен памятник на могиле казненных в 1740 году жертв бироновщины – А. П. Волынского, А. Ф. Хрущева, П. М. Еропкина. Этот памятник хорошо известен.

Загадочной же является бронзовая доска, установленная на стене внутри Сампсониевского собора с таким текстом: «На кладбище этой церкви погребено тело поборника русского просвещения, автора книги „О скудости и богатстве“ ИВАНА ТИХОНОВИЧА ПОСОШКОВА, скончавшегося 1 февраля 1726 года. Крестьянину-писателю-крестьянин-профессор. 1909 г.»

И. Т. Посошков (около 1652–1726) был одним из первых русских экономистов, публицистов.

Бронзовая доска, поставленная внутри храма в 1909 г.

Самоучкой он овладел грамотой, стал предпринимателем, изобретателем: занимался производством, продажей водки, игральными картами. Человек незаурядных способностей, он предложил усовершенствования в стрелковом оружии, предложил способ чеканки на монетном дворе круглых медных денег. Свою главную книгу «О скудости и богатстве», изданную в 1724 году, И. Т. Посошков представил императору. Поддерживая экономическую политику Петра I, он ратовал за запрещение вывоза сырья и поощрение вывоза готовых изделий (что очень актуально и в наши дни!), за ограничение крестьянских повинностей. Книга И. Т. Посошкова вызвала неудовольствие русской знати. Летом 1725 года, после смерти Петра, И. Т. Посошков был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и умер в ней в возрасте 74 лет. Книга «О скудости и богатстве» И. Т. Посошкова стала первым русским трактатом по экономике.

Надпись эта на бронзовой доске была приведена полностью (фотография доски) в роскошном юбилейном альбоме архитектора А. П. Аплаксина «Сампсоновский собор в С.-Петербурге. 1709–1909» (СПб., 1909, табл. 52). Но историю появления этой доски Аплаксин не указал, не раскрыл таинственного псевдонима «крестьянин-профессор», хотя альбом был издан в год установки доски. Эта надпись воспроизводилась без пояснений и в последующих изданиях (Петербургский некрополь. СПб., 1912; Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 535). Так, долгие годы оставалось неизвестным – кто такой «крестьянин-профессор»; не знали этого сотрудники и экскурсоводы музея.

Отгадка была обнаружена в хранящемся в личном фонде И. А. Шляпкина докладе (неопубликованном) П. А. Горчинского о 35-летней ученой деятельности профессора И. А. Шляпкина (1915)⁸. В докладе текст этой доски приведен полностью, и таким образом стало понятным – кто скрывается за псевдонимом «крестьянин-профессор». Имеются и предварительные, написанные И. А. Шляпкиным варианты надписи на памятной доске, в том числе и слова посвящения «крестьянину-писателю от крестьянина-профессора». Из

проекта памятной надписи церковное начальство, митрополит, вычеркнул слова «в Петропавловской крепости» (после даты 1 февраля 1726 года). Теперь можно считать доказанным, что бронзовая доска в память о «крестьянине-писателе» И. Т. Посошкове поставлена профессором И. А. Шляпкиным.

Насколько мне известно, загадка этой памятной доски в Сампсоновском соборе до сих пор не привлекала внимания историков, краеведов.

Страстно влюбленный в книги библиофил много лет собирал, записывал мудрые мысли и изречения о книгах, о чтении. Сам И. А. Шляпкин любил говорить: «Книги – друзья, которые никогда не изменят. Они неизменны и во времени, они – голос предков к потомкам»⁹. Профессором был подготовлен и в 1917 году издан сборник изречений «Похвала книге». В него были включены изречения, афоризмы о книге, цитаты из Священного Писания, мысли книголюбов Древней Руси, изречения Пушкина, Чернышевского, Пирогова, Ломоносова, Державина, Карамзина, Белинского, Некрасова. На последней странице сборника старославянским шрифтом напечатано, что книга издана «в годину войны с нечестивым германским и швабским родом трудами и тщанием дохтура слова Российского Илии Шляпкина и коштом книгокупца Федора Шилова. Богу ко чти (к чести. – А. Д.), а книголюбцам русским – к доброму услаждению. В лето Господне 1917»¹⁰. Это из-

дание тиражом 650 экземпляров на тряпичной и 400 экземпляров на простой бумаге быстро разошлось; давно стало библиографической редкостью.

Книжные собрания, художественные, нумизматические, филателистические и другие коллекции составляли предмет любви, гордости и постоянной заботы собирателя в течение всей его жизни. Многие коллекции и после ухода из жизни их создателя продолжают жить в составе крупных музеев и библиотек. В русской культуре имеется немало таких примеров – и давнишних и современных. Крайне неохотно и только под воздействием непреодолимых обстоятельств коллекционеры расстаются с собранными за долгие годы книгами, документами, картинами, монетами, почтовыми марками. Для собирателя это почти трагедия.

Совершенно необычными представляются в этом отношении история и судьба библиотеки и антикварных коллекций Ильи Александровича Шляпкина. Его дом в Белоострове «представлял своего рода домашний музей», и хозяин жил в нем среди изумительных книжных сокровищ, окруженный предметами искусства, редкостями и просто вещами, каждая из которых имела свою историю»¹¹. Своими коллекциями И. А. Шляпкин дорожил, но охранял их не очень бережно, хотя в его кабинете висел плакат «Книг из библиотеки не просить». Между тем он не раз сам привозил на занятия на Высших женских курсах редкие

Группа слушательниц с профессором И. А. Шляпкиным

книги, рукописи и давал книги на дом малознакомым курсисткам¹². Неизвестно, возвращались ли к нему выданные книги.

У Ильи Александровича была редкая, странная для библиофила особенность – он легко расставался с собранными им сокровищами. В марте 1895 года он написал и заверил нотариально дарственную Высшим женским курсам «на библиотеку, собрание автографов и манускриптов, всего 10 000 томов». По условию передача проводилась не сразу полностью, а частями¹³. В библиотеке Высших женских курсов был образован особый отдел «Библиотека профессора И. А. Шляпкина». Но передано им было не все, что намечалось, а лишь часть – около 800 книг. В 1910 году, по-видимому, из-за изменившихся отношений с руководством курсов, И. А. Шляпкин свое завещание отменил. Выяснилось, что составленная в 1895 году дарственная была юридически дефектна и поэтому могла быть отменена.

И. А. Шляпкин решил совершить новый акт дарения своей библиотеки – в пользу образованного в 1909 году Императорского Саратовского университета. Новому учебному заведению была нужна хорошая библиотека. И вот Илья Александрович сделал необычный, непонятный библиофилам поступок. Он передал при жизни, в полном здравии и работоспособности (а не после кончины) всю свою с любовью собранную библиотеку Саратовскому университету. И пользоваться бывшими своими книгами уже не мог. Далеко от Петрограда город на Волге.

В личном фонде И. А. Шляпкина в Отделе рукописей РНБ имеется очень большой перечень номеров книг (без названий), переданных И. А. Шляпкиным из Белоострова под Петроградом в библиотеку Саратовского университета¹⁴. В мае 1916 года, в тяжелое время войны и транспортных трудностей, отправлена была туда первая партия книг, 2700 томов. Из Саратова прибыл сотрудник библиотеки для приема и отправки подаренных изданий. Продолжалась передача и перевозка в Саратов книг из собрания И. А. Шляпкина в 1917 и 1918 годах во время революционных событий и начавшейся Гражданской войны.

Здание Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов

Всего в Саратов было передано до 17 тысяч наименований книг (а томов – почти вдвое больше), «Большинство книг – по истории русской литературы, по народной словесности и древней литературе; обширное собрание сочинений русских авторов (обыкновенно во всех имеющихся изданиях). Много сочинений по богословию, искусству, археологии, славяноведению, философии. Есть справочные издания и по естественным наукам. Такое обширное собрание создавалось постепенно, годами – путем энергичных поисков книг по букинистам и нередких покупок значительных частей отдельных библиотек... Кроме книг, в библиотеке И. А. Шляпкина хранилось много старинных рукописей, очень редких и писанных на пергамене. Из частных архивных материалов следует отметить архив князя Голицына, бумаги О. Миллера, Григоровича, Вейнберга и многих других. Есть собрания редких лубочных картин, коллекция миниатюр и икон старинного письма. Таким образом, профессор И. А. Шляпкин заложит основание будущей библиотеки Императорского Саратовского университета»¹⁵.

В ноябре 1916 года Саратовский университет присвоил И. А. Шляпкину в знак благодарности звание почетного члена Совета университета¹⁶. Но в городе на Волге даритель так и не успел побывать.

В документах И. А. Шляпкина есть сведения о других его актах дарения.

В начале 1916 года он подарил Художественно-промышленной школе имени Н. Ф. Фан-дер-Флита в Пскове ряд изданий о памятниках русской архитектуры, каталоги

Музея императора Александра III, фотографии и гравюры художественных произведений – для библиотеки школы. Совет школы в письме от 9 марта 1916 года искренне благодарил профессора за щедрое пожертвование¹⁷.

Среди книжников, коллекционеров редко встречаются такие бескорыстные дарения при жизни дарителя. Но один из примеров такого рода можно привести. Крупнейшее в России частное собрание книг, журналов, портретов по морской теме было собрано за десятки лет капитаном I ранга Я. Б. Рабиновичем (1909–1997), председателем Ленинградского–Петербургского общества библиофилов. В последние годы жизни Яков Борисович передал свое огромное – до 18 тысяч книг по морской тематике (мореплавание, открытия, войны, адмиралы, гидрография, океанология, кораблестроение) – собрание в Российскую национальную библиотеку. Там оно составляет отдельную коллекцию «Морская библиотека Рабиновича» (шифр МБР).

Документы личного фонда И. А. Шляпкина в Институте русской литературы (ИРЛИ) позволяют уточнить страницы его биографии. В личной жизни Ильи Александрович считал себя несчастливим. В дружеской шуточной эпиграмме П. Мартыанова о нем сказано так: *Ученый молодой, суровый, как монах, Научной чистоты блюститель И слова русского во всех его статьях, Во всех изданиях ценитель*¹⁸.

Но монахом Илья Александрович не был. Женился он еще студен-

том в 1879 году на слушательнице Высших женских курсов (математическое отделение) Марии Ивановне Смирновой, дочери псковского священника. В архиве хранятся его письма к молодой жене за 1880–1881 годы¹⁹, когда он путешествовал с графом С. Д. Шереметевым по древним городам и монастырям. Письма подробные, с отличными рисунками (еще один талант И. А. Шляпкина!). Послания к жене дышат страстью, любовью, интимными подробностями («Целую все укромные местечки»). Однако детей у молодых супругов за восемь лет брака не было.

Любовь продолжалась несколько лет... и умерла. Назревавший разлад закончился разрывом – по видимому, осенью 1887 года. За май – июнь 1887 года имеются письма И. А. Шляпкина к жене из Твери, Кашина, Углича – письма суховатые, более сдержанные, без лирических подробностей и ласковых обращений²⁰.

Инициатива разрыва – со стороны мужа, а причина банальна и вполне понятна: увлечение другой женщиной. В письме к ней, к «разлучнице», Е. П. Варгуниной, И. А. Шляпкин писал о себе: «...он выгоняет вон нелюбимую, но любившую его в то время законную жену, смерть которой отчасти лежит на его совести»²¹. После разрыва Мария Ивановна жила в Петербурге, снимая комнату. Имеется несколько сухих лаконичных писем, записок отвергнутой жены к И. А. Шляпкину с обращением на Вы. Письма эти касаются задержки бывшим мужем выплаты ей денег (30–40 руб. в месяц, очень малые суммы) по почте или с посыльным. Лично они не виделись. Умерла М. И. Шляпкина в октябре 1900 года в сорокалетнем возрасте²².

Появилась в жизни Ильи Александровича другая женщина – Елизавета Павловна Варгунина, одна из наследниц большого состояния, из семьи известных в столице бумажных фабрикантов. Она владела большим домом на Английской набережной, 24, лавками в Малом Гостином дворе, сдававшимися в аренду купцам, не была замужем. По-видимому, она страдала какой-то душевной болезнью: на это обстоятельство имеются неясные намеки в их переписке. В 1887–1891 годах Е. П. Варгунина и И. А. Шляпкин жили совместно.

В 1891 году Елизавета Павловна выехала в Европу для лечения. Хранятся среди документов И. А. Шляпкина несколько беспристрастных информационных открыток Е. П. Варгуниной к нему из европейских городов. К И. А. Шляпкину после возвращения она не вернулась. Можно предположить, что ей было лестно иметь переписку, дружбу с известным ученым, которому обещали блестящую карьеру. Любви же к И. А. Шляпкину она не чувствовала (это можно понять из ее писем). Возможно, она опасалась претензий на принадлежавшее ей богатство. На предложение (после смерти его жены) выйти за него замуж, «сделаться моей женой перед людьми, как Вы были моей женой перед Богом!»²³, Елизавета Павловна ответила отказом. Разумеется, она не могла предвидеть, что семейство Варгуниных через несколько лет ожидает разорение и банкротство²⁴. Ей пришлось продать свой дом.

Других женщин в жизни И. А. Шляпкина не было. Он остался одиноким вдовцом, без родных и без наследников.

Между тем здоровье И. А. Шляпкина в условиях военных трудностей и недоедания значительно ухудшилось. На нем – полном, даже грузном человеке (дружеское прозвище Слоп) – это сказывалось особенно заметно. Помощник Шляпкина П. А. Горчинский (впоследствии – директор библиотеки ЛГУ) отмечал, что в конце декабря 1917 года у профессора начались припадки

удушья, боли в почках. Врач профессор П. В. Троицкий определил жировое перерождение сердца и водянку. Большой стал сильно сдавать, сделался сонливым. Произошла закупорка сосудов обеих ног. С 8 января он уже не мог спускаться в свой кабинет, иногда впадал в полубредовое состояние. Но в минуты просветления шутил, интересовался университетской жизнью и современными событиями, о которых И. А. Шляпкин говорил, как «об эпохе смуты и лихолетья». Жалуясь на одиночество в конце жизни, он просил беречь его работы, особенно любимый его труд о театре царевны Наталии Алексеевны²⁵.

29 апреля (12 мая) 1918 года И. А. Шляпкин скончался в своем доме в Белоострове в возрасте шестидесяти лет.

После смерти ученого его душеприказчиком стал друг И. А. Шляпкина с юношеских лет В. Г. Дружинин, сотрудник Археографической комиссии Академии наук. Благодаря его хлопотам, воля завещателя о передаче библиотеки Саратовскому университету была выполнена²⁶. Псковскому Археологическому музею после смерти профессора была передана коллекция антикварного оружия XVII–XVIII веков: две пиццали, пистоль, топорик, два польских палаша, два охотничьих рога, меч²⁷.

Хотя был получен документ о том, что дом профессора И. А. Шляпкина в Белоострове находится под охраной и в ведении Петроградского университета, в ноябре 1918 года после вывоза оттуда библиотеки дом был занят военно-строительной частью Красной армии, а оставшееся имущество (имеется его неполная опись²⁸) расхищено.

«Всего наберется моих работ до сотни. И думаю, что в ученом отношении разменялся на мелочи, но предполагаю самоуверенно, что и сие когда-нибудь и кому-нибудь пригодится»²⁹. Так писал И. А. Шляпкин в 1907 году. Многочисленные работы ученого, статьи, рецензии разбросаны по разным изданиям, журналам, сборникам. Сам он при жизни об издании собрания своих сочинений или сборника избранных работ не заботился, считал, что еще рано.

Имеется три личных фонда И. А. Шляпкина в Санкт-Петербурге – фонд № 341 в Архиве Пушкинского дома (ИРЛИ), фонд № 865 в

«Слон, пляшущий на своем юбилее». Шарж на И. А. Шляпкина. 1907 г.

Отделе рукописей РНБ, фонд № 154 в СПб филиале Института истории РАН. В Москве в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) также имеются документы И. А. Шляпкина – фонд № 1296. Фонды большие, с количеством единиц хранения в каждом – от 400 до 3200³⁰. Материалы этих фондов представляют значительную ценность, но они почти не использовались учеными. Это видно по отсутствию записей в «листе использования» каждого дела. Видимо, не пришло еще время, когда «сие кому-нибудь пригодится», как И. А. Шляпкин писал в 1907 году.

Хранятся в его фондах черновики рукописей его работ, выписки из архивов, из книг, корректурные листы его статей, сочинений, записи лекций по палеографии (издание студентов Археологического института). Много документов о царевне Наталии, ее театре, ее «пиэсы» о библейских Эсфири, Юдифи; статьи И. А. Шляпкина о Пушкине, Грибоедове, Булгакине, Надеждине, Жуковском, Чаадаеве, Евгении Тур, о немецком писателе Фарнгагене фон Энзе. Имеются и рукописи статей, рецензий профессора без заголовков, недатированные; возможно, это его неопубликованные работы.

Немногочисленна переписка И. А. Шляпкина. Среди его корреспондентов – видные ученые, литераторы, общественные деятели: С. Ф. Платонов, А. А. Шахматов, Н. К. Пиксанов, С. А. Венгеров, С. Д. Шереметев, П. И. Вейнберг, И. Ф. Анненский, П. П. Сойкин. Круг общения и интересов ученого характеризуют множество программ, приглашительных билетов, извещений о собраниях, научных заседаниях учебных заведений, Географического, Археологического и других обществ. Хранятся в составе фондов и некоторые подлинные документы XVI–XVIII веков, собранные, купленные ученым археографом, библиофилом.

В советское время о И. А. Шляпкине забыли. Не переиздавались его сочинения, не появлялись в научных журналах статьи о нем. Тем более – не было и монографий, ему посвященных. Нет о нем статей, даже кратких, в Большой советской энциклопедии (2-е и 3-е издания), в Советской исторической энциклопедии.

В 1920-х, 1930-х годах школа дореволюционных «буржуазных» историков подвергалась жестокой суровой критике. В начале 1930-х годов многие видные историки и краеведы подверглись прямым репрессиям, испытали они и лагеря, и ссылки (например, С. Ф. Платонов, В. Н. Перетц, Е. В. Тарле, Н. П. Анциферов). Если бы И. А. Шляпкин в то время был жив, то, вероятно, и его не миновала бы такая же судьба.

Скромно, даже незаметно прошли в 2008 году две юбилейных даты И. А. Шляпкина – 150-летие со дня рождения и 90-летие со дня смерти. В Сестрорецке в Городской библиотеке 24 мая состоялась конференция («чтения»), посвященная его юбилею.

С докладом о частных книжных собраниях и о личной библиотеке И. А. Шляпкина выступила научный сотрудник Российской национальной библиотеки кандидат педагогических наук Ольга Николаевна Ильина. Дополнила ее доклад главный библиограф РНБ кандидат педагогических наук Светлана

Дмитриевна Мангутова, рассказавшая о некоторых новых русских и иностранных книгах РНБ. Мое сообщение было посвящено жизни, научному и творческому пути ученого, отдельным неясным сторонам его биографии.

Организатор конференции – исследователь и знаток истории Сестрорецка, экскурсовод Борис Еремеевич Ривкин – рассказал о страницах истории этого города, его окрестностей, о памятных местах И. А. Шляпкина. Илья Александрович родился в этих местах, прожил в Белоострове двадцать лет, отправляясь почти ежедневно на службу, в учебные и научные учреждения Петербурга. Построенный им в Белоострове дом был полностью уничтожен во время военных событий. Не удалось найти могилу профессора, похороненного близ Белоострова.

Новую книгу «История Сестрорецка и его окрестностей» (СПб., 2006) показала ее редактор, сотрудник городской библиотеки Р. Н. Гараева, и подарила книги участникам конференции.

¹ Шляпкин И. Для немногих. Автобиографическая записка. СПб., 1907.

² Там же.

³ См.: Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. I. М., 1980. С. 404.

⁴ Шляпкин И. Указ. соч.

⁵ Шилов Ф. Записки старого книжника. М., 1990. С. 60.

⁶ ОР РНБ. Ф. 865. № 125. Л. 1–17.

⁷ См.: Шляпкин И. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903.

⁸ ОР РНБ. Ф. 865. № 23. Л. 4.

⁹ Шилов Ф. Указ. соч. С. 60.

¹⁰ Шляпкин И. Похвала книге. Сборник изречений, цитат, афоризмов о книге. Пг., 1917. С. 121.

¹¹ Востриков А., Лейбова А., Лейбов К. Библиотека Бестужевских курсов: Книжное собрание И. А. Шляпкина // Невский архив. Вып. 2. СПб., 1995. С. 406.

¹² Там же. С. 406.

¹³ ОР РНБ. Ф. 865. № 2. Л. 1, 2.

¹⁴ Там же. № 13. Л. 1–74.

¹⁵ Русский библиофил, 1916. № 4. С. 96 (хроника).

¹⁶ См.: Востриков А. и др. Библиотека Бестужевских курсов... С. 406.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 238.

¹⁸ Мартынов П. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях, портретах и эпиграммах. СПб., 1893. С. 24; ИРЛИ. Ф. 341. № 387. Л. 1.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 159.

²⁰ Там же. № 158. Л. 1–8.

²¹ Там же. № 130. Л. 2. 1.

²² Там же. № 238. Л. 15.

²³ Там же. № 130. Л. 1.

²⁴ Дубин А. Варгунины – промышленники и благотворители // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 169; Дубин А. С., Кириков Б. М. Особняк Варгунина. СПб., 1997. С. 93.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 865. № 24. Л. 1, 2.

²⁶ См.: Шилов Ф. Записки старого книжника. С. 7, 49.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 865. № 5. Л. 12.

²⁸ Там же. № 1.

²⁹ Шляпкин И. Для немногих.

³⁰ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. 2. М., 1963. С. 323.

Планета Панфилов.

Памяти основателя ЛОМО М. П. Панфилова
(25.07.1913–02.12.1994)

Л. Л. Ковалева-Огороднова

Деревня Юдино на рубеже XIX–XX веков насчитывала сотню домов, три церкви, семь кабаков. Промыслами была небогата, но располагалась недалеко от строящейся псковско-гдовской ветки железной дороги, и поэтому полным захолустьем не являлась.

После революции жизнь в ней переменялась. Закрылись кабаки и церкви, а деревни и разрозненные хозяйства начали объединяться в колхозы. Юдино осталось в стороне и помаленьку стало превращаться в «медвежий угол».

Бурные годы Гражданской войны сильно изменили эти края. Многие семьи потянулись в Ленинград, Псков, Гдов, а то и в Москву. Деревня Юдино обезлюдела, остались в ней лишь одна церковь да убогая школа, поля оскудели, болота разрослись. Народу осталось немного: молодежь искала счастья на стороне.

Однажды в деревне Юдино появился некий Панфил Ефимов. Раньше он жил с родителями в самом центре Петербурга, на Загородном проспекте. Отец определил Панфила учиться в петербургскую духовную семинарию. Однако вскоре ставший самостоятельным сын «взбунтовался» и, взяв с собой мать (из-за ее сложных отношений с мужем), уехал в деревню. Кто-то подсказал ему, что он найдет хорошую работу в Юдино, что под Гдовом.

Так в самом конце XIX века Панфил Ефимов попал в эти места, вскоре женился и зажил своим домом. Деловитый, решительный и властный, Панфил был в то же время добряком и мечтателем. Все считали его немного странным. Правда, за степенность и порядочность, за золотые руки в деревне его любили.

Детей у Панфила было много. За стол садились шестнадцать душ:

Родной дом М. П. Панфилова в деревне Юдино. 30-е годы XX в.

он сам, его мать и жена, а дальше – россыпь тринадцати бело волосых головенок. Все дети росли молодцами, помогали и отцу, и матери. Пахота, сев, уход за огородом, сенокос, заготовки на зиму, уборка дома – работы всегда много. И у каждого были какие-то свои пристрастия: Фрося прекрасно вышивала, Владимир зачитывался книгами. Михаил особенно любил лошадей и пропадал в ночном, даже когда была не его очередь.

Но, подрастая, дети перебирались в город: шла Гражданская война, в деревнях воцарялась разруха.

Тут пришло время сказать, что все дети Панфила и Ирины Ефимовых, получая паспорта, были записаны по законам того времени на имя отца: Панфиловыми, а не Ефимовыми. Такова история возникновения этой фамилии.

Михаил еще оставался в деревне, когда однажды, лет тринадцати, подрядился возить на бричке

инженера-путейца: тот с инспекцией объезжал строящуюся железную дорогу. Наблюдая ежедневно за работой и поведением инженера, Михаил понял, что хочет быть таким, как он.

Подшли к концу 1920-е годы, в городах росла промышленность, и Панфил, хорошо зная городской быт, решил, что пора и младшему сыну уезжать. Родители благословили Мишу на дальнюю дорогу в бывшую столицу, а теперь – в новый город Ленинград. Поселился он у брата Николая в небольшой комнатке коммунальной квартиры на набережной реки Фонтанки, недалеко от Обуховской больницы.

С 1928 года началась самостоятельная трудовая жизнь Михаила: он работал учеником токаря на Балтийском судостроительном заводе, позднее, освоив специальность, год трудился на карбюраторном. На одном из этих заводов начальником цеха БОТа (Бюро организации

труда) работал его брат Николай, который помог Михаилу устроиться в первое время.

Начальство отметило трудолюбие и ответственный характер молодого рабочего, и вскоре Михаил был назначен на должность нормировщика (на заводе «Вперед»), затем два года возглавлял плановое бюро в одном из цехов завода транспортного оборудования им. С. М. Кирова, и еще два года – с 1935 по 1937 – работал старшим технологом станкостроительного завода им. Я. М. Свердлова. Одновременно учился в Индустриальном техникуме (на Караванной улице). В 1937 году поступил работать на знаменитый ГОМЗ. Не получив еще высшего образования, Михаил был принят туда инженером-технологом. Благодаря грамотной работе он вскоре был назначен начальником технологического бюро, затем стал главным технологом завода.

К тому времени история ГОМЗа¹ прошла двадцатилетний рубеж.

Основанный в 1914 году, завод в новых условиях выходил к невиданным достижениям. После XVII съезда большевистской партии в стране был взят курс на индустриализацию. Для ГОМЗа наступала пора расцвета. Стране, наращивавшей индустриальный потенциал, в том числе и военный, требовалось максимальное и быстрое развитие оптико-механической промышленности. Поэтому оптикам было гарантировано быстрое и бесперебойное обеспечение всеми материалами, в том числе и цветными металлами, остро дефицитными в те годы.

Правительство обратило на этот завод особое внимание. На выставке оптико-механической продукции, прошедшей в 1934 году при Народном комиссариате тяжелой промышленности, половина экспонатов была с маркой ГОМЗа. В связи с большими достижениями завода Народный комиссариат дал указание принять все меры для скорейшего завершения реконструкции и расширения ГОМЗа.

К 1939 году завод освоил выпуск семи типов фотоаппаратов. Новинками кинотехники стали детский узкоплочный проекционный аппарат УКП-22, стационарный звуковой кинопроекторный аппарат СКП-21, стационарный звуковой киноаппарат КЗС-22. Особенным подарком съезду явился опытный

Александра Петровна – жена М. П. Панфилова. 30-е годы XX в.

образец фотоаппарата «Смена» – родоначальника большой серии аппаратов «Смена», на многие годы ставших одними из самых популярных во всем мире.

Михаил Панфилович в те годы быстро рос как талантливый работник и руководитель. Среди его сотрудников были талантливые конструкторы-оптики: Александр Павский, Михаил Ардашников, Сергей Нилушков, Петр Максимовский, первая женщина-оптик Мария Миронцева, молодой инженер Сергей Зверев, руководитель астромастерской Николай Пономарев и другие.

22 июня 1941 года для всех ленинградцев – незабываемый, горестный день. После объявления по радио о вторжении фашистских полчищ во всей стране прошли митинги, и началась запись добровольцев. То же происходило и на ГОМЗе.

Каждый ленинградец, а значит, и каждый гомзовец, занял свой защитный рубеж – на передовой, на постах противовоздушной обороны, в истребительных и партизанских отрядах и, конечно, у станков. Работали не по часам, а по степени удовлетворения нужд фронта. Руководители завода: директор, главный инженер, парторг и многие другие – были на казарменном положении и жили на стадионе, рядом с заводом. Там стоял деревянный жилой дом, где они и провели всю войну. Многие рабочие, которые участвовали в демонтаже

оборудования для отправки его в Казань, тоже были на военном положении и в первые месяцы войны жили на заводе.

Михаил Панфилович во время войны тоже жил там. Он был членом завкома и ведал ордерами на различные вещи. Работа эта была связана с распределением по цехам инвентаря: инструментов, сопутствующих материалов, одежды, обуви, и Панфилов вел ее очень толково, рачительно. Он понимал, что значило тогда для рабочего получить нужную вещь.

Живой, подвижный, неугомонный, М. П. Панфилов всех будоражил, заставлял работать, хотя случались очень опасные происшествия, ведь бомбежки были почти непрерывными, гибли люди. После первого же налета бомбардировщиков случилось много жертв среди работников завода. Поэтому одним из самых заметных деяний М. П. Панфилова в послевоенное время было создание Каштановой аллеи на территории предприятия – в память гомзовцев, погибших при первой бомбежке...

Восаженном Ленинграде из всех предприятий оптико-механической отрасли города работал один только ГОМЗ. Недавно назначенный директор завода В. Н. Семенов, главный конструктор И. А. Шошин, главный технолог М. П. Панфилов, партийная организация во главе с секретарем П. Т. Максимовским – возглавляли коллектив завода в его доблестной помощи фронту. В тяжелых условиях начавшейся блокады ГОМЗ выполнял военные заказы, рабочие готовились дать отпор врагу, если потребуется, – и учились для этого военному делу. Был создан рабочий батальон под командованием В. В. Гаврилова.

Когда закончилась война, завод вернулся из эвакуации, и Михаил Панфилович стал секретарем заводской парторганизации (тогда это называлось – парторг ЦК КПСС на заводе).

В первый же послевоенный год гомзовцы взяли курс на выполнение особых производственных задач. Например, к августу 1946 года была выпущена первая партия универсальных измерительных микроскопов – УИМов.

Михаил Панфилович, год с небольшим пробыв парторгом, параллельно с работой учился в ЛИТМО,

потом стал главным инженером, а еще через некоторое время – директором ГОМЗа.

Спустя двадцать один год с тех пор, как пареньком он ушел из родного Юдино, М. П. Панфилов смог поступить в институт, а именно – в 1949 году! До этого его жизнь состояла из долгих лет труда, войны, блокады. Конечно, занятия без отрыва от работы для такого сугубо «производственного» человека, как М. П. Панфилов, были нелегким делом. Не успевая толком прочесть учебники, он все же многого достиг и создал свою «науку побеждать» – не на военном или научном фронте, а в деле роста производства.

Молодому директору в момент ответственного назначения – а вступил он в директорскую должность 12 апреля 1951 года – было всего 37 лет.

Первые же шаги молодого директора показали, что он на верном пути, а завод – в надежных руках. М. П. Панфилов смело принял обязательство по выполнению специального правительственного заказа на серию приборов для нового здания Московского университета на Ленинских горах: потребовались качественно новые микроскопы. Особенно возросли требования к спектральной технике – нужны были не выпускавшиеся ранее приборы для изучения спектров в ультрафиолетовой и инфракрасной областях.

Для производства новой аппаратуры нужно было и соответственно новое оборудование, и гомзовцы создали его собственными силами. Были изготовлены дифракционные решетки, для нарезания которых соорудили специальную двухвинтовую машину. Все это стало крупным достижением, обеспечившим Ленинграду на долгие годы первенство в развитии спектроскопического приборостроения.

А в 1958 году пришел и зарубежный успех: работа ленинградских оптиков заслужила мировое признание на Всемирной выставке в Брюсселе. Высшую награду – «Гранпри» получила тогда изготовленная на «Кинапе» звуковоспроизводящая аппаратура КЗВП-5, а выпущенный ГОМЗом в 1957 году фотоаппарат «Ленинград» был награжден золотой медалью.

В те годы была разработана и реализована комплексная програм-

ма повышения экономичности, надежности, качества продукции.

Вся личная жизнь М. П. Панфилова, все самые значительные порывы души, весь, как говорится, трепет сердца были отданы родному предприятию.

В начале 1960-х годов ГОИ² разработал автоориентатор – специальный прибор для космических исследований, и ЛОМО его изготовляло. Два кандидата наук – начальник КБ ЛОМО Николай Федорович Делюнов и ведущий инженер-расчетчик оптики Иосиф Львович Сакин – пришли к М. П. Панфилову и сказали, что они могут сделать автоориентатор лучше. Михаил Панфилович выделил средства из своего фонда на разработку и изготовление прибора.

М. П. Панфилов был прогрессивным деятелем, прозорливо видевшим дальнейший путь развития ГОМЗа. Тогда об объединении еще не говорили, но сознание необходимости этого появлялось в умах передовых руководителей. Когда у М. П. Панфилова зародились первые мысли об Объединении, он почувствовал огромный прилив энергии. И вдруг именно в то время правительство послало его на работу в Ленинградский совнархоз.

М. П. Панфилов пытался «отвертеться» прежде всего потому, что не любил чиновничью работу, да и с заводом не мог расстаться.

Работать в Совнархозе М. П. Панфилову все же пришлось. Его вызвали в Кремль, и Н. С. Хрущев лично сообщил ему распоряжение правительства. Отступать было некуда. Сотрудники М. П. Панфилова помнят, как тяжело он переживал свой вынужденный уход с завода. Он часто приезжал на ГОМЗ, но и это не спасало его от подавленного настроения. Он был угнетен вынужденным уходом. Моложавый, крепкий человек неполных пятидесяти лет, он вдруг осунулся, постарел, превратился в согбенного тяжелым бременем пожилого мужчину...

Ветеран ЛОМО Ю. И. Галныкин вспоминал: «Однажды вечером я шел через Восточную проходную завода и встретил Панфилова. Я его с трудом узнал: это был какой-то очень пожилой, сгорбившийся человек. Плечи опущены, фигура поникшая, взгляд потухший... Когда он увидел меня, то так вдруг обрадовался, будто я ему самый близкий

человек, живо поздоровался, протянул руку:

– Ну, как вы тут, ну что тут у вас?»

В 1962 году в Ленинграде было создано 9 отраслевых производственных объединений, 6 из них представляли ведущие машиностроительные и приборостроительные отрасли промышленности. Главным принципом объединения предприятий была однородность продукции и технологии производства, объективная возможность комплексного использования и последовательной переработки сырья и материалов.

Панфиловская «ссылка во власть» (выражение С. Б. Лившица) закончилась 11 декабря 1962 года, когда он приступил к обязанностям генерального директора ЛОМО.

Через несколько дней, 14 декабря 1962 года, он издал приказ, который коренным образом менял положение вошедших в состав объединения заводов. Реорганизация предприятий с упразднением должностей директоров, главных инженеров, полная централизация управления – все это стало характерной, отличительной особенностью панфиловского предприятия в системе других ленинградских объединений.

Многие тогда сомневались в целесообразности такой перестройки, некоторые сознательно ее тормозили. Немало было и недвольных. В общем, волнения поднялись нешуточные. И М. П. Панфилов с присущей ему силой духа и способностью проникнуться проблемами каждого простого человека взял на себя громадную задачу помочь людям правильно войти в новые условия труда. Для этого он в одном из первых своих приказов на посту генерального директора Объединения установил дни, часы и места приемов трудящихся «для наиболее оперативного решения ставящихся ими вопросов». И не только словами, но и делами М. П. Панфилов старался убедить сотрудников в преимуществах новой формы управления.

Изменение места работы для многих работников было связано с проблемами городского транспорта. В связи с этим М. П. Панфилов сумел убедить городские власти изменить ряд трамвайных и троллейбусных маршрутов, и даже продлить

один из них непосредственно до предприятия³.

Сила М. П. Панфилова-руководителя проявилась и в том, что он не решал проблемы в одиночку, в приказном порядке, а создавал живой, действенный, отзывчивый коллектив помощников.

На должности начальников основных цехов были поставлены высококвалифицированные специалисты. Сотни активистов вели разъяснительную работу, рассказывая о перспективах развития и преимуществах фирмы. И сам Михаил Панфилович подробно объяснял людям суть происходивших перемен, не боялся тратить время на разговоры с работниками, даже следил, чтобы из обиходной речи сотрудников исчезли старые понятия и названия.

То было тяжелое время, но, вспоминая дни становления Объединения, ветераны отмечают общую деловую атмосферу заинтересованности, стремление доказать жизнеспособность новой формы управления, создать дружный, способный на большие дела коллектив. Преобразование стало таким продуктивным, что уже в 1964 году ЛОМО представило экспозицию на Выставке достижений народного хозяйства СССР. А в 1961 году, после ввода в эксплуатацию крупнейшего в то время в мире телескопа с зеркалом диаметром 2,6 м, М. П. Панфилов был представлен к присвоению звания Героя Социалистического Труда.

В 1964 году в привычной панораме Выборгской стороны появилось здание, которое надолго приковало к себе интерес жителей и гостей Ленинграда. Почти никто не знал тогда, что это такое и для чего построено. В этом необычном здании высотой с 14-этажный дом зарождался уникальный аппарат – Большой азимутальный телескоп с зеркалом диаметром 6 м, аналогов которому не было ни в одной стране мира.

Так М. П. Панфилов и его соратники взяли курс на покорение главной высоты Ленинградского оптико-механического объединения: создание БТА, научно-исследовательского комплекса с разрешающей способностью, в две тысячи раз превышающей способность человеческого глаза.

Решение о создании шестиметрового телескопа обсуждалось на Политбюро ЦК КПСС. Президент

Академии наук М. В. Келдыш был против:

– У нас уже имеются Царь-пушка и Царь-колокол, не хватает только Царь-зеркала!

На колкости у М. П. Панфилова всегда был один достойный ответ: труд. В выполнении этого проекта М. П. Панфилов проявил свои самые грандиозные качества, потрясающее умение созидать, отдавая равноценное внимание как простым житейским задачам, вроде развития подсобного хозяйства или строительства жилья, так и задачам межпланетного масштаба.

Михаил Панфилов
в послевоенные годы

С первых дней работ по созданию БТА многие специалисты и в нашей стране, и за рубежом называли это ненужной затеей, посмеивались над «гигантоманией», подражанием американцам (которые создавали свой знаменитый паломарский телескоп⁴ почти 20 лет), предсказывали очередной «долгострой» и, конечно, не верили в успех. Однако со дня утверждения проекта – в 1959 году – и до ввода БТА в строй (в феврале 1976 года) прошло 16 лет.

В уникальном творении рук работников ЛОМО нет второстепенных деталей. Создание БТА, в котором применены детали 25 тысяч наименований, потребовало решения комплекса сложнейших инженерных проблем. И каждое такое решение – законченная научно-техническая работа.

В то же время на Северном Кавказе, у станции Зеленчукская, на горе имени А. В. Пастухова, именуемой в народе «Пастушьей», по проекту ГипроНИИ создавалось здание обсерватории, где должен быть установлен БТА. Туда на специальных трейлерах телескоп отправили в разобранном виде. Сначала груз шел на баржах по воде, затем его везли по шоссе. В районе обсерватории строилась специальная горная дорога. Началась многотрудная сборка БТА в условиях высокогорья.

За всю историю мирового стеклоделия не было столь трудоемкой работы. Заготовка будущего параболического зеркала весом более 70 тонн отливалась под Москвой, на Лыткаринском заводе, при температуре 1600°C.

После отливки заготовка должна была остыть, избавиться от внутреннего напряжения. Это заняло целых два года и четыре дня.

В 1975 году зеркало – сначала по суше, потом по воде, потом снова по суше – было доставлено к месту своей постоянной работы. Прошел завершающий этап – установка зеркала и ввод телескопа в эксплуатацию.

Большой телескоп стал главным делом, главной заботой как руководства, начиная с генерального директора М. П. Панфилова, так и каждого рабочего ЛОМО.

Судьба ЛОМО была уникальна и по другим причинам. Предшественник М. П. Панфилова, И. А. Уваров, директор ГОМЗа до 1939 года, был знаменит тем, что, полуграмотный, показал себя сметливым руководителем и талантливый организатором. Кроме производственной деятельности, он уделял большое внимание культурному развитию рабочих. Например, на ЛОМО существует давняя традиция – содружество с мастерами искусств. Все это организовал в былые годы И. А. Уваров. При нем был построен прекрасный культкомбинат (на территории ГОМЗа), где в довоенные годы прошло множество творческих встреч с артистами Большого драматического театра. Интересно, что Ефим Копелян⁵, в 1937 году окончивший учебную студию БДТ, именно на сцене клуба ГОМЗа играл свою первую роль.

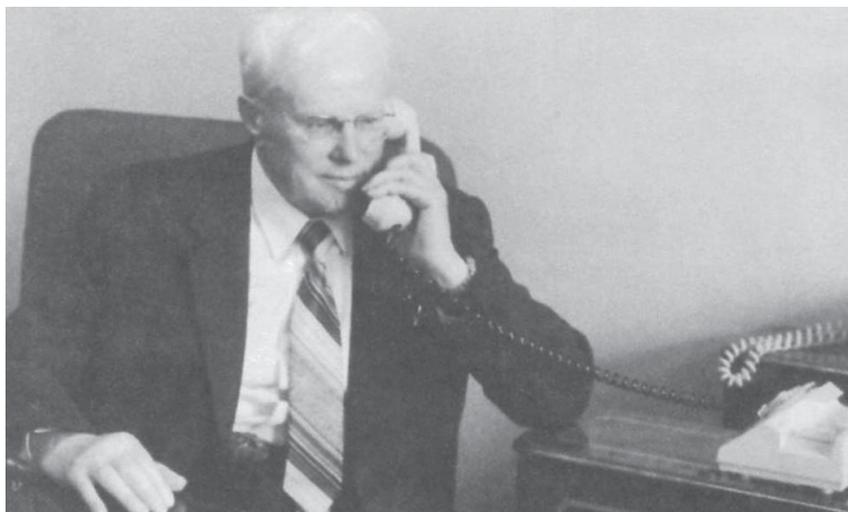
И. А. Уваров в своем стремлении к культуре сумел пригласить на

завод даже симфонический оркестр филармонии (под управлением гастролировавшего тогда в России дирижера Альберта Коутса⁶). Чтобы принять знаменитого англичанина на высоком уровне, И. А. Уваров приказал нарядить одного рабочего завода в ливрею (взятую в каком-то театре или музее), и этот рабочий принимал у Коутса шубу.

Вступительное слово читал Иван Соллертинский⁷.

Выступали на ГОМЗе и немецкий дирижер Фриц Штидри⁸, и музыковед Музалевский⁹, прочитавший цикл лекций «Инструментально-вокальная музыка от XVIII до XX века», и артисты филармонии, которые исполняли отрывки из произведений композиторов того времени.

М. П. Панфилов продолжил и расширил почин своего предшественника: при ГОМЗе появилась средняя школа, где учились пятьсот человек самых разных возрастов; была организована совпартшкола, готовившая молодых коммунистов; был учрежден филиал машиностроительного института повышения квалификации инженеров и техников. На основе кружков ликбеза была учреждена школа начального образования, создан шахматно-шашечный клуб. Появились еще производственно-технические курсы, школа танцев, три самодеятельных оркестра (одним из них руководил музыкально одаренный работник ЛОМО Ю. Е. Коган), хор, кружок музтеатральной драматической и литературной кружки. У завода имелись даже свои живописцы (например, ученик самого И. Бродского¹⁰

Генеральный директор ЛОМО М. П. Панфилов. 80-е годы XX в.

М. Брушкин, замечательный художник В. Цепов), талантливые организаторы молодежных и многих других праздничных вечеров (Ю. Горченко, В. Суров, Ю. Андрушевич).

Актеры Большого драматического театра вели своеобразное шефство над заводом, и выражалось это прежде всего в создании интереснейшего цикла встреч. Они происходили днем, для чего обеденное время сокращалось наполовину, а в оставшиеся 20–30 минут артисты рассказывали о себе, о своих ролях, о пьесах и их авторах, а иногда даже показывали отрывки из пьес. На ГОМЗе в предвоенные годы побывали такие актеры, как В. Лаврентьев, О. Казико, В. Лариков, Н. Монахов, В. Сафронов, В. Полицеймако, Е. Грановская, Е. Копелян, В. Стрельчик и многие другие.

В 1951 году, когда Михаил Панфилович Панфилов стал дирек-

тором завода, он пригласил как-то группу артистов московского Малого театра, которые в те дни находились в Ленинграде. С той встречи возобновилась прерванная войной дружба театра и завода. Во главе делегации приехала Елена Николаевна Гоголева¹¹. Ей тогда было 50 лет, и она была заслуженной артисткой РСФСР, а Михаилу Панфиловичу было 38 лет, и он только недавно стал директором (спустя ровно тридцать лет Елена Николаевна, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, – с группой актеров того же театра приехала на ЛОМО. И встречал ее М. П. Панфилов, тоже Герой Социалистического

Семейная база отдыха в Тарасово

М. П. Панфилов на отдыхе

Труда, генеральный директор прославленного Объединения). Тогда был составлен и подписан договор ГОМЗа и Малого театра о содружестве – за подписями Михаила Царева и Михаила Панфилова. И с тех пор практически в каждый свой приезд в Ленинград актеры Малого театра бывали на заводе: Е. Гоголева, Р. Нифонтова, Э. Быстрицкая, В. Кенигсон, В. Хохряков, С. Горбатов (в одну из этих встреч С. Горбатов подарил М. П. Панфилову свой портрет в роли Иосифа Сталина, подписанный им: «генеральному от генерального»), Анненков, Ю. и В. Соломины.

Бывая в Москве, работники ГОМЗа, а затем – ЛОМО, благодаря этой дружбе посещали спектакли Малого театра регулярно и видели многие постановки. Кроме того, юбилеи таких актеров, как В. Самойлов, Е. Гоголева, Э. Быстрицкая отмечались вместе с представителями завода, а со многими из них навсегда установились дружеские отношения. Последняя поездка от ЛОМО – уже без Михаила Панфиловича – была связана с 65-летним юбилеем Ю. М. Соломина (спектакль «Горе от ума»), где он играл Фамусова.

Чрезвычайно тепло принимал М. П. Панфилов Георгия Товстоногова в 1983 году, когда он посетил ломовский Клуб любителей театра. Этот клуб, учрежденный С. Б. Лившицем, много способствовал тому, чтобы на заводе побывали корифеи театра, и действительно, за 25 лет работы этого клуба ЛОМО посетили около трехсот мастеров, из них добрая половина – артисты с мировым именем, с высокими званиями.

Забавно прошла первая встреча Михаила Панфиловича с Алисой Фрейндлих. Он был так поражен ее миниатюрностью, что, забывшись, воскликнул вслух:

– Какая маленькая артистка!

Алиса Бруновна со смехом ответила:

– Но только по росту, надеюсь?

– Я по росту и говорю, – не растерялся М. П. Панфилов.

Среди тех артистов, кто выступал на Объединении, некоторые были награждены званием «почетного работника ЛОМО»: Эдита Пьеха, Эдуард Хиль, Мария Пахоменко, Бен Бенцианов, Михаил

М. П. Панфилов и А. И. Райкин

Царев, Елена Гоголева, Элина Быстрицкая, Юрий Соломин, Виктор Коршунов, Кирилл Лавров, Людмила Макарова, Андрей Толубеев, Георгий Штиль, Габриэлла Комлева, Алиса Фрейндлих, Нина Усатова, Валерий Ивченко, Геннадий Богачев, Валерий Дегтярь.

Народный артист СССР К. Ю. Лавров вспоминал:

У меня было две возможности встречаться с Михаилом Панфиловичем. Во-первых, в бывшем Верховном Совете СССР, где мы в один из созывов вместе работали. А во-вторых, просто во дворе, потому что мы жили с ним рядом. Я часто видел, как он уезжал на работу и возвращался домой. А его окна выходили прямо на мой гараж. И иногда, когда мы с ним встречались, он говорил:

– Видел, видел, как ты в своем гараже возился. Зашел бы как-нибудь в гости.

Он был мне очень симпатичен своим внешним спокойствием, уверенностью, постоянной подтянутостью, какой-то крестьянской, мужичкой хитрецей.

Вспоминаю один случай. Много лет назад во время гастролей в Японии я купил фотоаппарат. Сегодня «Canon» стал обычным явлением, а в те времена он был настоящей диковинкой. Тем более, что он все делал сам, автоматически. Я взял этот фотоаппарат в Кремль и показал Панфилову.

Он попросил его на пару дней. Не знаю, что он с ним делал, кому его показывал, но, может быть, именно благодаря этому и

М. П. Панфилов с внучкой

М. П. Панфилов и М. А. Аникушин в Московском парке Победы

появился фотоаппарат «ЛОМО-компакт?»»

Хочется рассказать еще об одном уникальном нововведении на ЛОМО. Однажды в «Литературной газете» появилась статья о том, что на Пермском телефонном заводе на участках с монотонным, утомительно-однообразным трудом для рабочих транслируются сеансы музыки, которые облегчают их труд, снижают утомляемость, а в итоге повышают производительность труда.

Узнав об этом и оценив важность мероприятия, М. П. Панфилов немедленно поручил начальнику отдела научной организации труда М. П. Шейнину и специалисту Г. Ф. Суханову заняться внедрением сеансов функциональной музыки на ЛОМО.

В штамповочном цехе, где рабочий постоянно сидел на месте, оказалось возможным применение так называемой проводной трансляции. Приступая к работе, штамповщик надевал противошумные наушники, которые ограждали его от производственных шумов. А чтобы рабочий не был изолирован от внешнего мира, в его наушники вставлялись динамики. В те динамики шесть раз за смену транслировались музыкальные программы, которые ежедневно обновлялись. Созданный фонд позволял повторять то или другое произведение не чаще одного раза в 50 дней! Однако и через 50 дней это произведение звучало в другом окружении. Одинаковых программ у Г. В. Суханова не существовало! По утру рабочих

встречала бодрая музыка, разносившаяся по всей территории. Люди с хорошим настроением шли на рабочие места, а если происходил какой-нибудь «сбой», тут же звонил сам М. П. Панфилов:

– Почему нет музыки?!

Он смело поощрял научные разработки, помогал и поддерживал многие начинания, не жалел денег на нововведения.

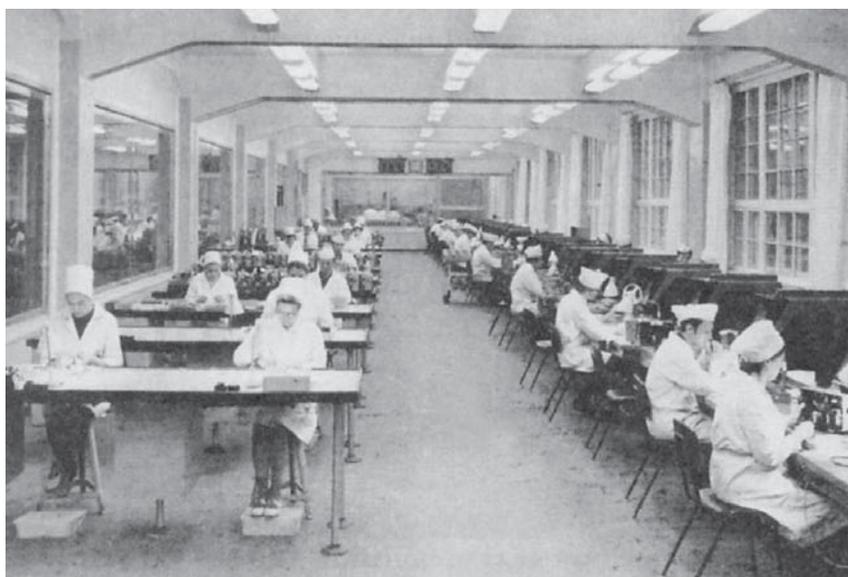
К «звездным» событиям ЛОМО нельзя также не причислить дни встреч с американскими астронавтами в 1975 году. Наверное, на Объединении давно не было такого большого праздника, как тот. И вот – легендарное космическое путешествие советских и американских астронавтов, за которым затаив дыхание следил весь мир,

а затем – долгожданный приезд гостей из другой «галактики»!

Вместе с американцами на ЛОМО тогда прибыли их недавние сотрудники по космическим исследованиям, советские космонавты Алексей Леонов, Валерий Кубасов, Владимир Шаталов. С американской стороны предприятие посетили астронавты Том Стаффорд, командир «Аполлона», Дон Слейтон и Вэнс Бранд, в тот же час ласково прозванный ломовцами «Ванечкой» (второй наш «Ванечка» после пианиста Клайберна).

Много вспоминается эпизодов, связанных с неустанной опекой М. П. Панфиловым рабочих Объединения. Его волновало все: здоровье, семья, сложности в работе, дети, жилье, рабочее место. Он постоянно совершенствовал быт рабочих и зоны отдыха ЛОМО.

Правительство неоднократно отмечало выдающиеся заслуги Михаила Панфиловича. Его первой наградой был орден Красной звезды (1945 год). Затем, в 1951 году, М. П. Панфилов был награжден орденом Трудового Красного знамени, в 1957 и 1961-м – двумя орденами Ленина. В 1966 году М. П. Панфилову присвоили звание Героя Социалистического Труда с вручением третьего ордена Ленина и золотой звезды Героя. В 1971 году он был награжден орденом Октябрьской революции. В 1973 году М. П. Панфилов стал лауреатом Государственной премии, в 1978 – Ленинской премии. В 1983 году, в

Участок сборки кинопроектора «Русь» во время трансляции музыки

связи с 70-летием, М. П. Панфилов был награжден второй звездой Героя Социалистического Труда и удостоен чести установления памятного бюста на родине. Однако, учитывая то, что М. П. Панфилов с 15 лет жил и работал в Ленинграде, а также за его огромные заслуги перед городом, Г. В. Романов добился, чтобы бюст М. П. Панфилова установили в ленинградском Парке Победы.

Но, будучи уже генеральным директором, кавалером многих орденов, имея награды, обладая огромным авторитетом и властью, он нередко повторял: «Я тут простой дворник и крестьянин, хожу, навожу порядок, и все». Он был самым ответственным, самым требовательным к себе, самым заботливым и самым простым тружеником на ЛОМО – настоящей честью и совестью своего предприятия.

Михаил Панфилович умер в ночь с пятницы на субботу 2 декабря 1994 года. А через несколько дней, 6 декабря, в главном фойе Дома культуры (на 1-й территории) состоялось прощание с генеральным директором ЛОМО.

Горе коллектива ощущалось всюду. Сколько заплаканных лиц было в те дни на заводе! В день прощания траурный зал не мог вместить тысяч и тысяч людей. Наверное, такого великого горя никогда не было в стенах завода. Надолго запомнились проникновенные слова ветерана ЛОМО Александра Давидовича Бориспольского: «Мы бесконечно благодарны судьбе за то, что нашим руководителем был Михаил Панфилович Панфилов. Эту нашу благодарность мы выражаем снова и снова, посещая его могилу на Серафимовском кладбище, вспоминая его в беседах с людьми и, конечно же, наедине с собой.

Ибо что такое благодарность? – это память сердца...»

Сегодня ОАО «ЛОМО» является одной из крупнейших российских компаний, занимающихся разработкой, производством и реализацией оптико-механических и оптико-электронных приборов. Большинство разрабатываемых и перспективных приборов относится к категории наукоемких. ЛОМО выпускает более 150 видов изделий: микроскопы, гибкие медицинские эндоскопы, наблюдательные приборы, лазеры, оборонную продук-

цию для Сухопутных войск, ПВО, ВМФ и Космических войск, а также многое другое. На ЛОМО трудятся около 3,5 тысячи человек. В основном это высококвалифицированные рабочие и инженерные кадры. Почти 1,5 тысячи человек имеют высшее образование, среди них 33 кандидата и 4 доктора наук. Многие сотрудники фирмы отмечены государственными наградами. ЛОМО проводит большую работу по привлечению молодых кадров, тесно сотрудничает в этой области с вузами города. Ежегодно почти треть работников проходит курсы обучения, переподготовки или повышения квали-

фикации в Учебном центре фирмы. Топ-менеджеры ЛОМО регулярно попадают в рейтинги наиболее авторитетных, составляемые ведущими деловыми изданиями. Сотрудники предприятия участвуют в международных конференциях, становятся победителями профессиональных конкурсов. Отличительной чертой ЛОМО всегда являлся благоприятный психологический климат в коллективе, стремление трудиться вместе для достижения общей цели. Это современное, динамично развивающееся предприятие, которое хранит славные традиции и уверенно смотрит в будущее.

Ветераны ЛОМО у памятника М. П. Панфилову в день его 90-летия

¹ (Ленинградский) Государственный оптико-механический завод, позднее – ЛОМО.

² (Ленинградский) Государственный оптический институт (с 2005 г. – ФГУП «Научно-производственная корпорация «Государственный оптический институт имени С. И. Вавилова»).

³ Также для удобства пешеходов, большая часть которых были работниками ЛОМО, он добился устройства известного подземного перехода от станции метро «Выборгская» – наверное, самого протяженного в городе.

⁴ Обсерватория на горе Паломар на высоте 1706 м в 220 км к югу от г. Пасадена в Калифорнии, где установлен 5,08-метровый телескоп Хейла. Работы по сооружению телескопа велись с 1930 по 1948 гг. (основная причина отсрочки открытия – Вторая мировая война).

⁵ Копелян Ефим Захарович (1912–1975), знаменитый артист театра и кино.

⁶ Коутс (Coates) Альберт (1882–1953), английский дирижер и композитор, родившийся в Санкт-Петербурге. Выступал в России, США, Англии и многих других странах мира. Умер в ЮАР, близ Кейптауна.

⁷ Соллертинский Иван Иванович (1902–1944), выдающийся российский музыковед, театральный и музыкальный критик.

⁸ Штидри (Stiedry) Фриц (1883–1968), австрийский дирижер.

⁹ Музалевский (Vladimirs Muzaļevskis, наст. фам. Бунимович) Владимир Ильич (1894–1964), российский и латышский музыковед, пианист и преподаватель Ленинградской, затем Вильнюсской консерватории.

¹⁰ Бродский Исаак Израилевич (1884–1939), российский живописец и график, директор (с 1934) Академии художеств в Ленинграде.

¹¹ Гоголева Елена Николаевна (1900–1993), актриса театра (на сцене Малого театра – с 1918 года) и кино.

Добрый гений нашей семьи. Котья. О моей бабушке, Александре Ильиничне Рогинской*

П. П. Стрелков

Под толстым стеклом пресс-пань наливался лазурью морской залив, чудный город уступами поднимался на склоны горы, курившейся дымом. Окна городских зданий разноцветно светились, и если глядеть с разных сторон, то цвет их волшебным образом менялся благодаря кусочкам перламутра, искусно вклеенным в картинку с тыльной стороны стекла. Ничего прекраснее этой вещи в моем раннем детстве я не помню. Я так наслаждался ею, что посреди любимого пейзажа протер безобразную дыру. Позднее я узнал, что красивый город над морем – Неаполь, откуда Котья привезла этот сувенир, нарядный до сладости. Она интересно рассказывала, как с группой туристов поднималась на Везувий, и веселые проводники-чичероне пускали вскачь ослов с восседавшими на них испуганными русскими дамами.

Множество других замечательных вещей можно было найти в тесной Котиной комнате, самой неудобной из занимаемых нашей семьей. Мы с братом постоянно толкались здесь, высоко ценя Котино общество и принадлежавшие ей богатства. В углу стояло давно забытое пациентов зубоорубное кресло, обитое пыльным красным плюшем. Один из нас в него садился, второй давил на педали, и кресло могло подниматься, опускаться и вращаться. Еще интереснее были вместительные ящики бюро. Из них

вынимались давно остановившиеся часы разных фасонов, нарядные открытки, почтовые марки и ассигнации с царскими орлами, конверты и «секретки»** из красивой желтоватой бумаги, палочки алого сургуча, щетки для чистки ломберных столов от мела, пышные страусовые перья – предметы из неведомой нам жизни, казавшейся благополучнее и наряднее нынешней. Все это, вероятно, досталось Коте от покойных родителей. Ее собственное имущество было иного рода: аптекарские весы с роговыми чашками, страшноватые с виду зубоорубные инструменты и тонкие пластинки разноцветного воска, тоже из арсенала дантиста. Многие из выдававшегося нам для игр было достойно лучшей участи, но Котья придерживалась иного мнения. Нас она обожала и рада была ублажать всем, чем могла, сокровищ же своих не ценила.

Высокому авторитету Коти помогало ее близкое знакомство с волшебником Брик-Лебретом. Загадочным образом он узнавал о наших желаниях и обычно спешил их исполнить. Правда, он был осведомлен и о дурных поступках, но благодаря Котиному заступничеству быстро нас прощал. Не иначе как Брик-Лебрет предупредил Котю о задуманном нами побеге в Африку. Было собрано оружие и другие любимые игрушки, мы тихонько оделись и крадучись вышли через кухню на площадку «черной» лестницы. Там мы остановились в раздумье, но входная дверь

за нами вдруг сама затворилась и щелкнула замком. Путь к отступлению был отрезан, мы остались одни в полном опасностях чужом месте и дружно заревели. Дверь тотчас распахнулась, на пороге стояла смеявшаяся Котья.

Хотя Котья была неизменно добра и ласкова, мне запомнился конфликт, возникший раз между нами. Я, наверно лет пяти-шести от роду, доказывал бабушке, что она не смеет меня и пальцем тронуть, истинное право наказывать дано только маме. Вероятно, я разглагольствовал очень нахально и чем-то ее обидел. Котья вспыхнула и со словами: «Значит, не имею права?» закатила мне оплеуху. От обиды я отчаянно ревел, и был долго ею же утешаю. Впервые я понес кару не за дурной поступок, а за иную точку зрения. Это был редчайший случай, когда Котья оказалась, на мой нынешний взгляд, не совсем права. Он и запомнился благодаря своей необычности. Других обид на Котю или ссор с ней я припомнить не могу.

Сомневаться в праве Коти карать или миловать оснований у нас не было. В нашем доме она была главнокомандующим, взявшим на себя основное бремя забот о семейном благополучии. В предвоенные годы ей было около 65 лет, она оставалась живой, энергичной и властной женщиной. Из раннего детства запомнился случай, показавший нам Котину смелость и решительность.

* Материалом для настоящего очерка послужили воспоминания не только мои, но и моего двоюродного брата, Юрия Львовича Кроля, с которым мы обсуждали все здесь написанное. Использованы также изыскания по истории семьи, сделанные Евгением Михайловичем Рогинским.

** Секретка – письмо без конверта. Вдоль краев сложенного пополам листа плотной бумаги была пробита линия мелких дырочек (как в блоке почтовых марок). Письмо писалось на внутренней стороне листа, адрес на наружной, а края заклеивались; прочесть секретку можно было, лишь оторвав ее края по линии дырочек.

На Большой Охте, тогда окраине Ленинграда, осенью появлялся цыганский табор. Стоял он на пустыре недалеко от угла Панфиловой улицы и Среднеохтенского* проспекта. Мы гуляли там с няней уже по холоду, одетые в зимние пальтишки, и меня поражали голые цыганята, босиком выбегавшие из шатров на снег.

Хорошо помню, как в открытую на звонок дверь нашей квартиры ввалилась толпа ярко-пестрых гомонящих цыганок, разом заполнившая прихожую. Целью вторжения были, вероятно, пальто и шапки на вешалке, имевшие в те годы высокую товарную ценность, а также и все другое, что могло быть похищено. Атака была отбита Котей. Громко выкрикивая угрозы, она одна вытеснила за дверь ораву ражих молодых баб. Численность и физическая мощь были на стороне неприятеля, но он дрогнул единственно от силы Котиного духа. Мы с братом поддержали ее испуганным ревом.

Помню единственный случай, когда Котя при нас шумно соорилась с дедом. Мы, дети, не раздумывая, приняли сторону деда и требовали не обижать его. Не потому, что любили деда больше. Просто мы чувствовали, что Котя сильнее, и вступились за слабую сторону. Главенствующее положение бабушки в семейной иерархии мы ощущали с раннего возраста.

Осталось в памяти несколько эпизодов, связанных с моим детским членовредительством: помощь неизменно приходила в лице Коти. Раз я зацепился за порог и разбил бровь о ребро железной печки. Было много крови и воплей, Котя отвела меня в поликлинику, где на рассеченную кожу наложили швы. Возникшую панику усугубил братец, радостно известивший вернувшуюся домой маму: «Петька разбил голову, у него мозги вытекают». Другой раз я толкнул Котю под руку, и она вывернула мне на ногу кипевшее содержимое снятой с огня латки. Потом я проглотил шуруп, и за благополучное возвращение его через кишечник мне была обещана награда – игрушечный танк. К содержимому горшка я стал относиться с большим вниманием и шуруп

вскоре обнаружил. Танк был куплен, но игрушку получил не только я, истинный герой происшествия, но и брат. Это слегка испортило удовольствие – из высоких педагогических соображений нам дублировали в те годы подарки даже на дни рождения, чтобы дети не испытывали друг к другу зависти.

Котя работала в поликлинике зубным врачом. Думаю, что хорошим, на Охте она была уважаемым и известным человеком. Постигала она зубоврачебное дело в Германии, и любила рассказывать, как их учили там относиться к пациентам. Немецкий профессор привел на занятие девочку-подростка с кариозными резцами. Студенты вынесли решение, что лечить их нет смысла, нужно рвать. «Нет, – возразил профессор, – передние зубы для девочки – это ее красота, это капитал, которого мы не имеем права ее лишать. Ваш долг сделать все, чтобы зубы девочке хоть ненадолго, но сохранить». Этот Котин рассказ я смог оценить лишь впоследствии, имея опыт контактов с советской медициной.

Раз или два в год нас водили к Коте в поликлинику проверять и лечить зубы. С этой тяжелой обязанностью меня мирило сверление дырочек в монетах, которого я всякий раз от нее требовал. Гудела бормашина, тонкая латунная пыль вскипала под головкой бора, и в высверленную дырочку можно было вдеть нитку и повесить монетку себе на шею.

II

До войны мы занимали четыре комнаты в шестикомнатной квартире, ранее принадлежавшей деду, успешно практиковавшему на Охте врачу. После революции последовало «уплотнение», в квартиру подселили чужих людей, и мы с братом знали ее только коммунальной. Наша семья состояла из шести человек. Старшим был овдовевший в нашем младенчестве дед, вторая по старшинству – Котя, приходившаяся нам не родной, а двоюродной бабушкой. Среднее поколение составляли мама с тетужкой, близкие по возрасту сестры, которые сумели почти одновременно выйти замуж, произвести на свет в 1931 году ровесников сыновей и вскоре разой-

Котя, какой мы ее знали в детстве

лись с мужьями, а младшее – мы, росшие вместе двоюродные братья. Дед, очень пожилой и замкнутый по характеру, был поглощен врачебной работой в поликлинике и мало ощущался в доме. Вечера он неизменно проводил за чтением медицинских журналов – лучше всего мне помнится его седа, склоненная над столом голова, освещенная настольной лампой. Дед был не только великим тружеником, но много видевшим бывалым человеком: после окончания медицинского факультета Московского университета он работал земским врачом в деревне, потом купил медицинскую практику на окраине Петербурга, где пользовался благодарным уважением не одного поколения охтян. Трижды, в Русско-японскую, Первую мировую и Гражданскую войнах, он служил врачом в действующей армии. Его богатый жизненный опыт остался нам с братом недоступным – сперва мы были слишком малы, а когда подросли, не стало деда.

В нашей женской по духу и основному составу семье Котя ведала закупкой продовольствия, ежедневным приготовлением пищи, вероятно, также финансами и, отчасти, уходом за детьми. Важной ее обязанностью было руководство прислужгой. Все взрослые в доме работали, и у нас постоянно жила домработница, совмещавшая обязанности няни с исполнением разнообразных хозяйственных функций. Нанимались на эту должность деревенские женщины, часто молодые девушки, убежавшие в город от радостей колхозной жизни.

* До войны писали не Среднеохтинский, как сейчас, а Среднеохтенский проспект. Прежнее написание было грамотнее, обращаюсь к авторитету А. С. Пушкина: «С кувшином охтенка спешит» (Евгений Онегин, гл. 1, XXXV).

Возможность иметь домработницу обеспечивалась наличием у нас темной комнатки рядом с кухней, изначально предназначавшейся бывшим хозяином дома для прислуги.

Я думаю, что в нашей дружелюбной, лишенной снобизма и простой в быту семье этим женщинам было нетрудно ужиться. Одна из них, моя первая нянька Люба, нашла нас после войны, и мы много лет дружили семьями. В доме очень следили, чтобы мы, маленькие, вели себя с домработницами вежливо. Брат хорошо помнит затрещины, полученные от Коти, за грубую выходку по отношению к одной из этих девушек. Проступки такого рода строго карались, но самое страшное наше преступление так и осталось нераскрытым. Акулина, с которой мы жили на даче, приготовила яичницу не с булкой, как приучила нас Котя, а с черным хлебом. В знак протеста мы стали выковыривать хлеб и швырять его хотя и не в винолицу происшествия, но в ее сторону, а пожилая Акулина эти куски подбирала. Мы сознавали, что поступаем плохо, но чувствовали безответность деревенской женщины, не умевшей справиться с разбушевавшимися «барчуками». Она так и не пожаловалась Коте, от чего наш проступок выглядит еще отвратительнее. Мне и сейчас трудно сознаваться в нем; этот позорный случай не устает жечь меня стыдом всю сознательную жизнь.

Не знаю, кто был автором системы нашего воспитания – матери, Котя или они сообща. Сейчас мне кажется, что система была не совсем разумной. Гулять нас с братом одних не пускали, только в сопровождении кого-нибудь из старших. Желая из-

бежать воображаемых опасностей и дурного влияния, нас искусственно изолировали от жизни за пределами квартиры, воспитывая страх перед неведомой уличной стихией.

Мы с братцем были постоянно вдвоем, и особого голода по обществу сверстников не испытывали. Общались мы больше с детьми из дружеских семей, которых приводили в гости к нам, а нас к ним, чаще на праздники. Обставлялось это иначе, чем принято сейчас, когда дети на равных участвуют во взрослых застольях. Для нас и наших гостей всегда устраивали отдельный столик, желательнее в другой комнате. Как лучше, судить не берусь, но нынешние развязные малолетки, шумно требующие внимания старших, мне не нравятся.

В традициях домашнего воспитания, лет с шести к нам пригласили старушку-немку, выполнявшую роль гувернантки: она с нами гуляла, занималась письмом и арифметикой, и, главное, немецким языком. Почтенная Зинаида Адамовна была очень стара и неизменно засыпала под собственное чтение вслух из нарядной книги «Der Kindergarten». Мы ждали, когда ее голос начинал запинаться, и с восторгом принимались мутузить друг друга. Познанию немецкого Зинаида Адамовна способствовала мало. Матерям и Коте, знавшим немецкий язык, это нетрудно было установить, но они, похоже, не контролировали наше обучение.

Старшие щедро делились с нами другим – пока мы сами не приохотились к чтению, нам каждый день читали вслух или пересказывали содержание замечательных книг,

Наш дед Е. Е. Кроль.
Середина 1930-х гг.

украсивших наше детство да и последующую жизнь. Мне кажется, что сказки Пушкина я знаю чуть не с колыбели. Рано пришли и навсегда остались с нами Буратино и братец Кролик, храбрый Щелкунчик и Маугли, плывшие за золотым руном аргонавты и могучий Геракл. Рано открылся нам и чудный мир сказки, сплетенной с явью, где таилась среди русалок ведьма, а кузнец дарил невесте царицыны черевички.

Потом мы погрузились в мир океанских просторов и приключений, узнали имена юных Дика Сенда, Роберта Гранта, чудака Паганеля и таинственного капитана Немо, сражались с пиратами за сокровища капитана Флинта. Замечательные морские, и не только морские истории поведал нам и горячо любимый Борис Житков.

На всю жизнь полюбились нам проказы мальчишек с далекой Миссисипи и бессмертная легенда о двух других мальчиках, родившихся в старой доброй Англии – один в семье Тюдоров, а другой просто Кенти. Потом мы были зачарованы Д'Артаньяном и его друзьями, позже застучал в наших сердцах пепел Клааса. Из книг о событиях родной истории лучше других запомнились «Князь Серебряный» и «Тарас Бульба».

Я особенно любил книги о животных Сетона-Томпсона и его же «Маленьких дикарей», рассказы Бианки, Пришвина, Ольги Перов-

Котины подопечные: автор (слева) с двоюродным братом Юрой в возрасте 5–6 лет

Дом на углу Большеохтенского пр. и Панфиловой ул. (№ 53/6), в котором мы жили (ныне снесен)

ской. О юности же человечества мы знали из приключений храброго Нао, вернувшего огонь племени уламров. Не перечислить здесь всех чудных книг, щедро даривших нам радость. От первой встречи с ними прошла уже целая жизнь, они читаны собственным детям и внукам, но продолжают вызывать слезы благодарного умиления.

Мы с братом любили проигрывать друг с другом самые увлекательные места из прочитанного. Котя со смехом цитировала подслушанный ею диалог, вероятно, по мотивам Дюма: «Монсеньер, опустите вашу шпагу, что будем делать с этим презренным трусом?» – «В рыло ему дать, в рыло!» Стыжусь, но последняя рекомендация принадлежала мне.

В роли действующих лиц этих проигрываний выступали две любимые нами игрушечные обезьянки, изрядно облезлые от частого употребления. Мы играли с ними лет до десяти, пока, начитавшись «Приключений Тиля Уленшпигеля», не начали воспроизводить на беднягах страшные пытки и казни, творимые инквизицией. Тут Котя не выдержала и прикрыла наши садистские развлечения.

Знакомство с литературой побуждало к сочинительству. «На острове Мадейра. Роман. Том 1» – вывел как-то на чистом листе братец. Я умирал от зависти, ибо сам выдумать такое красивое название не мог. Правда, дальше титула со-

чинение об экзотическом острове не продвинулось.

Из настольных домашних игр мы много занимались картами. От составления карточных домиков мы быстро шагнули к «акулине», «пьянице» и «подкидному дураку». Иногда в наших карточных баталиях, притом не без азарта, принимала участие Котя. Она обучила нас менее распространенным, но увлекательным играм – «шестьдесят шесть» и «пятсот одно».

В нашу культурную программу входили посещения Эрмитажа, где работала тетушка. Помню разочарование и усталость после созерцания европейской классики. Хорошо, если на картинах изображались сражения или сцены охоты, а малопонятные библейские сюжеты меня не увлекали. Интереснее были часы-паулин, а самый восторг – рыцарский зал. Благодаря тетушкиным знакомствам, нас пускали иногда в запасник оружейного отдела, где все можно было трогать руками. Признаюсь, что природная тяга мужчин к оружию до конца во мне еще не угасла. Я завидую себе маленькому – хотелось бы вновь примерить рыцарский шлем, взмахнуть мечом или приложиться к арбалету!

...У стола, за которым я работаю, крутится пара младших внуков, все-му предпочитающих «мультки», заполнившие их досуг через теле-

видение и компьютеры. Возможности внуков познавать мир намного превосходят те, что были раньше, но о большинстве известных нам в этом возрасте исторических событий и книжных героев они даже не слышали. Секрет нашей большей «учености» очень прост – старшие в семье находили время заниматься детьми. Низко кланяюсь им за это.

Нашим просвещением занимались все взрослые, но Котя лучше помнится в другом качестве – грех не сказать о ее кулинарных талантах. Удивительно, но сама Котя, обреченная болезнью на строгую диету, приготовленных ею кушаний есть не могла.

Котя стряпала на большую семью, в ее задачу входило делать это быстро и, по возможности, недорого. Кормились мы хорошо, но кулинарные изыски на столе появлялись редко. Зато праздники, выпадавшие утробе, хорошо запомнились. С детских лет я не пробовал больше шарлотки, запеченной в чудо-печке*: под ее смуглой корочкой скрывалось упоительно нежное нутро, источавшее сладкий сок и аромат яблок. Высшим Котиным достижением были маленькие, жареные на сковороде пирожки с мясом и капустой. Мы любили помогать их созданию – стаканом вырезали из раскатанного теста кружочки, раскладывали на них начинку и защипывали края. Готовые изделия складывались в накрытую полотенцем миску, куда можно было сунуть жадную руку, выбрать не самый горячий пирожок, подуть на него, и... тут я стыдливо замолкаю, ибо нет слов выразить наступавшее блаженство. Незабываем и прохладный клюквенный морс, которым Котя поила нас во время болезней.

Есть много сладкого считалось вредным. Сладости Котя выдавала нам только после еды и штучно, самим их брать не разрешалось. Многие из тогдашних вкусов потом исчезли: не стало похожих на монеты разноцветных театральных пастилок, крепко склеивавших зубы настоящих тянучек, одетых снизу в лепесток пергамента, восхитительных сливочных помадок, тоже сидевших в гнездышке из гофрированной бумаги, нарядных

* Кухонное приспособление круглой формы с дыркой посередине для печения пирогов, коврижек и т. п. на открытом огне. Готовые изделия, в нем приготовленные, имели характерную форму широкого кольца.

фигурок из марципана. С довоенных лет я не пробовал, да и не видал больше крымских яблок – красиво продолговатых, с нежным румянцем на боках. Надо заметить, что дорогие лакомства доставались нам нечасто, но мы охотно довольствовались кусочками твердого как камень, хрусткого сахара, наколотого специальными щипчиками – в те годы еще пили чай вприкуску.

III

Как и у всех сверстников, безмятежное время нашего детства закончилось с войной. Мы узнали о ней от мамы, приехавшей из города на дачу в Сиверскую, где с нами жила Котя. В радостном возбуждении мы с братом принялись стрелять из палок и гоняться друг за другом с криками «ура!» «Какие они еще глупые» – сказала бабушка маме так, что я присмирел, почувствовав по ее тону трагичность случившегося.

На следующее утро Котя наняла редкого в поселке извозчика и отправилась со мною в продовольственный магазин. Мешков у нас не было, баранки, сушки и сухари складывались в две большие наволочки. Помните кадры из фильма «Солдат Чонкин», где узнавшие о войне бабы скопом ринулись в деревенскую лавку за солью, мылом и спичками? Бабушка, обученная советской властью, поступила сходным образом, но запасала она основу жизни – хлеб. Считалось, что ее покупка спасла жизнь моей маме, оставшейся в блокадном Ленинграде, да и не только ей. Мне помнится, что часть закаменевших сушек поехала в эвакуацию на Урал, где тоже оказалась весьма кстати.

В конце июля 1941 года мы с братом были вывезены из Ленинграда в Свердловск, куда эвакуировали сокровища Эрмитажа. Специальным эшеленом командовал генерал (ромб в петлице) в форме НКВД, состав охранялся вооруженными солдатами, была к нему прицеплена платформа со спаренными зенитными пулеметами, вызывавшими мое особое восхищение. Шел поезд быстро, почти не задерживаясь на остановках. Помнится, что мы с тетушкой ехали налегке. Через месяц в Свердловск прибыли дед с Котей. Ее стараниями они везли множество тяжелых чемоданов и тюков – как управились старики с этим громоздким багажом, было не-

понятно. Привезенная одежда, белье, одеяла и даже, вероятно, кастрюли очень выручили семью в трудные годы эвакуации.

Из моей недолгой жизни в Свердловске помню громадные, многочасовые очереди в продовольственные магазины. Первой военной осенью некоторые виды продуктов еще поступали в свободную продажу, но по высокой цене, назывались они «коммерческими». В одни руки отпускалось очень мало вожделенного масла, сахара или конфет, поэтому нас с братом обязательно ставили в очередь для получения лишних порций продуктов. Очень скоро «коммерческая» торговля прекратилась, народ кормился скудными пайками, выдававшимися по карточкам. На рынке продовольствие стоило недоступно дорого.

Для размещения десятков тысяч эвакуированных местных жителей принудительно «уплотняли», что не способствовало их любви к приезжим. Впятером мы занимали небольшую комнату, загроможденную хозяйской мебелью и нашими чемоданами. Мы с братом этим пользовались: игра заключалась в том, чтобы обогнуть комнату по периметру и не ступить ногами на пол. Поставленные «на попа» чемоданы выступали также в роли коней – сидя на них верхом, хорошо было метать друг в друга дротики или рубиться деревянными мечами. Мы много играли дома из-за нежелания выходить во двор. Тепличное домашнее воспитание приносило свои плоды: не слишком приветливых местных мальчишек мы побаивались.

На Урале ютилось тогда великое разнообразие людей из опаленных войной частей страны. Котю навещали порой странные женщины, не похожие на других наших знакомых: они говорили с певучим акцентом и непривычно величали бабушку «мадам Рогинская». Это были гости из незнакомой нам среды Котиного провинциального детства, проходившего в «черте оседлости». Думаю, что они давно стали очень далеки ей, но Котя их любезно принимала, терпеливо выслушивала жалобы и, возможно, чем-то помогала. Разыскалась в городе и женщина, чудом спасшаяся из немецкого плена. Не слишком доверяя официальной пропаганде,

Котя отправилась ее расспрашивать. Вернулась она очень грустная и подавленная: страшная картина поголового истребления евреев, попавших под немецкую оккупацию, полностью подтвердилась.

В январе 1942 года в Свердловск приехала моя мама, вывезенная на самолете из блокированного Ленинграда. В дороге изголодавшихся людей хорошо кормили, и склонная к жертвенности мама умудрилась даже запасти для нас кое-какие деликатесы. Багаж у нее был иного рода, чем у Коти. Среди нескольких килограммов имущества, разрешенного к вывозу на самолете, к нам приехали две замечательные детские книжки и искусно сделанная обезьянка-моряк. Она получила имя Габик и хранилась мною 60 лет, но сейчас отдана в фонды «Музея игрушки», где любознательный читатель может с нею познакомиться.

Вскоре мама увезла меня в Самарканд, куда была эвакуирована Военно-медицинская академия, где она работала. Думаю, что Котя отпускала меня неохотно, я впервые надолго разлучался с ней и с братом.

В Средней Азии началась для меня совсем иная жизнь, чем в Свердловске. При Коте мы числились детьми, спроса по хозяйству с нас не было. В Самарканде мама работала с утра до позднего вечера. Моей обязанностью стала закупка продуктов, а со временем и варка каши; за отсутствием кастрюли она готовилась в бывшей плевательнице, заимствованной в соседней больнице. Впрочем, наша жизнь в Самарканде составляет особую тему, касаться ее здесь нет возможности. За трудную жизнь вне большой семьи и слабый родительский надзор пришлось платить – я часто болел, стал хуже учиться и обрел ряд привычек не лучшего свойства. Зато я многое повидал и хорошо прочувствовал главный закон жизни – если хочешь быть сытым и не мерзнуть, надо крутиться. Нелегкая жизнь вдвоем очень сблизила нас с мамой, и эта особая близость, очень дорогая и мне и ей, сохранялась долгие годы.

Котя с братом, тетушкой и дедом оставались в Свердловске, перенаселенном и голодном. Помню страшный Котин рассказ про обезумевшую от голода женщину, которая на ее глазах собирала и

жадно глотала рвоту, извергнув пьющим мужиком. Эвакуированные бедолаги, лишившиеся в чужом городе продовольственных карточек, денег и вещей, не составляли тогда большой редкости.

Насколько я знаю, оставшаяся на Урале часть нашей семьи избежала серьезных лишений благодаря Котиной прозорливости. В Свердловске работали магазины «Урал-золота», скупавшие драгоценный металл у старателей. Там принимали на вес и золотые украшения, сплющенные молотком или переплавленные. Семейные кольца и цепочки, сбереженные Котей наперекор обыскам и конфискации военного коммунизма, отоваривались здесь драгоценной мукой. Часть семейных «сокровищ» была вручена Котей при расставании моей маме. Их тут же, прямо в поезде, украли, так что облегчить нашу полуголодную жизнь в Средней Азии Котина заботливость не смогла.

IV

В Ленинград мы с мамой вернулись летом 1944 года. Меня поразила пустыньность города и бесчисленные железные кровати, усевавшие развалины домов и пустыри; из них строили даже заборы, ограждавшие возникшие кое-где огороды. Было страшно сознавать, что бывших владельцев этих ржавых остовов убила блокада.

Принадлежавшая нашей семье часть квартиры оказалась занятой, старая мебель и вещи исчезли. Первое время мы ютились в доведенной комнате деда, где поселилась наша бывшая домработница. Сложности возникали в дни, когда к молодой женщине являлись ухажеры. Увешанные медалями сержанты вызывали у меня благоговение, по их заданию я мотался на толкучку за праздничной закуской, и очень удивлял их тем, что возвращал сдачу. Ночевать в гостевые дни нам приходилось у знакомых.

Выборочность памяти хорошо проявляется в моих воспоминаниях. Как налаживался после возвращения быт и мы обрели свою комнату, она не сохранила. Зато хорошо помнится газированная вода, сдобренная сладким сиропом с грушевой эссенцией (можно было просить одинарную, но лучше двойную порцию на стакан) – единственное

ненормированное тогда лакомство. От его обильного употребления в животе у меня постоянно булькало. Мама приходила с работы очень поздно, в качестве изысканного угощения я оставлял ей это пойло в стеклянной банке (за отсутствием стакана) рядом с ужином.

Со сладким связан позорный случай в моей биографии. С зимы 1944 года наша жизнь стала сытнее. Обладателям ученой степени начали давать льготный паек, защищенная мамой перед войной диссертация оказалась весьма кстати. Наши продовольственные карточки были «прикреплены» к магазину, обслуживавшему сотрудников Военно-медицинской академии – до сих пор не могу пройти мимо него равнодушно. «Сахарные» талоны здесь отоваривали не слипшимися комьями конфет-подушечек, а белоснежным, мельчайшим, американского изготовления сахарным песком (говорили, что он производился из сахарного тростника). Мама решила копить этот замечательный продукт для наших свердловчан, считая их голодающими. Я был с нею согласен, но порой запускал жадную ложку в заветный мешочек. Подглядывавшая за мной соседка доложила матери: «Гляжу – песок хлябает». Ревизия подтвердила мой позор, я отлично помню запоздалое раскаяние и стыд от презрительного материнского молчания.

Наши уральцы вернулись в Ленинград зимой 1945 года без дедушки – он остался на свердловском кладбище. Моя жизнь сразу переменилась, я был отстранен от хозяйственных забот, которые целиком взяла в свои руки Котя. В разговорах того времени постоянно звучало слово «бронь» – так обозначалось закрепление жилой площади за эвакуированными ленинградцами. Судебные тяжбы за возвращение нам еще двух комнат завершились благополучно. Удалось найти и отсудить даже несколько предметов сохранившейся мебели, вывезенной из квартиры бывшим управдомом. Как всегда, сильно выручила нас Котина дальновидность. Часть семейного добра она сдала перед отъездом из Ленинграда на хранение в ломбард, оно уцелело и благополучно вернулось в дом.

Должен заметить, что не всегда Котины усилия сберечь материальные ценности имели успех. Ее

воспитание корнями уходило в неторопливый XIX век, когда ряды служили многим поколениям и хранились в семейных сундуках. Был пахнувший нафталином сундук и у нас. В нем Котя хранила «про черный день» сбереженный в ломбарде куний палантин – принадлежавший покойной бабушке роскошный меховой плащ, напоминавший фасоном кавказскую бурку. Кончил этот палантин плохо: волос изменил цвет, пересохшая мездра стала ломкой. Первейшую семейную ценность погубило слишком долгое и ненадлежащее хранение.

Главным Котиным подвигом в послевоенные годы надо считать решение жилищной проблемы. Она нашла в РЖУ знакомого техника, который за взятку подготовил проект раздела нашей коммунальной квартиры на две и добился его утверждения. Соседи остались в одной половине квартиры, выходившей на парадную лестницу. Мы, несколько потеряв в площади, стали обладателями отдельного жилья, в которое входили через бывший «черный» ход. По тогдашним временам это была неслыханная удача. Никто другой в семье, кроме Коти, на такие свершения способен не был. Она была прагматиком и человеком действия, наши же матери были лишены ее предприимчивости и имели чересчур идеальные понятия о жизни.

К нашей половине квартиры отошла недееспособная ванная комната, быстро превращенная в жилую. Вспомнил об этом из-за удивительной ванны, которая там находилась – она была сделана из красной меди. Представляю, какой жар-птицей эта ванна гляделась когда-то раньше, до сияния начищенная прислугой! Сей реликт исчезнувшего быта я знал только потемневшим, в зеленых пятнах окислов.

После войны Котя уже не работала и занималась только домом. Жили мы трудно. Денег хронически не хватало, семья из пяти человек существовала преимущественно на доцентскую мамину зарплату. В Эрмитаже, где работала тетюшка, сотрудникам высочайшей квалификации платили тогда позорно мало, как и всем «музейщикам» страны. Вести хозяйство в те годы было неизмеримо тяжелее, чем сейчас. Напомню, что отсутствовали газ, центральное отопление, горячая вода,

ванна, холодильник. Еда готовилась на керосинках и керогазах, реже на примусах. Иногда, при большой готовке или стирке, затапливалась плита, занимавшая половину кухни. Часто еду Котя ставила упревать в комнатные печи.

Купить сухие хорошие дрова было трудно. Пилить, колоть и поднимать их из сарая на третий этаж было нашей с братом обязанностью. В школьные годы мы, помнится, благополучно с ней справлялись, в студенчестве почувствовали себя очень занятыми и отговаривались постоянно «завтра». Котя обижалась и, стыдно признаться, иногда нанимала таскать дрова пьяницу-соседа.

Зимой в квартире было холодно и сыро. От влажности в комнатах отставали обои и плесневели книги, вода на подоконниках в сильные холода замерзала. Для тепла следовало обильно топить печи дважды в день, но запаса дров на это всегда не хватало. В старости Котя сильно зябла и жалась к горячей печке. На стул рядом с ней забиралась Лялька, наш спаниель, тоже любившая тепло. Так и остались в моей памяти две гревшиеся рядом у огня старушки – Котя и кудрявая черная собачка.

В каждой семье устанавливаются свои порядки. У нас их автором была Котя. О еде полагалось спрашивать хозяйку и есть то, что она указала. Самодеятельность в этом деле не одобрялась, она могла нарушить хозяйские планы. Дорогие или дефицитные продукты экономили, сыр и колбасу на бутерброды Котя резала так тонко, что они едва не просвечивали. Не скажу, что нам это нравилось, но стало привычным: долгие годы после этого толсто нарезать закуску казалось мне кощунством, я до сих пор не научился это делать. С тех же полуголодных лет долго сохранялась неловкость, когда меня сажали за стол в чужом доме – была подсознательная боязнь «объесть» хозяев. До сих пор я не могу без стыда выбрасывать в помойку ненужные продукты, а в больнице целиком съедаю свою порцию, как бы отвратительна она ни была: выданная тебе казенная «пайка» – это святое. Жизненные правила, запечатленные смолоду, трудно поддаются изменению.

Котя происходила из состоятельной семьи, свойственные ей бережливость и запасливость были

воспитаны исключительно нищетой и голодными годами, начавшимися после революции. Они сочетались в ней с гостеприимством и стремлением накормить голодного. Заходивших к нам школьных товарищей Котя неизменно сажала за стол в самые трудные времена. Голодной послевоенной зимой немецкие военнопленные с ближней стройки ходили по квартирам побираться. В нашу дверь звонил иногда жалкий, плохо одетый и замерзший солдат с постоянной каплей под носом. Продукты выдавались по карточкам, нам их всегда не хватало, но Котя неизменно отрезала немцу кусок хлеба. Подавала недавнему врагу, соплеменники которого уничтожили миллионы евреев, в том числе многих ее родственников, а он, не исключено, принимал в этом участие.

Практичность, стремление экономно вести хозяйство вовсе не означали, что Котю лично волновала материальная сторона жизни. Она заботилась только о нас и наших матерях, для себя ей ничего не было нужно. Котя страдала желчнокаменной болезнью, соблюдала строгую диету и питалась в основном хлебом с чаем и кашами. Заставить Котю приобрести себе какую-нибудь обнову было невозможно. Наряжалась она в одежду, давно подлежащую выбрасыванию, преимущественно в обноски наших матерей. Не стеснялась для тепла пользоваться мужским бельем – надевать под юбку кальсоны. Никаких украшений она не носила, косметикой и парикмахерской сроду не пользовалась. Во всем этом проявлялось ее полное, редко свойственное женщине безразличие к наружности, к внешнему виду человека и его жилища. Из-за равнодушия к вещам после Котиной смерти от нее не осталось ничего материального, кроме заношенной до блеска кацавейки, очков, да кучки зубоорачебных инструментов.

Впрочем, остались две книги, ею постоянно читанные, в рваных и грязных от частого употребления обложках. Это «Война и мир» и «Анна Каренина». Котя была страстной почитательницей Льва Николаевича Толстого. Она перечитывала его книги десятки раз и всегда находила незамеченные прежде мысли или события. Мы с братцем, по молодой глупости, пытались дразнить ее, понося классика с позиций В. И. Ленина, но

успеха не имели. Зачитанные ею книги сохраняла мама, теперь эти тома стоят у меня на полке. Жена огорчается, что они имеют неказистый вид, а мне эти книжки, знавшие Котины руки, дороже всех прочих.

В отличие от своего кумира, верующей Котя не была, однако наличие высшей силы, определяющей судьбу мира, не отрицала. «Что можем знать об этом мы, плесень на частице мироздания?» – задумчиво говорила она в ответ на наши провокационные заявления о том, что Бога нет. Новые открытия в области естествознания всегда живо интересовали ее.

К началу 1950-х годов Котя почти перестала выходить на улицу – болели ноги. Иногда, по особой просьбе, мы под руки выводили ее прогуляться в магазин напротив. Называлось это «идти на свиданием с полюбивником, мясником Васей». Выходила она в неизменном пальто, привезенном ею из Германии за полвека до того, и его ровеснице, шляпке-ветеране. Эти нечестные выходы показали мне, как благодарна профессия врача. Кто-нибудь из старых охтян часто узнавал бабушку в магазине, ставил в очередь перед собой и уважительно объяснял окружающим, что это «доктор Рогинская, она и мне, и родителям моим зубы лечила». Люди часто спрашивались, нельзя ли прийти со своими проблемами к ней домой.

Из-за Котиной популярности в очереди иногда возникали скандалы. Находилась женщина, недовольная ее появлением впереди себя, и заводила обычные в таких случаях речи: «Барыня! Шляпу надела, и постоять не может!» На что Котя хладнокровно отвечала: «Верно, барыней родилась, барыней и помру». Ответ предполагал, что самый скандалистке барыней вовек не стать, что было чрезвычайно обидно.

Заметить признаки барства во внешнем виде Коти казалось в те годы невозможным, от ее туалетов явно отказались бы нынешние бомжи. Но, верно, было в ее поведении, манерах или осанке нечто, выделявшее Котю из охтенской толпы и указывавшее на принадлежность к «бывшим». Впрочем, именовать так трудовую интеллигенцию, происходившую из буржуазной среды и много потерявшую с приходом советской власти, вряд ли стоит.

Продолжение следует

«Сие именование отменно стоит уважения...». Гостилицы в XVIII столетии

Ю. В. Мудров

Возникновение усадьбы Гостилицы, расположенной вблизи Ораниенбаума, связано с широкой преобразовательной деятельностью Петра I. Победоносно завершив Северную войну, думая о превращении России в великую морскую державу, Петр I пригласил на службу опытного гидростроителя, генерал-майора, уже послужившего Франции, Германии и Польше, Бурхарда Христофора Миниха (1683–1767).

Император в 1721 году пожаловал ему мызу Гостилицы с лесными угодьями в почти 18 тысяч десятин.

Гостилицы существовали здесь и ранее. И были, вероятно, торговым селом, т. к. большинство источников производят его название от слова «гость» или «гости». Эти земли были и древненовгородскими, и шведскими.

Б. Х. Миних получил в России сразу же чин генерал-поручика. По заданию Петра I он работал над планом укрепления Кронштадта, руководил сооружением шлюза на реке Тосне, от Шлиссельбурга до Петербурга провел дорогу вдоль Невы. И на ближайшие годы его главным делом стало строительство Ладожского канала.

В пересказе писателя и историка М. И. Пыляева дошли до нас слова Петра Великого о Минихе: «Из всех иностранцев, бывших в моей службе, он лучше всех умеет предпринимать и производить великие дела, помогайте ему во всем»¹.

«Даровитый, энергичный и сгорающий честолюбием» (по словам историка С. М. Соловьева)², он все свои силы направлял на улучшение гидростроения в Санкт-Петербурге, его окрестностях, на Балтийском побережье. Строительство Ладожского канала было завершено им в

Неизвестный художник XIX в.
Портрет графа Бурхарда Христофа Миниха (1683–1767). Холст, масло.
Государственный Исторический музей (Москва)

чине генерал-аншефа и в графском достоинстве, но уже после смерти Петра. Причем по инициативе (ходатайству) Б. Х. Миниха Сенатом был издан указ, запрещавший порубку леса вдоль канала. Новому русскому венценосцу – Екатерине I – он подал составленный им же «Проект, каким образом город Санкт-Петербург от разливания воды укрыть возможно и в один или два года от всех от того восстающих опасностей защитить тако, чтобы при таком важном восприятии кошты не в туне употреблены были». По тому проекту предусматривалось строительство дамб, укрепление берегов посредством насыпей и т. д.

В Гостилицах Христофор Антонович, как его звали в России, создал крупный усадебный комплекс.

Строительству предшествовали большие работы по упорядочению водных пространств. Это делалось

как в соответствии с эстетическими устремлениями времени, так и для решения хозяйственных задач. И здесь Б. Х. Миних проявил себя инженером-гидрографом, создав стройную систему прудов. Земли, на которых он начал создание своей загородной усадьбы, представляли собой типичный пейзаж с обилием озер, рек, холмов, лесных угодий. Непосредственным местом ее расположения послужила долина речки Гостилицы, питаемой чистыми родниками.

В Гостилицах был большой пруд, имевший очертания неправильного шестиугольника. «Минихов пруд» «читается» и в сегодняшнем ландшафте. Кстати, Гостилицкие водоемы славились своими форелями.

Е. П. Чемесов (1737–1765). Портрет Бурхарда Христофа Миниха. 1764 г. Гравюра резцом и офортом.
Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Неизвестный художник первой половины XIX века. Портрет графа Алексея Григорьевича Разумовского (1709–1771). Холст, масло. Государственный музей истории Санкт-Петербурга

На правом берегу, на возвышенности, стоял усадебный дом, квадратный в плане.

Регулярной планировки сад имел оранжереи. Известно, что императрица Анна Иоанновна высоко ценила и такую способность графа, как умение организовывать выращивание диковинных овощей и фруктов, поставляемых к столу государыни. Так, в петербургских оранжереях выращивали многие диковинки; зимой появлялись ананасы. Вероятно, столь же богаты были и гостилицкие оранжереи.

Усадьбу украсил храм во имя Владимирской Божьей Матери. Его поставили к востоку от барского дома.

Будучи человеком, обладавшим не только большим инженерным опытом, но крупной хозяйственной сметливостью, Б. Х. Миних на реке Гостилке создал ряд запруд, менявших ее природные очертания. Это позволило как разнообразить пейзаж, так и на вновь образованном озере (в системе реки, близ ее истока) устроить мельницу. С той мельницей связан исторический анекдот, сообщаемый М. И. Пыляевым: «В сороковых годах, когда в большой паводок ушел один из больших прудов, то на дне обмелевшего пруда был найден мельничный жернов, на котором высечен был вензель Миниха, кроме того буква М., над ней корона, а внизу 1741 г., по преданию этот жернов был опущен

Минихом в день конфискации его имения в казну»³. Свидетельством же его подлинности служил вышеописанный жернов, установленный на пьедестале на берегу пруда. Известный историк упоминал его существующим в 1880-е годы.

Берега реки в районе мельницы соединялись плотиной. К ней вела дорога от центра усадьбы, вдоль которой располагались служебные и хозяйственные постройки. А далее – каменоломни. За селом Гостилицы, раскинувшись на левом берегу реки, был сооружен красильный завод.

Работы в Гостилицах проводились масштабные, как и все, чем занимался граф Б. Х. Миних. При Петре II он стал губернатором («главным начальником Санкт-Петербурга, Ингерманландии, Карелии и Финляндии») и генерал-полицмейстером города. А при

Анне Иоанновне – президентом Военной коллегии; он возглавлял комиссию по исправлению военной части в России, участвовал в Верховном тайном совете. Генерал-фельдмаршал, активный участник военных действий того периода, он во главе войск осаждал Данциг, затем брал Азов, Перекоп, Бахчисарай, Акмечеть, Кинбурн, Очаков, Хотин. Блестяще разбил турок при Ставучанах.

А кто же был помощником фельдмаршала и исполнителем его воли в архитектурных и ландшафтных работах в Гостилицах? Архитектор, которому можно было бы приписать авторство этого усадебного комплекса, точно не известен. Ряд исследователей как на единственно возможного автора указывает на Никола Жирана, прибывшего в Россию в 1716 году вместе с Ж. Б. Леблоном. О широкой

Неизвестный художник середины XVIII века. (С оригинала Г. Х. Гроота). Портрет императрицы Елизаветы Петровны. Холст, масло. Государственный Исторический музей

А. О. Пастернак (1862–1945). Торжественная встреча императрицы Елизаветы Петровны с графом А. Разумовским в Гостилицах в июле 1745 г. 1901 г. Бумага, акварель. По воспроизведению в: Н. И. Кутепов Царская и Императорская охота на Руси. Конец XVII–XVIII век. Т. III. СПб., 1902 г.

острове, как паркостроитель с 1745 года участвовал в создании пейзажей Царскосельского парка.

Участник удаления с политической арены всесильного временщика Э. Бирона, сторонник правительницы Анны Леопольдовны, при воцарении Елизаветы Петровны, Б. Х. Миних попал в немилость. Смертную казнь, к которой был приговорен бывший фельдмаршал, заменили вечной ссылкой в Сибирь (Пелым).

Лишь Петр III во время своего короткого царствования в 1762 году вернул его из ссылки с почестями,

Георг Христофор Грот (1716–1749). Великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна. 1745(?). Холст, масло. Государственный Русский музей

Неизвестный художник середины XVIII века. С оригинала Г. Х. Гроота. 1744–1745. Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея

которые, впрочем, были подтверждены и Екатериной II. Но имения возвращены не были.

Гостилицы же в 1743 году Елизаветой Петровной были пожалованы Алексею Григорьевичу Разумовскому (1709–1771). Сын простого казака из Малороссии, в юности обладавший «дивным» голосом, ко времени пожалования ему Гостилиц – обер-егермейстер

и кавалер ордена Святого Андрея Первозванного. И... самое главное – может быть «венчанный» супруг императрицы (сохранились предания, говорящие об их венчании 24 ноября 1742 года в подмосковном селе Перове).

Гостилицы и его окрестности довольно живописны. Из Гостилиц просматривается Финский залив и в ясную погоду даже Санкт-Петербург. Окружающие «мызу» и село возвышенности использовались для возведения на них приличествующих сооружений. Гора, известная со времен Разумовских как Колокольная, при Б. Х. Минихе была отмечена небольшой крепостью с пушками. На горе, омываемой речками Черной и Лизиной, была сооружена колокольня, отсюда и ее название. На берегу Черной далее, также на возвышении, существовала смотровая площадка.

Получив Гостилицы в свое владение, А. Г. Разумовский не сразу приступил к сколько-нибудь заметному строительству. Известный «План первого межевания» (1747 г.) отмечает отсутствие крупных изменений в Гостилицах. Где-то между 1743 и 1747 годами работы только начали разворачиваться. К ним был привлечен Андрей Васильевич Квасов (1718 – после 1777), обучавшийся в Канцелярии от строений. Ученик, работавший у Иоганна Бланка, в 1740-е годы он стал помощником М. Г. Земцова. Вместе с ним участвовал в оформлении коронационных торжеств в Москве, а в 1743 году с ним же трудился над расширением Царскосельского дворца. После смерти М. Г. Земцова, он возглавил работу в Царском Селе, возводя в нем также и павильоны. Вскоре А. В. Квасов (в связи с предстоящим визитом Елизаветы Петровны в Малороссию) был направлен в Козелец для возведения дома для А. Г. Разумовского. По сути дела возводился Путевой дворец императрицы. Возвращение в Петербург, продолжение работы в Царском Селе прерывалось необходимостью интенсивных изменений в облике дворцового ансамбля Разумовского в Гостилицах.

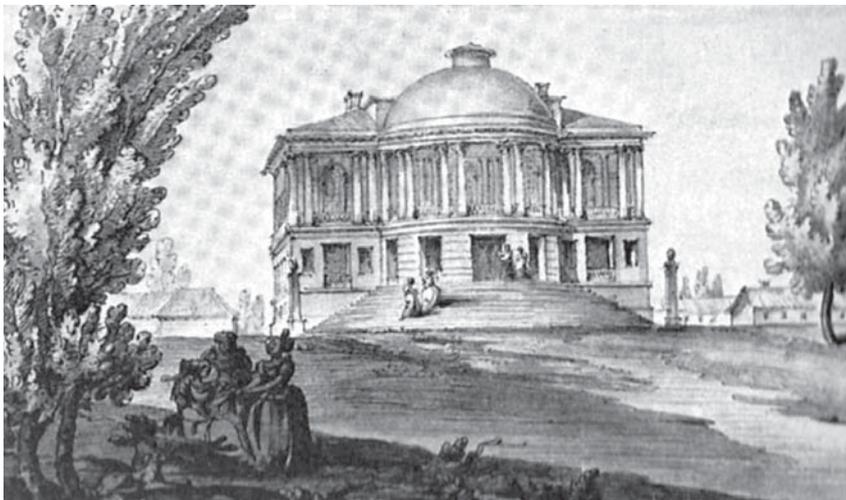
А. В. Квасов создал традиционный усадебный дом, состоявший из центрального корпуса (зала) и анфилад с обеих сторон. Располагавшийся вдоль реки, с севера на

юг, он служил центром парадному двору, от которого в виде флангов отходили «кавалерские корпуса» (дома для гостей). В ансамбль усадьбы входила Троицкая церковь, возведенная вместо старой деревянной. Ее заложили в 1755 году, когда Андрей Квасов был в Петербурге. Будучи по сути дела «домашним» архитектором А. Г. Разумовского, он исполнил множество архитектурных и строительных работ, в том числе в Малороссии, в Козельце и в Глухове, где находилась «гетманская столица». Освящение церкви состоялось в 1764 году. Храм в Гостилицах дошел до наших дней. (В руинированных остатках церкви до ее восстановления читались основные объемы, просматривались главные архитектурные элементы). Помочь воссоздать исторический облик церкви Святой Троицы позволил рисунок выдающегося зодчего Джакомо Кваренги, выполненный им в 1780–1790-е годы, хранящийся в Городской библиотеке города Бергамо (Италия).

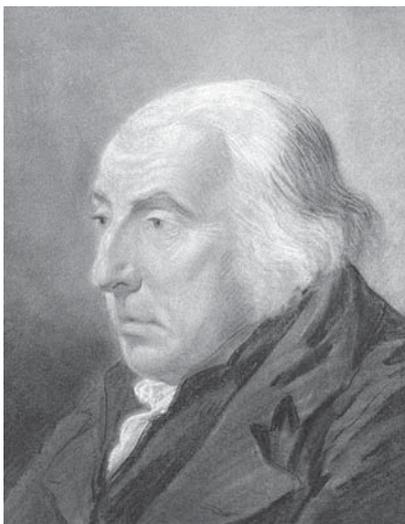
Перед нами предстает храмовая постройка, в которой соединяются разнохарактерные и разновременные ее части. От основного объема первого этажа «отодвинуты» двухколонные портики, перекрытые треугольными фронтонами. Углы основного здания закруглены, а прорезающие их окна обрамлены рустом. Второй ярус постройки с круглым в плане барабаном, с кру-

Луи Токке (1696–1772). Портрет графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728–1803). 1758 г. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея

Дж. Кваренги (1744–1817). Дом К. Г. Разумовского в Гостилицах. 1780–1790. Бумага, тушь, акварель. Городская библиотека Бергамо (Италия)

А. И. Орловский (1777–1832). Портрет архитектора Чарльза Камерона. 1809 г. Бумага, итальянский карандаш, сангина, мел, пастель. Государственный Русский музей

глыми же и арочными проемами, стилистически отличается от нижнего. Необычен и облик колокольни с люкарнами в ее куполе.

Рисунок Д. Кваренги доносит до нас еще ряд изображений – каменные гостевые дома, здания служебного назначения, отстроенные, скорее всего, в 1750-е годы.

Непременной принадлежностью вельможной усадьбы в ту эпоху являлись парковые павильоны. Как возможного строителя гостилицких павильонов – «Эрмитажа» и «Чайного домика» некоторые исследователи называли Ф. Б. Растрелли, однако с таким утверждением вряд ли можно согласиться⁴. Восьмиугольное в плане, одноэтажное зда-

ние, перекрытое восьмигранным же куполом, – таким было это типично барочное здание «Эрмитажа», предназначенное для уединения, интимных встреч и свиданий.

А вот как описывал «Чайный домик» петербургский литератор Б. Федоров (правда, уже в 1842 г.): «...величественный двухэтажный павильон. Главный фасад его, с двумя боковыми пристройками, представляет и с восточной и с западной стороны четырехугольник, увенчанный куполом, под которым большое полукруглое окно принадлежит к верхнему этажу, а продолговатые окна на выступающей части здания отделяются одно от другого столбами, двери стеклянные сквозные, к ним примыкает широкая каменная лестница с одной и с другой стороны павильона. Он стоит на возвышенности, с которой белые столбы и зеленый купол его видны в разных концах сада...»⁵. Это описание доносит до нас основные характерные черты постройки, сохранившейся и поныне, но в искаженном виде.

Скорее всего постройку «Эрмитажа» и «Чайного домика» можно связывать также с именем А. В. Квасова. А в воплощении его проектов в 1760-е годы участвовал Василий Семенович Яковлев (1745 – ?), строивший как в обеих столицах, так и в провинции.

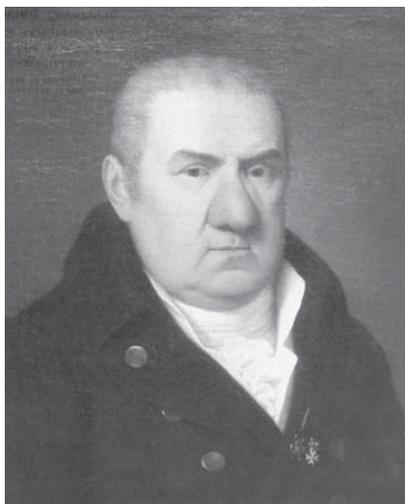
В Гостилицах при А. Г. Разумовском череда праздников не прерывалась. Он жил здесь «по-царски», «милости Елизаветы сыпались на него». Охоты сменялись балами с фейерверками и иллюминациями. Вновь обратимся к сведениям, при-

водимым М. И. Пыляевым: «Намызе своей Гостилицы граф Разумовский устраивал для Елизаветы Петровны довольно часто охоту на лосей и оленей. Из дворцовых дел того времени видно, что Разумовский, в начале царствования императрицы, пригнал к ней в Село Царское из своей мызы 16 оленей; государыня была большая любительница до охоты на зверей.

Елизавета всегда охотилась в большом обществе придворных, и при удачной охоте щедро награждала деньгами и половинной порцией своих егерей, которые обязаны были подгонять тетеревов к будке императрицы, не обижая, впрочем, других охотников и охотниц отгоном дичи от их будок... эти охотники были освобождены от всяких повинностей, получали от казны ружья, порох, дробь или свинец – они были обязаны ежедневно снабжать дворцовый стол дичью»⁶.

Грандиозные празднества с фейерверками и иллюминациями были устроены здесь 17 марта 1747 года в честь именин хозяина, а 17 сентября – в честь императрицы Елизаветы Петровны. Сообщения о пребывании в Гостилицах содержатся в «Записках» Екатерины II. Они не единичны. Так, к тому же 1747 году относится запись: «... ездили с императрицей в Гостилицы на праздник... Там танцевали и порядком веселились, после чего вернулись в город...»⁷. 17 марта 1750 г. она также отмечала: «В половине поста императрица поехала в Гостилицы к графу Разумовскому, чтобы отпраздновать там его именины»⁸.

С Гостилицами связана и история, наделавшая много шума и чуть не стоившая жизни великокняжеской чете, и прежде всего – Екатерине Алексеевне. История эта произошла в 1748 году и описана самой Екатериной II также в ее «Записках»: «... ездили в конце мая на Вознесение к графу Разумовскому в Гостилицы; императрица выписала туда 23-го того же месяца посла императорского двора барона Бретлаха, который уехал в Вену; он провел в Гостилицах вечер и ужинал с императрицей. Этот ужин кончился поздней ночью, и мы вернулись после восхода солнца в домик, где жили. Этот деревянный домик был расположен на маленькой возвышенности и примыкал к катальной горе. Расположе-

Джузеппе Поли.
Портрет архитектора Джакомо Кваренги. 1810 г. Холст, масло.
Собрание Кваренги, Сан Пелегрино (Италия)

ние этого домика нам понравилось зимой, когда мы были в Гостилицах на именинах обер-егермейстера, и, чтобы доставить нам удовольствие, он и на этот раз поселил нас в этом домике; он был двухэтажный; верхний этаж состоял из лестницы, зала и трех маленьких комнат; мы спали в одной, великий князь одевался в другой... внизу фрейлины и горничные. Вернувшись с ужина, все улеглись. Около шести часов утра сержант гвардии Левашов... услышал треск, показавшийся ему подозрительным; часовой сказал ему, что этот треск повторялся уже несколько раз с тех пор, как он на часах. Левашов встал и обежал дом

снаружи; он увидел, что из-под дома вываливаются большие каменные плиты... Великий князь соскочил с постели... убежал... я оделась наскоро... все затряслось, с шумом подобным тому, с которым корабль спускается с верфи. Левашов... меня поднял с пола и вышел... Левашов, дойдя со мной до лестницы, по которой пришел, не нашел ее больше, она обрушилась... выбравшись я стала смотреть, что делалось в стороне дома и увидела, что некоторые лица выходили оттуда окровавленные, а других выносили; между наиболее тяжело ранеными была моя фрейлина княжна Гагарина... причиной всего этого было то, что домик этот был построен осенью, наспех. Фундамент был заложен в четыре ряда известняковых плит; архитектор велел поставить на первом этаже двенадцать балок на манер столбов в прихожей. Он должен был отправиться на Украину, он приказал управляющему Гостилиц запретить до своего возвращения прикасаться к этим двенадцати балкам. Когда управляющий узнал, что мы должны жить в этом домике, то, несмотря на распоряжение архитектора, принял самые спешные меры к тому, чтобы выломать эти двенадцать балок, так как они портили сени. Когда наступила оттепель, все здание осело на четыре ряда известняковых плит, которые стали сползать в разные стороны... Я отделалась несколькими синяками и большим страхом, вследствие чего мне пустили кровь...»⁹.

А. Е. Мартынов (1768–1826). Вид в Окрестностях Ораниенбаума. 1821–1822 гг.
Автолитография, акварель. Государственный Эрмитаж

Заслуживает внимания и следующее сообщение М. И. Пыляева: «Император Петр III часто посещал Гостилицы; 27 июня 1762 г. граф Разумовский давал в честь посещения государя и государыни великолепный праздник. В Гостилицах в этот вечер Петр III и Екатерина II виделись в последний раз»¹⁰.

После смерти Алексея Григорьевича имение наследовал его брат Кирилл Григорьевич (1728–1803), генерал-адъютант, фельдмаршал, вельможный президент Академии наук, последний гетман Малороссии. Получивший образование в Кенигсберге и Страсбурге, он известен своей помощью М. В. Ломоносову. Вознесенный на блистательные вершины власти, он, по многочисленным свидетельствам современников, сохранил доброту, щедрость и доступность.

Несмотря на то, что ему приходилось делить свое время между Санкт-Петербургом и Малороссией, он свой гостилицкий дом привел в соответствие с веяниями времени. Д. Кваренги оставил нам его изображение (хранится в городской библиотеке Бергамо). Акварель, имеющая подпись архитектора – «Дом К. Г. Разумовского в Гостилицах», не вызывает сомнения в том, что это классицистическое сооружение, напоминающее палладианские виллы, могло быть «убежищем», местом уединения вельможного владельца.

Д. Кваренги показал зрителю садовый фасад дворца. Возведенный на возвышении, дворец исполнен благородства форм и пластической выразительности. Полуротонда в два этажа, венчаемая полусферическим куполом, выдвинута перед основным прямоугольным объемом здания. На верхнюю отметку высоты цоколя вела полукруглая многомаршевая лестница. Первый этаж здания оформлен рустом. Его низкие помещения, вероятно, были жилыми. Второй, парадный этаж оформлен спаренными колоннами и прорезан высокими окнами.

Сооружение этого здания следует отнести ко второй половине 1780 – началу 1790-х годов. Проект выполнен, безусловно, крупным мастером архитектуры. Композиционные приемы подсказывают нам имя Чарльза Камерона, создателя Павловского дворца, и

Неизвестный художник первой половины XIX в. Портрет графа Андрея Кирилловича Разумовского (1752–1836). 1830-е гг. Холст, масло. Музей В. А. Тропинина и московских художников его времени (Москва)

что самое главное, автора дворца К. Г. Разумовского в Батурине. Не только красота и изысканность этих зданий объединяют их. Во всех трех сооружениях над первым низким этажом, словно служащим пьедесталом, водружаются ордерные колонны. В гостилицком и Павловском дворцах для пластического обогащения использовались сдвоенные коринфские колонны. Полуротонда являлась главной композиционной доминантой в гостилицком и батуринском домах.

Можно предположить, что Ч. Камерон работал для Гостилиц, создавая и «малые» архитектурные формы. Среди зодчих, возможно работавших для Гостилицкой усадь-

бы Кирилла Разумовского, был и сам Д. Кваренги¹¹, автор проекта павильона «Геркулес». О реальном же его воплощении сведения отсутствуют.

В соответствии со вкусами времени был перепланирован и парк, в нем стала превалировать пейзажная, свободная стилистика. Сентиментальные и романтические черты логично завершали облик этой усадьбы к концу XVIII столетия. Гроты «под сводом огромных камней», каскады, мостики, «построенные» группы деревьев – все это разнообразило и услаждало взор последнего блестящего вельможи «века Екатерины» и короткого царствования Павла I. Кирилл Григорьевич Разумовский скончался в 1803 году. «Дней Александровых прекрасное начало» прошло для него незаметно. Им наслаждались его наследники. Обращаясь к одному из них, еще в 1791 году он писал: «Сие имение отменно стоит уважения по красоте места, по выгодности его и по привязанности и уважению, которое имел покойный брат, дядя ваш, и я имею»¹². В верности этих слов убедился его сын – Петр Кириллович (1751–1823), действительный тайный советник, обер-камергер Двора.

Затем, после смерти брата, имение ненадолго перешло к Андрею Кирилловичу Разумовскому (1752–1836), знаменитому дипломату и меценату, российскому послу в Неаполе, Копенгагене, Стокгольме, Вене, покровительствовавшему Гайдну, Моцарту и Бетховену. Живший в основном «в Европах», он мало интересовался имением, с которым безболезненно расстался в 1825 году.

¹ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 246.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. Т. 25–26. М., 2001. С. 142.

³ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 394.

⁴ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 397; Мудров Ю. В. Гостилицы. В «Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Осьмнадцатое столетие. Книга первая». СПб., 2003. С. 263.

⁵ Цит. по: Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1999. С. 64.

⁶ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 396.

⁷ Собственноручные записки императрицы Екатерины II // Сочинения Екатерины. М., 1990. С. 76.

⁸ Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 77.

⁹ Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 77.

¹⁰ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 397.

¹¹ Изображения Гостилиц работы Дж. Кваренги впервые опубликованы в России в издании: Пилявский В. И. Джакомо Кваренги. Архитектор. Художник. Л., 1981. С. 66.

¹² Цит. по кн.: Частновладельческие имения Петергофского уезда. СПб., 1891.

Символ возрождения

М. В. Николаева

Константиновский дворец. Это привычное для петербуржца название в последние годы обрело новый смысл. Его знает Россия и даже мир, поскольку на основе возрожденного дворцово-паркового ансамбля в Стрельне был создан Дворец конгрессов – государственная резиденция, музейный, культурный и деловой центр. Тем не менее узнаваемым осталось старинное название, связанное с историей прежних владельцев – великих князей с именем Константин.

В 2009 году исполнилось 90 лет со дня расстрела великих князей Дома Романовых в Петропавловской крепости. Среди них был и последний владелец Стрельнинского (Константиновского) дворца Дмитрий Константинович¹ – генерал-адъютант свиты его величества, управляющий государственным коннозаводством, генерал от кавалерии, шеф Конно-гренадерского полка. По словам очевидцев, князь шел на казнь со словами: «Прости им, Господи, не ведают, что творят»². Его отец, великий князь Константин Николаевич³, был генерал-адмиралом русского флота и главой Государственного совета,

Великий князь
Константин Николаевич.
Худ. Ф. Крюгер. Сер. XIX в.

Константиновский дворец.
Современная фотография

мать – урожденной принцессой Саксен-Альтенбургской⁴, покровительницей искусств. Брат Дмитрия Константиновича, великий князь Константин Константинович⁵, известен как «отец всех кадет», глава Академии наук, создатель Пушкинского дома, но прежде всего – как поэт, подписывавший свои произведения криптонимом «К. Р.» Дети Константина Константиновича Иоанн, Игорь и Константин в 1918 году были сброшены в шахту в Алапаевске⁶. Так погиб целый мир, унесенный в небытие революционной бурей. То была совсем другая жизнь, полная не только беззаботного веселья и торжественных празднеств, но и служения Богу, Отечеству и людям.

Великокняжеская резиденция в Стрельне погрузилась в эпоху разрушения, прерывавшуюся лишь ненадолго, чтобы стать пристанищем школьников и курсантов. Казалось, удары судьбы будут вечно сопровождать эту землю. Все началось с того момента, когда первый российский император отказался от первоначального намерения сделать Стрельну государственной резиденцией для приема высоких гостей.

1715 год. Шла тяжелейшая Северная война, до победы – долгих

шесть лет. Уже был Петербург, но добраться до него европейскому путешественнику непросто: вначале морем до Кронштадта, а затем вдоль берега Финского залива, по унылым пустошам. Деятельный император думал о том, как устроить здесь, на бывших шведских землях, парадный европейский фасад России. Раздал участки вельможам с наказом разбить сады и построить дворцы, оставляя за собой Стрельну и Петергоф. В «петровом дворе» – его дом, семейное пристанище для отдохновения от трудов. А «русская Версалия» – парадная резиденция для приема иностранных гостей и устройства пышных празднеств, с садом «лучше, чем у короля французского»⁷ – в Стрельне. Природный ландшафт так и подсказывает строить здесь нечто грандиозное: две реки – Стрелка и Кикенка, почти параллельно друг другу устремившиеся к заливу, широкий природный уступ – естественный постамент для дворца, который будет виден издалека. Петр Алексеевич сам разработал план⁸, придиричиво рассмотрел проекты Карло-Бартоломео Растрелли, Жана-Батиста Леблона, Николо Микетти, Себастиано Чиприани... Главная мысль, которая должна была просматриваться в проекте резиденции: Россия – морская держава. И вот навстречу морю трезубцем Нептуна нацелились три канала, был разбит парк во французском вкусе, на уступе, превратившемся в трехступенчатую террасу, в присутствии дипломатического корпуса заложили Большой Каменный дворец. Только вот с «царством фонтанов» – главной затеей Петра – незадача: не хватило перепада высот и запасов воды, да и подойти морем к Стрельне трудно. А в Петергофе для водных забав идеальные условия, и всю свою энергию император перенес туда. Вместе с ним из Стрельны ушли все: архитектор Микетти, инженеры-гидравлики, мастера... Даже свинцовые трубы для фонтанов, изготовленные на

демидовских заводах, выкопали и увезли в Петергоф. Там строился уже не частный дом, а настоящая государственная резиденция, где и праздновалась долгожданная победа.

А что же Стрельна? Недостроенную резиденцию император подарил своей дочери Анне, следов пребывания которой в Стрельне не найдено до сих пор⁹. Во времена правления ее тетки – императрицы Анны Иоанновны – во дворце случился пожар. Впрочем, хозяйство, состоявшее в основном из оранжерей и прудов, действовало в полной мере: к царскому столу поставлялись диковинные овощи, фрукты и рыба.

Некоторое оживление произошло при Елизавете Петровне, распорядившейся «возобновить зачатое при жизни Родителя... в Стрелиной мызе»¹⁰. Правда, отделать дворец так, чтобы он мог принять двор, не получилось: Семилетняя война заставила забыть о многих масштабных проектах. В память о здешней деятельности знаменитого архитектора Растрелли-младшего до нашего времени остались пилоны – парадные въездные ворота. При Екатерине II не отвечавший вкусам императрицы барочный ансамбль, восстановление которого требовало больших вложений, остался в запустении. Однако оранжереи, мельницы и пасека продолжали работать. Во время охоты в стрельнинских лесах императрица останавливалась в деревянном путевом дворце. Сухие подвалы большого каменного дворца в течение всего XVIII века использовались для хранения венгерских вин. Уже в XXI веке эта традиция нашла свое неожиданное продолжение: в Стрельнинском дворце появилась коллекция токайских вин из погребов князя Ракоци, преподнесенная премьер-министром Венгрии президенту России. С тех пор посетителям дворца предлагается посещение винных подвалов с дегустацией. А вот в XIX веке Николай I предлагал знатым визитерам отведать стрельнинский мед: Нижний парк с петровских времен был засажен липами, а в западной части ансамбля располагался засеянный медоносными травами луг и Цветочный сад. Но до расцвета Стрельне было еще далеко. Императорская (читай – государственная) рези-

Портрет великого князя Константина Павловича. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в. ГРМ.

денция прозябала в безвестности, и никакого желания монархов сделать ее хотя бы летним местоположением двора не было. На это имелись Царское Село, Павловск, даже Гатчина, где затворником жил Павел I. Тем не менее именно этот император решил судьбу Стрельны, переведя ее в статус великокняжеского (то есть частного) владения. Недостроенный дворцово-парковый ансамбль наконец обрел настоящего хозяина – великого князя Константина Павловича¹¹. Так началась новая эпоха, когда владельцами Стрельны стали великие князья с именем Константин.

Со времен Екатерины Великой один из царских сыновей нарекался

в честь византийского императора и считался претендентом на греческий престол. Константин Павлович воспитывался августейшей бабкой в сознании будущего долга: кажется, еще одна победоносная война – и он вступил бы на престол возрожденной Византии¹². Однако у отца великого князя свое представление о будущем: он мечтал видеть любимого сына своим преемником. Не случайно после участия Константина Павловича в Итальянском и Швейцарском походах Суворова Павел I даровал ему титул цесаревича, то есть наследника престола. Это стало прологом драмы, разыгравшейся в декабре 1825 года на Сенатской площади. Великий князь Константин Павлович, несмотря на давнее добровольное отречение от трона¹³, все же стал российским самодержцем на 17 дней: в согласии с законами и обычаями российского престолонаследия, он царствовал с 27 ноября по 14 декабря 1825 года, и на Монетном дворе чеканился рубль с профилем императора Константина I. Но это еще впереди, а в 1800-е годы цесаревич приглашал лучших архитекторов того времени – Вильстера, затем Воронихина и Руску, – для того чтобы возродить к жизни Стрельнинский дворец. «Цесаревич взмахнул волшебным жезлом – и Стрельна не только получила первобытную красоту свою, но во многих отношениях может теперь похвастаться одним из прекраснейших императорских загородных замков», – писал в 1818 году основатель журнала «Отечественные

Вид Большого дворца в Стрельне. 1840-е гг. Худ. И. Мейер. Акварель. ГМЗ «Петергоф»

записки» Павел Свиньин. Никакого «волшебного жезла» не было. Был страшный пожар, уничтоживший в 1803 году воронихинские интерьеры. Из всех творений мастера до наших дней в ансамбле сохранились только великолепные лестничные спуски, обрамляющие северный парадный фасад дворца. Дальнейший отказ Воронихина от работ в Стрельне объясняется различием вкусов и сходством характеров светлейшего заказчика и архитектора. Оба были неуступчивы и тверды в своих намерениях: цесаревич хотел сохранить барочный, петровский облик здания, а зодчий был приверженцем классического стиля. Придать зданию дворца законченный вид и, вместе с тем, бережно отнестись к творению мастеров прошлого удалось архитектору Луиджи Руске. Наконец, спустя 85 лет после закладки, Стрельнинский дворец стал в полном смысле слова дворцом: отделка фасадов и интерьеров была полностью завершена. В Стрельне закипела жизнь, но жизнь своеобразная, во многом связанная с лейб-гвардии Конным полком, шефом которого являлся великий князь Константин Павлович. Во дворце он разместил канцелярию, квартиры адъютантов и штаб-офицеров, лазарет, арсенал и швальни. Самого владельца чаще всего можно было видеть на башенке бельведера, наблюдавшим за маневрами в подзорную трубу. Константин Павлович украсил залы Стрельнинского дворца произведениями известных российских и западноевропейских художников¹⁴. Английские садовники разбили парки в модном пейзажном стиле, заново провели гидротехнические работы – преобразился весь ансамбль. Однако в 1815 года судьба резиденции вновь изменилась: цесаревич, назначенный главнокомандующим польской армией, навсегда покинул Стрельну. С тех пор его местопребыванием стал дворец Бельведер в Варшаве. Вновь утративший хозяина Стрельнинский ансамбль – пристанище для крупных военных чинов, а также родственников и знакомых великого князя¹⁵. А его ждала в Польше новая жизнь: настоящая любовь и семейное счастье, но главное – армия, которую он сделал лучшей в Европе и с которой ему потом пришлось сражаться, как с вражеской.

После смерти цесаревича Константина Павловича, не имевшего

наследников, признаваемых императорской фамилией, Стрельнинская резиденция по распоряжению Николая I перешла во владение его второго сына Константина Николаевича. Но генерал-адмиралу русского флота – всего 4 года, поэтому управление дворцово-парковым ансамблем было поручено департаменту уделов. В распоряжение великого князя имение поступило только по достижении им совершеннолетия. Прошло 20 лет, прежде чем Константин Николаевич ввел в дворцовые покои молодую супругу Александру Иосифовну, урожденную принцессу Саксен-Альтенбургскую. Но об имении заботился сам император: по его приказу придворные архитекторы Мейер и Штакеншнейдер приспособили резиденцию для нужд семьи нового владельца и, прежде всего, заново отделали интерьеры дворца. Наконец, резиденция обрела настоящую хозяйку и хозяина¹⁶, по имени которого дворец стал называться Константиновским. С тех пор Стрельна имела свой герб, а честолюбивая великая княгиня, гордившаяся тем, что в ее жилах текла кровь шотландской королевы Марии Стюарт, не жалела сил и средств для обустройства ансамбля. По словам известного историка А. Ф. Гейрота, ей удалось устроить его диких роц действительно восхитительное загородное местопребывание¹⁷. Достаточно взглянуть на фотографии рубежа XIX–XX

веков, сохранившиеся в Институте истории материальной культуры РАН и теперь неоднократно опубликованные, чтобы понять, как преобразилась в то время резиденция. Нарядные интерьеры дворца, напомиавшие о балах и приемах, сады и парки, соединенные в гармоничный ансамбль – один из лучших в империи и даже в Европе¹⁸. Летом дворец просто утопал в цветах. В нем бывали многие известные люди, в том числе Иоганн Штраус, который написал кадрили «На террасе Стрельны» и вальс «Александра», посвященный хозяйке дворца. У Константина Николаевича и Александры Иосифовны шестеро детей: Николай, Константин, Ольга, Вера, Дмитрий и Вячеслав. Стрельна стала родовым имением Константиновичей. После смерти генерал-адмирала официальным владельцем Стрельнинской резиденции стал его сын Дмитрий Константинович. Не имея собственной семьи, он радовался возможности обустроить отдельные апартаменты для брата и сестры¹⁹. В любое время здесь ждали греческую королеву Ольгу Константиновну²⁰ и большое семейство Константина Константиновича, глава которого носил на груди ладанку с землей Стрельны²¹. Именно в то время во дворец приглашались фотографы, и по их снимкам выпускались почтовые открытки.

Но с 1917 года наступила эпоха войн, забвения и разрушения. Национализированный дворец лишился всех художественных

Большой дворец в Стрельне. 1847 г. Худ. А. Горностаев. Акварель. ГЭ

ценностей: собрание картин, скульптуры, мебель передали в разные музеи, но большей частью утратили безвозвратно. То же происходило с личными вещами владельцев, книгами и документами. В 1920-е годы во дворцово-парковом ансамбле располагалась 1-я Стрельнинская школа-колония. В 102 комнатах дворца обустроили классы и учительские, квартиры педагогов и кухни, овощехранилища и спортзалы. Нижний парк – один из первых регулярных парков России, памятник ландшафтной архитектуры XVIII века – без должного ухода одичал, утратил свой привычный облик. В 1930-е годы сам дворец подвергся значительной перепланировке под нужды санатория для нервных больных. Однако неожиданно здание передали Курсам усовершенствования высшего и среднего политсостава Краснознаменного Балтийского флота, и на плацу появился традиционный памятник В. И. Ленину. В годы Великой Отечественной войны артиллерийский огонь и налеты авиации превратили дворец в остров. В послевоенное время восстановлением ансамбля, предназначенного для размещения Ленинградского арктического училища, занимался уже новый владелец – Главсевморпуть. Приспособление дворца под специализированное учебное заведение требовало отказа от идеи реставрации утраченных интерьеров. Тем не менее парадные залы – Мраморный и Голубой – воссоздали почти в прежнем, дореволюционном, виде. ЛАУ было хозяином ансамбля почти 40 лет – вплоть до его расформирования в 1990 году. В последнее десятилетие XX века вновь наступили годы хаоса и разрухи. От этого не спасло даже внесение ансамбля в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Дворец едва не превратился в груды строительного мусора. Резиденция, заложенная Петром Великим и пережившая не одно поколение его потомков, была отдана в аренду коммерческим структурам.

Только в начале XXI века состоялось решение о восстановлении уникального памятника. 10 декабря 2001 года Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина на основе Константиновского дворцово-паркового ансамбля начал создаваться Государственный ком-

Великий князь
Дмитрий Константинович.
Конец XIX в.
Худ. В. Мазуровский. ВИМАИВиВС

плекс «Дворец конгрессов». Работы поражали размахом: шла не только реставрация и реконструкция исторических памятников, парков и гидросистемы, но и переоборудовались другие здания и сооружения, строился коттеджный поселок для размещения делегаций, павильон для переговоров, причал, вертодром. Через немыслимо короткий срок, в мае 2003 года, новая государственная резиденция распахнула двери для высоких гостей: участники саммита «Россия–Евросоюз» прибыли на празднование 300-летия Санкт-Петербурга. Так воплотилась в жизнь мечта Петра Великого – превратить южное побережье

Финского залива в парадный фасад России. Все возвращается на круги своя. И мечта первого российского императора о том, что «все флаги в гости будут к нам» осуществилась. Для этого достаточно взглянуть на флаштоки Дворца конгрессов во время значимых международных встреч²². Однако роль Стрельнинской резиденции намного шире: это еще и музейный, культурный и деловой центр. Здесь проходят концерты и балы, торжественные церемонии и конференции. Но главное – двери дворца открыты для всех: любой желающий может прийти на экскурсию, чтобы увидеть парадные и представительские апартаменты, ознакомиться с экспонатами временных и постоянных выставок.

Сегодня залы Константиновского дворца украшены картинами, скульптурой, предметами декоративно-прикладного искусства, призванными воссоздать историческую атмосферу. Это стало возможным благодаря деятельности меценатов и музейного сообщества. Прежде чем приступить к воссозданию интерьеров, петербургские реставраторы подробнейшим образом изучали архивные фотографии, письма и дневники владельцев, счета подрядчиков и поставщиков, планы и описи, другие исторические и иконографические материалы. В апартаментах первой леди использованы идеи Штакеншнейдера, декорировавшего эти помещения в стилях ренессанс и рококо для великой княгини Александры Ио-

Экспозиция

сифовны. О ее супруге Константине Николаевиче, реформаторе флота, напоминает интерьер уникального зала Бельведер, стилизованный под кормовой салон парусного корабля²³. В шкафах стоят книги из библиотеки генерал-адмирала, на полках – модели кораблей, на полу, напоминающем палубу, – «роза ветров». Среди музейных помещений Константиновского дворца – Музыкальная комната, Столовая и Кабинет «К. Р.». Стены, обитые ситцевым штофом с рисунком из роз, голландские изразцовые печи и дубовый паркет с характерным рисунком в «косую корзинку» напоминают о семье, которая здесь жила много лет назад. В Музыкальной комнате на историческом месте

стоит старинный рояль – подарок одной из жительниц Петербурга. В Кабинете – прижизненное издание стихов «К. Р.», фолиант его драмы «Царь Иудейский», запрещенной к постановке Святейшим Синодом, альбом фотографий августейшего актера, некогда игравшего в пьесах Шекспира. Мемориальные предметы соседствуют с произведениями искусства из собрания Константиновского дворца. Брюллов и Тропинин, Венецианов и Репин, Серов и Рерих – именами этих признанных художников далеко не исчерпывается список мастеров. Живопись и графика, фарфор и стекло, бронза и малахит, резная кость и финифть – все это можно увидеть на постоянно действующей выставке. Собрание

предметов русского искусства знаменитых музыкантов Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской, принесенное в дар государству российским предпринимателем и меценатом Алишером Усмановым, является самым крупным вкладом в формирование художественной коллекции Константиновского дворца. На церемонии открытия выставки премьер-министр В. В. Путин сказал: «Новым “домом” коллекции не случайно избран Константиновский дворец. Он возвращен и поднят практически из руин. И сегодня служит одним из символов возрождения нашей страны, восстановления преемственности наших исторических, духовных и культурных традиций».

¹ Великий князь Дмитрий Константинович Романов (1860–1919).

² См.: Попов И. В. Новомученик петроградский великий князь Дмитрий Константинович // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: история и современность. Сборник статей. СПб., 2006. С. 182.

³ Великий князь Константин Николаевич Романов (1827–1892).

⁴ Великая княгиня Александра Иосифовна Романова (1830–1911), урожденная принцесса Фредерика-Генриетта-Паулина-Марианна-Елизавета, дочь герцога Саксен-Альтенбургского.

⁵ Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915).

⁶ Князья императорской крови Иоанн (1886–1918), Константин (1890–1918), Игорь (1894–1918) Константиновичи Романовы. Подробнее: Алексеева Т. А. Алапаевские новомученики: к 90-летию со дня гибели князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей // Константиновские чтения – 2008. Сборник материалов научной конференции 15–16 октября 2008 г. СПб., 2008.

⁷ Краткое описание города Петербурга и совершившегося в нем в 1720 г. Записки поляка-очевидца // Русская старина. Т. 10. 1879. С. 141.

⁸ План огорода Стрелиной мызы. РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 57. Л. 509. Историк архитектуры С. Б. Горбатенко утверждает, что автором является сам Петр I при возможном участии Юрия Кологривова – первого отечественного теоретика архитектуры и царского агента за границей. См.: Горбатенко С. Б. Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 94–97.

⁹ Историки архитектуры не подтверждают информацию об акте дарения. Известно, что после отъезда Микетти в Италию дворец продолжали строить Земцов, Усов и Еропкин.

¹⁰ См.: Горбатенко С. Б. Указ. соч. С. 132.

¹¹ В 2009 году исполняется 230 лет со дня рождения в. кн. Константина Павловича (1779–1831).

¹² Честолюбивая мечта Екатерины II сбылась только в XX веке, когда королем Греции Константином I стал внук великого князя Константина Николаевича.

¹³ В 1822 г. было составлено официальное письменное отречение, заверенное подписью Александра I.

¹⁴ По описи 1810 г. во дворце насчитывалось 10 гравюр и 91 картина французских, немецких, итальянских, голландских, фламандских и русских мастеров.

¹⁵ В частности, право проживания во дворце сохранялось за внебрачным сыном цесаревича Константина Павловича – Павлом Константиновичем Александровым.

¹⁶ Правда, 200 тысяч рублей, выделенных великому князю для обустройства в Стрельне, он потратит на строительство канонерских лодок.

¹⁷ Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. 1501–1868. СПб, 1991.

¹⁸ Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1908. № 2. С. 58–60.

¹⁹ Князь императорской крови Николай Константинович к тому времени был объявлен психически больным и сослан в Ташкент, Вера Константиновна стала герцогиней Вюртембергской и покинула Россию, Вячеслав Константинович скончался.

²⁰ Ольга Константиновна Романова (1851–1926) – великая княжна, королева эллинов (1867–1913). После убийства ее супруга Георга I и воцарения старшего сына короля Константина I (1913) стала больше времени проводить в России у своих братьев, в том числе в Стрельне. В годы Первой мировой войны она открыла в России лазарет для раненых солдат и сама работала в качестве сестры милосердия. Покинула Россию в 1918 году. Является прабабкой современной королевы Испании Софии и бабкой принца Эдинбургского, супруга ныне царствующей королевы Великобритании Елизаветы II.

²¹ Великий князь Константин Константинович родился в Стрельне. На ладанке была вышита строчка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «О Родине можно ль не помнить своей?»

²² За прошедшие 5 лет в качестве государственной резиденции Дворец конгрессов принимал у себя мероприятия высшего уровня, такие как саммиты «Большой восьмерки», ЕвразЭС, ШОС, СНГ, «Россия–Евросоюз», двусторонние встречи глав государств и правительств, межпарламентские ассамблеи, форумы международных организаций.

²³ В 2009 году планируется открытие мемориальной экспозиции, посвященной великому князю Константину Николаевичу.

Бывал ли Гете в Петербурге?

Гипотеза

О. Р. Ницман

В доме-музее великого немецкого поэта в Веймаре, на улице Фрауенплан, хранятся некие предметы личного обихода, явно российского происхождения. А точнее – изготовлены они в разные годы конца XVIII и начала XIX века. Это всевозможные табакерки, коробочки для специй или лекарств, дорожные несессеры и т.п. Само наличие таких предметов, вместе с краткими записями хозяина дома в блокнотах и маленьких тетрадях под кожаными переплетами, рождает предположение: а не побывал ли однажды немецкий поэт в Петербурге, вполне возможно – инкогнито? Во всяком случае в конце XIX века такая версия одно время очень живо обсуждалась в газетах.

Молодая и крепнущая империя – эта вечно загадочная Россия – все больше привлекала к себе внимание королевских и княжеских дворов Европы, в особенности немецких, как ближайших соседей.

Многие немцы уже давно переселились в Россию, осели там и основали семейные династии, проявив способности и предприимчивость в разных видах деятельности – в архитектуре, математике, горном деле, медицине, фармацевтике, физике и химии... «Да и сама российская императрица Екатерина II – ведь наша, немецкая принцесса!» – гордо восклицали выходцы из Германии.

Проявлял интерес к России и веймарский герцог Карл-Август. Известный уже тогда поэт Иоганн Вольфганг фон Гете служил у герцога министром двора в ранге тайного советника. Когда в России воцарился император Павел I, как известно, еще в бытность великим князем склонный ко всему немецкому, в пику своей покойной матушке, считавшей себя «русской», в Петербург готовилось отправиться посольство от герцога Карла-Августа для выражения особенной приязни и соискания взаимного благорасположения с новым российским правительством.

И. В. Гете

В состав посольства был введен и тайный советник фон Гете.

В то же время в Веймаре проживала дочь императора Павла I, великая княжна Мария Павловна, будучи замужем за веймарским наследником престола Карлом-Фридрихом. Гете давно был с ней дружен, ее ум и знания он ценил очень высоко. Сама Мария Павловна часто наезжала в Петербург, и ей не трудно было бы устроить и для Гете такую поездку, хотя он и признавался, что теперь уж неохотно покидает свою Германию.

Вместе с тем намного раньше, когда Гете был еще «не так тяжел

на подъем и куда более склонен к странствиям», в Санкт-Петербурге появился русский перевод его трагедии «Клavigо». Перевод приготовил некий господин О. П. Козодавлев. О том и сообщили «Приложения к Санкт-Петербургским ведомостям». А осенью того же 1780 года на сцене «Петербургского Немецкого театра» прошла премьера «Клavigо», естественно, на языке оригинала. Проявил ли автор интерес к такому событию и принял ли приглашение прибыть на премьеру в дождливый осенний Петербург? Почему бы и не предположить такое? Ведь творческие связи поэта с культурой

России крепили: вскоре появился еще и русский перевод «Страданий юного Вертера», а затем и других произведений. К тому же и разговоры о приезде Гете в русскую столицу велись, «то утихая, то вспыхивая с новой силою».

В российской столице жили многие люди, с кем Гете был знаком лично и находился в простых житейских отношениях. Один из таких людей – князь Лобанов-Ростовский, адъютант императора Александра I. Однажды на курорте в Мариенбаде, будучи уже в вельможном сане, Гете прогуливался по парку вместе с Людвигом ван Бетховеном. Повстречали герцогскую семью, пребывавшую в этом курорте на лечении. Известно, что Бетховен тогда гордо прошел мимо, даже не приподняв шляпы в знак почтения к высокопоставленным господам. Гете, напротив, в силу своего общественного и служебного положения, повел себя «согласно протоколу». Тогда-то его и познакомили с русским князем, который только что, как рассказывали, прибыл в Мариенбад.

Немецкому поэту была хорошо знакома и княгиня Зинаида Волконская (широкой известностью в свете пользовался и ее московский салон!), представившая Гете польского поэта-патриота Адама Мицкевича. Последний в ту пору начала царствования Александра I подолгу проживал в Петербурге. Иоганна Вольфганга Гете связывала дружба и активная переписка с «русскими» его соотечественниками, временно нашедшими пристанище в Петербурге, например, с семьей Фридриха-Максимилиана Клингера. Поэта в ту пору живо интересовала личность императора Александра I, и в декабре 1818 года он просит Клингера выслать ему образцы факсимиле государя и его супруги. Гете занимался модной тогда графологией. В письме друга он получил вместе с запрашиваемыми образцами также и приглашение приехать в Петербург. Гете медлил с ответом, и все-таки, кажется, приглашение принял. Во всяком случае такой слух исходил от семьи Клингера и «пошел гулять» по Петербургу.

Карл Август – герцог Веймарский

Дружба и переписка связывала Гете и со знатным немецким семейством фон Фричей. Констанс фон Фрич служила придворной дамой Марии Павловны и вместе с патронессой регулярно навещала Петербург в 1815–1818 годах. Оттуда она посылала письма Гете. Будучи в курсе всех дворцовых событий, однажды она и сообщила другу о предстоящем 1 января 1816 года прибытии к берегам Невы посольства Персии. В то время Гете как раз работал над стихотворным циклом под названием «Западно-восточный диван». Констанс фон Фрич об этом знала. «Вам, мой друг, следовало бы, в виду Ваших поэтических замыслов, самому увидеться с этими странными персами, – советовала госпожа фон Фрич. – Приезжайте к нам, не страшитесь здешней зимы, как не побоялись ее азиатские гости». Очень уж хотела она, а также и все семейство фон Фрич, чтобы Гете встретился с персидским посланником мирзой Абдул-Хасан-ханом именно в Петербурге. Состоялась ли эта встреча?

В начале XIX века Гете познакомился с графом Сергеем Семеновичем Уваровым – сыном бывшего адъютанта Екатерины II, крупным государственным деятелем и знатоком многих иностранных языков. Кстати, в фамильном гербе графов Уваровых в качестве девиза была

начертана ставшая в дальнейшем широко известной словесная триада «Православие, самодержавие, народность». Граф Сергей Семенович проявлял особенный интерес к Востоку и востоковедению, основал соответствующие кафедры в университетах Петербурга и Москвы. Им были собраны обширные коллекции восточных рукописей. Как-то С. С. Уваров прислал Гете свой проект создания «Азиатской академии». В свое время тот проект стал известен Наполеону и даже всерьез заинтересовал императора французов, а Гете высказался о проекте так: «Ваше предложение должно способствовать увеличению наших знаний восточных языков и литератур, как древних, так и новых». Затем С. С. Уваров, как делали и многие до него, пригласил Гете приехать на сессию Петербургской академии наук, где сам предполагал читать доклад «Об изучении восточных языков и истории».

С. С. Уваров хорошо владел немецким языком и некоторые научные сочинения писал по-немецки. Кое-что из них он регулярно пересылал Гете. В одном из писем к поэту С. С. Уваров высказал пожелание получить от Гете замечания о своем немецком, особенно по части грамматики. Сам Гете не очень-то заботился о соблюдении правил довольно сложной грамматики своего родного языка. Поэтому и ответил Уварову так: «Пользуйтесь той важной выгодой, что Вы не знаете немецкой грамматики; лет тридцать стараюсь я забыть ее».

Довелось ли Иоганну Вольфгангу фон Гете побывать в Северной столице России или нет? Вопрос остается открытым, а любой ответ на него – спорным. Важно другое: то, о чем в 1833 году говорил министр, граф С. С. Уваров на торжественном собрании Императорской Санкт-Петербургской академии наук по случаю первой годовщины смерти ее почетного академика Иоганна Вольфганга Гете. Устами С. С. Уварова и Академия наук, и Санкт-Петербург, и вся Россия почтили память величайшего немецкого гения, уже ставшего «своим» в русской культуре.

Московская петербурженка Н. И. Соколова

Н. А. Нарышкина-Прокудина-Горская

С Натальей Ивановной Соколовой – участницей поиска спрятанных фашистами в годы войны сокровищ Дрезденской галереи, «очень энергичной женщиной», по выражению маршала И. С. Конева, – моя встреча состоялась при обстоятельствах не совсем обычных.

Студенткой Ленинградского университета я приехала на зимние каникулы в Москву. Поезд сильно опоздал, прибыл за полночь. На улице мороз, в Москве никого не знаю, в студенческом общежитии «начальника» нет, а без него в общежитие не пускают. В записной книжке случайно оказался номер телефона Н. И. Соколовой – искусствоведа, по книгам которой учились не только мы, но и наши учителя. Решилась позвонить: «С вами говорит ленинградская студентка... Мне негде ночевать...».

Через минуту я уже мчалась на улицу Станкевича, где жила Наталья Ивановна. Когда пришла, кто-то прощался с хозяйкой, кто-то, напротив, только появлялся, непрерывно звонил телефон. Запомнились книжные шкафы, горячая картошка, множество увлеченных искусством людей, живые цветы...

Дед Натальи Ивановны был адмиралом, участником Крымской войны 1853–1856 годов, героем обороны Севастополя. Наталья Ивановна, рассказывая о его жизни и понятиях офицерской чести, признавалась, что свою жизнь «делала с него».

В юности она жила в старом адмиральском доме в Петербурге, где заслуженный воин провел свои последние годы. Там по-прежнему, как казалось ей, пахло особым запахом морского ветра, пеньковых канатов, прогретых солнцем парусов, а также душистым табаком, который курил старик.

У окна стоял огромный продавленный диван, в высокой спинке которого в ящичках хранились письма. Как-то одним из длинных вечеров

Искусствовед, заслуженный деятель культуры, член-корреспондент Академии художеств СССР Наталья Ивановна Соколова

во время эпидемии инфлюэнцы в Петербурге, когда Наташа Соколова томилась в четырех стенах с выгоревшими обоями, она зажгла лампу над диваном и вынула пачку писем. Читала, как будто переживала увлекательное кругосветное путешествие.

Там были чертежи кораблей и технические расчеты адмирала, его письма домой к своим родным, похожие на путевой дневник. Были и черновики официальных докладных за подписью деда Натальи Ивановны адмирала Д. Никонова с предложениями усовершенствований «на пользу и во славу на море Российской державы».

«Жизнь начинается с подвига», – говорил адмирал Никонов, – и это стало девизом всей жизни Натальи Соколовой.

У нее был характер незаурядный, волевой, может быть, даже

резкий, и в то же время полный чисто женского обаяния.

Она всегда стремилась подняться на самые высокие ступени своего внутреннего духовного пьедестала...

Когда началась Великая Отечественная война, ей предложили эвакуироваться в тыл. «Мне – в тыл?!» – возмутилась Наталья Ивановна Соколова.

Осталась в Москве, выступала по радио, ездила в воинские части и госпитали.

Работая в Совинформбюро, Наталья Ивановна организовывала выступления деятелей культуры. Художники, писатели, музыканты писали об испытаниях народа и его мужестве, о блокаде Ленинграда и о Ленинградской героической симфонии Дмитрия Шостаковича.

Писали они о самоотверженных усилиях сотрудников Эрмитажа, умиравших от голода, но служивших искусству в прямом смысле слова до последнего своего дыхания. Нашли в себе силы отметить в стенах музея 800-летний юбилей великого гуманиста мировой культуры Низами.

Люди, являвшие собой славу отечественной культуры, продолжали работать. Ездили с творческими отчетами на фронт, выступали на тех же площадках, где их привыкли видеть тысячи зрителей.

Организацию творческих встреч в то трудное время Наталья Ивановна считала делом чрезвычайно важным. Оно было духовным единением российской интеллигенции перед лицом опасности Отечеству. «Люди света» боролись с силами зла, спасая культуру. Множили ее, поднимали ею дух народа.

Наталья Ивановна часто рассказывала, как на одну из встреч, ею организованных, художник П. Кончаловский «притащил своего Лермонтова» (живописный портрет поэта, который он только что закончил).

Затем пришли такие известные и любимые всеми деятели музыкальной культуры, как М. Козловский и С. Лемешев.

Надежда Андреевна Обухова, которая попала в сильную грозу, еле добралась в промокшем прилипавшем к телу платье. По ее лицу текли струи воды. «Голубушка, – взволнованно говорила она Наталье Ивановне, – петь я не могу». Но петь стала. Московское радио получало тысячи писем от бойцов, которые объяснялись ей в любви, благодарили ее за волшебный голос, за то, что вселяет в души веру и силу.

Нередко у подъезда Совинформбюро, где работала Наталья Ивановна, останавливался «газик», и тогда она ехала в какую-нибудь воинскую часть.

Она любила вспоминать, как однажды ее пригласили на «энскую» зенитную батарею. Среди бойцов находился скульптор, которому командование поручило вылепить портреты особо отличившихся солдат. Наталья Ивановна как искусствовед должна была дать оценку этим работам.

Скульптуры были расставлены на поляне, возле каждой из них, вытянувшись, стоял отличившийся зенитчик – модель, с которой и делался этот скульптурный портрет.

Прибыли офицеры и генералы, все интересовались такой необычной выставкой. «И портреты, и сами молодые солдаты были один лучше другого, и я не поскупилась на похвалы», – признавалась Наталья Ивановна.

Когда война уже приближалась к концу, комитет по делам искусств начал направлять на фронты искусствоведов, чтобы выяснить судьбу музеев и сокровищ искусства.

Наталья Ивановна отозвалась мгновенно. Ей отказывали, мотивируя это большим риском для жизни: «Женщин бережем. Дело опасное, посылаем только мужчин».

Но она добилась своего, и в звании майора отправилась в Германию, где еще шли бои.

Со свойственным ей юмором она описала комический эпизод, случившийся с ней по дороге в Дрезден.

Почти сразу же ее остановил комендантский патруль, который потребовал документы.

– Позвольте, – возражала Наталья Соколова. – В чем дело? По какому случаю?

– По случаю неправильного ношения формы, товарищ майор, – улыбаясь, отвечал младший лейтенант.

В своих воспоминаниях Наталья Ивановна писала: «Я возмущаюсь и волнуюсь. Будучи новоиспеченным офицером, я выполняла все требования со всей тщательностью.

Пилотка была приподнята на два пальца от бровей и в меру набок. Шинель сидела безукоризненно, все пуговицы были застегнуты наглухо и по-мужски – на правую сторону.

– Постольку поскольку туфли, товарищ майор! – повторял с улыбкой младший лейтенант.

Дело в том, что солдатские кирзовые сапоги были велики, ходить в них Наталья Ивановна не могла. И тогда она надела свои обычные, на низком каблучке, самые, как она выразилась, «неприметные» туфли. Они-то и оказались самыми приметными для патруля.

После того как ей удалось добыть и надеть солдатские сапоги, она отправилась в комендатуру.

Там минут сорок добивалась своего удостоверения.

Какой-то капитан, красный от множества указаний, требовал, чтобы я прошла строевые занятия...

Наконец я сообразила и сказала возможно строже:

– Прошу немедленно вернуть мне документы. Я – искусствовед!

– Кто?!

– Искусствовед!»

Непонятная специальность произвела должное впечатление на сурового капитана, и он сразу же вернул Н. И. Соколовой командировочное удостоверение.

Вот такой колоритный эпизод, характеризующий и атмосферу тех дней, и саму Наталью Ивановну.

Когда она приехала в Дрезден, город оказался в руинах, повсюду преследовал сладкий, тошнотворный трупный запах.

Англо-американская авиация разрушила Дрезден в феврале 1945 года в одну ночь, в два налета. То была лавина огня, люди бежали с мокрыми повязками на лицах. Целые кварталы превратились в груды камней.

Так встретил майора Н. И. Соколову город, где ей предстояло

проявить незаурядную настойчивость и мужество.

Само название Дрездена неразрывно связано в сознании людей со знаменитой картинной галереей.

Фашисты вынесли из галереи все шедевры. Казалось, Дрезденская галерея навсегда исчезла с лица земли...

И вот теперь начались поиски ее шедевров...

Наталья Ивановна в гимнастерке с полевыми погонями, в солдатских кирзовых сапогах, шагала целенаправленно и устремленно, по полам ее шинели пробегали искры от жара пылавших развалин.

Она считала, что в первую очередь необходимо подыскать помещение для хранения будущих обнаруженных картин. Их еще не обнаружили, еще никто не знал, где они, но уже искали помещение для них...

Такое надежное помещение было, наконец, найдено. Им оказался замок, не пострадавший от бомбежек, – и некакой-нибудь, а Пильниц Шлосс, летняя резиденция саксонских королей!

Затем в одном из туннелей в окрестностях Дрездена была обнаружена картотека галереи. Очень важная находка! Сразу же у входа в туннель поставили охрану, по периметру всего здания тоже...

Закипела работа в шахтах старой каменоломни. Они были не только темные, сырые, иногда полузатопленные, что смертельно для картин, но еще и заминированные фашистами.

Каждый вечер возвращались домой, как после трудной боевой операции, – худые, черные, измученные.

Из непроницаемой тьмы глубоких шахт шахтерский фонарь выхватывал смотревшие с потемневших полотен лица, выражавшие сомнение и надежду, любовь и страдание, благородство человеческого духа. То были произведения великих мастеров кисти Рубенса, Риберы, Мурильо, Тинторетто и многих-многих других.

По стенам подземных штолен сочилась вода, некоторые из всемирно известных живописных полотен были покрыты каплями влаги, как будто они плакали. Другие были подернуты дымкой – их покрывала скользкая плесень.

Зубы стучали от холода и от волнения при виде этого зрели-

ща – «богатства человеческого гения, сброшенного в мрачные затопленные туннели».

Люди стояли молча, потрясенные открывшейся им силой искусства. Они возвращали его человечеству, будущим поколениям. То было второе рождение творений великих мастеров.

Наталья Ивановна рассказывала, что обнаруженная в туннеле «Сикстинская мадонна» Рафаэля как будто ослепила и заморозила всех.

В глубине туннеля вдруг раздался крик: «Сюда! Смотрите! Это она! Это она!»

Из воспоминаний Натальи Соколовой «Спасение мадонны»: «Все замерли, не находя слов. Один из бойцов промолвил восхищенно: “Богиня!” Сняли пилотки... Кто-то из солдат попросил: “Товарищ майор! Разрешите подменить часовых”».

Часовым, стоявшим у входа в штольни, тоже хотелось хоть одним глазком взглянуть на «богиню».

В те дни Наталья Ивановна много рассказывала о картинах,

обнаруженных в тайниках, и о художниках, их создавших. И этот разговор об искусстве становился для бойцов делом большой человеческой важности.

Летняя резиденция саксонских королей преображалась.

Нередко, когда Наталья Ивановна шагала по Дрездену, перед ней останавливалась машина, и кто-нибудь из офицеров кричал: «Майор, майор, посмотрите картину, у нас обнаружена – замечательная, может, Рембрандт или Рафаэль!» Ей называли адрес, и машина мчалась дальше.

Болезнь от искусства становилось все больше и больше. «На ящиках в туннеле написано “Кунст” – значит по вашей части», – говорили ей при встрече знакомые люди.

Когда в каменоломнях был обнаружен автопортрет художника Рембрандта с женой Саскией и бокалом вина в руках, притихшие солдаты спросили Наталью Ивановну: «Товарищ майор, а за что пьют Рембрандт?»

Она ответила: «Рембрандт поднимает бокал за вас, советских солдат, уничтоживших фашистскую гадину».

Под тем же броским названием – «За что поднимает бокал Рембрандт?» – вышла статья Натальи Соколовой на немецком языке. В голландском журнале в юбилей Рембрандта также было опубликовано это эксклюзивное интервью с Натальей Соколовой.

В Пильниц Шлосс продолжали свозить найденные картины и сверять по уцелевшим каталогам галереи – работа кропотливая, требовавшая глубоких профессиональных знаний. Затем, закрыв все окна и двери, чтобы не было сквозняка, расставляли их по стенам. Картины должны были просыхать не быстро, а постепенно, иначе могли образоваться вздутия и осыпи красочного слоя.

Но даже после того, как картины просохли, оставлять их в разрушенном городе, среди дымившихся еще развалин, было губительно.

Они нуждались в «стационарном» лечении. В Москве, в Музее изобразительных искусств имени

Н. Соколова (в центре), В. Перевозчиков (слева от нее), принимавший участие в спасении живописных шедевров Дрезденской галереи в 1945 году. П. Корин – известный художник, возглавивший реставрацию спасенных шедевров – перед живописными полотнами Дрезденской галереи. Дрезден. 1950 г.

Н. И. Соколова (вторая слева) в составе приглашенной дирекцией музея делегации деятелей культуры. Дрезден. 1955 г.

А. С. Пушкина для этого были созданы все условия. Начался новый этап работы по спасению сокровищ – их упаковка и транспортировка.

В Москву израненные картины были отправлены специальным поездом под усиленной охраной.

Шедевры спасенные, а затем после реставрации вновь возвращенные Дрезденской галерее, навсегда вошли в жизнь Натальи Соколовой...

В 1965 году она в очередной раз была приглашена обербургомистром Дрездена на юбилейные торжества.

Когда Наталья Ивановна приехала, генеральный директор Дрезденских художественных собраний профессор Макс Зейдевитц предложил ей посетить те самые шахты Покау-Ленгефельд...

Она встретилась с немецкими шахтерами там, откуда 20 лет назад, рискуя жизнью, выносила картины Дрезденской галереи.

Маршал Иван Степанович Конев, не расточительный на похвалы, не раз отмечал ее исключительную храбрость, полное отсутствие боязни за себя.

Встретившись с Натальей Ивановной в экстремальных условиях мая 1945 года в Дрездене, он был вынужден сделать ей предупреждение – в данном, особом и, может быть, единственном случае – в заминированные каменоломни пропускать вперед себя мужчин.

Вся жизнь Натальи Ивановны Соколовой после 1945 года была озарена светом тех лет. Она жила на том же, почти нечеловеческом напряжении военных испытаний. Шла уже другая, мирная жизнь, другие трудности и проблемы. А она все стремилась к жизненному полету на пределе всех своих сил. Считала, что культура и искусство должны противостоять войне, предостеречь от войны. Это было ее жизненное убеждение, и она каждодневно боролась за культуру и искусство, за мир против войны. Все свои гонорары и премии завещала в Фонд мира...

Приезжая в Ленинград, Наталья Ивановна приглашала знакомых и друзей к себе в номер гостиницы «Астория», где обычно останавливалась. Собирались художественные критики, журналисты. Сразу же

приносили чай из буфета, бутерброды, Наталья Ивановна готовила какие-нибудь салаты.

Она любила угощать, ей казалось, что вокруг все голодные и хотят есть, это, наверное, осталось от военного времени. Накладывала полные тарелки, как шутили ее друзья, даже «борщ наливала с горкой».

Всегда была очень деятельной, окруженной людьми, живущей в ускоренном темпе, в крупном измерении, не заземляясь мелкими бытовыми заботами и расчетами.

Встречалась с молодежью, с курсантами военных училищ, со школьниками.

Член-корреспондент Академии художеств, автор более ста публикаций и множества монографий, она не считала зазорным для себя газетные публикации, обращение к массовой аудитории.

Однажды, когда я была в Москве, предложила мне зайти к Г. С. Улановой. Еще до войны Наталья Ивановна писала о спектаклях с участием этой гениальной русской балерины. Галина Сергеевна собиралась в то время издать свои записки о балете. Трудно себе представить людей, более разных по характеру, таланту, человеческому темпераменту. Наталья Ивановна была вся на готовности действовать, и действовать немедленно. Устоять ее напору было невозможно.

Галина Сергеевна была сосредоточена, сохраняя какие-то свои внутренние, хрупкие, едва ей самой слышные, нежные и печальные мелодии. Казалось, она оберегала их, чтобы донести до сцены, поведать людям со всей силой таланта и филигранной отточенностью своего мастерства.

Такие разные, «лед и пламень», они обе представляли «культурное лицо» России. И чувствовалось, что каждая из них – и Галина Сергеевна Уланова, и Наталья Ивановна Соколова – высоко понимала и роль своего призвания, и меру ответственности своей жизни на виду у всего мира.

В другой раз Наталья Ивановна пригласила навестить маршала И. С. Конева. Мы пошли, но оказалось, что он плохо себя чувствовал и принять не мог. Наталья Ивановна передала ему записочку через караульного.

Когда мы вернулись домой к Наталье Ивановне, почти сразу же раздался телефонный звонок. Звонил И. С. Конев. Наталья Ивановна стала говорить каким-то непривычно низким голосом, видимо, случилось что-то недоброе:

– Мы не раз с вами, Иван Степанович, смотрели в лицо смерти, мы не дрогнем и в этот раз, – сказала в трубку Наталья Ивановна.

Когда через несколько дней я уезжала из Москвы, на одной из центральных улиц было перекрыто движение – хоронили маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева.

Сама Наталья Ивановна, тоже не дрогнув, встретила свой смертный час. Ее отвезли в больницу с сердечным приступом, а там почти сразу же, без промедления поставили диагноз – онкология. Она молча отвернулась к стене.

На третий день Натальи Ивановны не стало.

Потом оказалось, – диагноз ошибочный...

При жизни Наталья Ивановна поддерживала самые широкие контакты со многими музеями Европы. Но, конечно, особенно тесные связи сохранились у нее с Дрезденом.

Дрезденская галерея приглашала ее на все юбилеи своего второго рождения. Одну из фабрик Дрездена называли ее именем. Наталья Соколова была избрана почетным гражданином этого города.

В журнале «Советский воин» за 1975 год было опубликовано письмо маршала И. С. Конева, обращенное к Наталье Ивановне Соколовой: «Все написанное Вами правдиво, взволнованно, красиво. Ваше активное участие в спасении Дрезденской галереи достойно высокой похвалы. Ваше имя как гуманиста, ценителя красоты, искусствоведа будет прославлено советским народом и народом ГДР».

В том же журнале в рубрике «Помнит мир спасенный» было опубликовано интервью с Натальей Ивановной, в котором она сказала: «Родилась я в Ленинграде, там прошла моя юность. Теперь я узнала, что Ленинград и Дрезден – города-побратимы, что жители обоих городов сотрудничают друг с другом, как хорошие и верные друзья... И мое сердце бьется от радости».

Всеволод Рождественский: «Но как забыть средь северных пурманов Степного солнца неизбывный жар...»

З. И. Боранбаева

Творчество Всеволода Александровича Рождественского (1895–1977), продолжившего в XX веке лучшие традиции Серебряного века русской поэзии, тесно связано с Петербургом. «Поэт владеет редкостным умением “переводить” на язык стиха чудо петербургско-ленинградской архитектуры, следовать словом чертежу руин, каскадов, лип, изящно, легко и при этом конкретно, материально (уроки акмеизма!) воссоздавать силуэты великих зданий», – писала Наталья Банк в предисловии «Все глубже в поэзию я ухожу...» к избранным произведениям поэта¹.

И это не удивительно. Поэт – коренной петербуржец. Он родился в Царском Селе, учился в Царско-сельской классической гимназии, директором которой был выдающийся поэт-символист Иннокентий Федорович Анненский. После окончания гимназии Вс. Рождественский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, «где сблизился с кружком акмеистов»², «Цехом поэтов», который организовал Н. Гумилев. В студенческие годы он посещал пушкинский семинар С. А. Венгерова, слушал, как писал поэт впоследствии, «чистый лирический голос Александра Блока», был студентом-репетитором в семье М. Горького. «После Октября, весной 1918 года он добровольцем вступил в Красную Армию. Участвовал в обороне Петрограда, сотрудничал в издательстве “Всемирная литература”, куда его ввел М. Горький»³. Творчество Вс. Рождественского широко и многообразно. Замечательный поэт и переводчик, он писал либретто опер, воспоминания о М. Горьком, А. Блоке, С. Есенине, В. Маяковском, А. Н. Толстом,

которые он опубликовал в книге «Страницы жизни» (1962). Его книга, предназначенная для школьников, «Читая Пушкина» (М., 1962), стала настольной для учителей-словесников. Свои размышления об искусстве поэзии, основанные на широком знании классической русской и мировой поэзии, он изложил в монографии «Жизнь слова. Беседы о поэтическом мастерстве»⁴. «Вс. Рождественский много работал над переводами произведений классиков Запада и поэтов братских республик»⁵.

Одним из излюбленных жанров в творчестве Вс. Рождественского были поэтические посвящения. Это «Пушкин Александр (1817)», «Лермонтов», «Александр Блок», «Некрасов», «Шота Руставели», «Абай Кунанбаев», «Верлен», «Низами Ганджеви» и другие. Учитель-словесник на уроках по изучению творчества этих поэтов может использовать стихотворения-посвящения Вс. Рождественского, что, конечно, будет способствовать проявлению интереса школьников к их поэзии. Одно из таких стихотворений поэта посвящено И. Ф. Анненскому.

Как известно, Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) – «замечательный поэт, критик и переводчик – занимает особое место в русской литературе рубежа XIX–XX вв.»⁶. Он родился в Омске – в семье Федора Николаевича Анненского, начальника Отделения Главного управления Западной Сибири, и Наталии Петровны Анненской (урожденной Карамоліной)⁷.

«Поэт поздней поры символизма», И. Ф. Анненский остро отразил в своем творчестве трагические противоречия окружающей социальной среды⁸. Он был широко и фундаментально образован:

ученый-лингвист, глубокий знаток античной культуры, превосходный переводчик (перевел Горацио, Гете, Гейне, Лонгфелло, французских поэтов конца XIX века), автор критических статей («Книга отражений»).

Высокий строй его души, благородство пленяли гимназистов Царскосельской классической гимназии. «Он учил нас, гимназистов, не только латинскому синтаксису, но и строгой простоте и точности античной поэзии. Наряду с Пушкиным, в юношеское сознание входили и Катулл, и Овидий, и величественный пафос греческой трагедии», – вспоминал Вс. Рождественский⁹. Творческое его влияние сказалось на произведениях плеяды молодых в то время поэтов – А. Ахматовой, Н. Гумилева, самого Вс. Рождественского и других. Поэтому не удивительно, что благодарные его ученики посвятили ему свои стихотворения.

Стихотворение Вс. Рождественского «Иннокентий Анненский» имеет подзаголовок «Две тени»:

*Ахматовой учителем он был,
Он вел ее на строгие ступени
Под сводом лир
и пушкинской сирени,
Где пруд колонну Славы отразил,
Заставил смело поглядеть в лицо
Всем искусствам разлуки и тревоги
У страстных испытаний
на пороге
И подарил старинное кольцо.
В него не камень вставлен,
а печать
Из темных недр откопанного века:
«Цени слова,
но дай им срок молчать».
Она подарок вещей приняла
С крупницею античной
горькой соли*

*И в одиночестве неженской доли
Безропотно сожгла себя дотла.*

Два выдающихся поэта Иннокентий Анненский и Анна Ахматова – неразрывны в творческом сознании Вс. Рождественского. Он посвятит им не одно стихотворение. В стихотворении военных лет «Город Пушкина» поэт писал:

*На любимой скамье у пруда
Смотрит Анненский
в сад опущенный,
Где дрожит одиноко звезда
Над дворцом
и Кагульской колонной.
А старинных эзелий печаль
Лечит статуй осенние раны,
И бросает Ахматова шаль
На продрогшие плечи Дианы...*

Даже в стихотворении «Памяти Анны Ахматовой» поэт снова вспоминает об И. Анненском:

*Привычным стало ей
Камен соседство,
Осенних лип и облаков пожар...
Здесь Иннокентий Анненский
в наследство
Ей передал бессмертных
песен дар...**

Основная тема этого стихотворения Вс. Рождественского – тема поэтического таланта, который И. Ф. Анненский даровал А. Ахматовой. То бесценный дар, напутствие Учителя. И. Ф. Анненский «Ахматовой учителем он был», именно от него «она подарок вещей приняла».

Вс. Рождественскому, как и его учителю и наставнику, «было присуще необычайно интенсивное переживание культуры». Поэтому без историко-культурного и бытового комментариев, без знания «тайн» поэтического искусства невозможно постичь во всей глубине идейно-художественное своеобразие его произведений. В этом стихотворе-

нии оживают липы и сирень Царскосельских аллей. «Большой пруд Екатерининского парка, в котором отражается Чесменская Колонна, сооруженная в честь победы России летом 1870 года (в Чесменской бухте Эгейского моря) над Турцией. И. Ф. Анненский любил идти берегом. Пройдя большой пруд, поднимался на холм и выходил к Китайской беседке <...> Одну из уединенных аллей в районе этой беседки он особенно любил. Ее когда-то так и называли – аллея Анненского», – вспоминал Вс. Рождественский¹⁰. Именно там И. Ф. Анненский передал А. А. Ахматовой «бесценных песен дар», благословил служить мучительному и трудному искусству поэзии:

*И подарил старинное кольцо.
В него не камень вставлен,
а печать
Из темных недр
откопанного века:
«Цени слова,
но дай им срок молчать»...***

«Старинное кольцо» – символ высокой, настоящей поэзии. Строка «Цени слова, но дай им срок молчать» – завет учителя – высоко ценить поэтическое искусство, быть строгой и предельно требовательной к себе. Этот подарок А. А. Ахматова приняла с «крупницей античной горькой соли». Эпитет «античной» означает погруженность в культуру поэзии А. А. Ахматовой, которую она восприняла от Учителя. Символична и «соль» – «крупница античной горькой соли». Это символ тернистого и горького пути настоящего поэта, нередко трагической его судьбы. И в этом мучительном, испепеляющем труде «безропотно сожгла себя дотла» Анна Ахматова.

Как известно, основным творческим принципом Вс. Рождественского были «истинная простота, точность и ясность», которые являются,

как он писал, «высшей ступенью <...> очень сложного движения мысли и чувств, завещанные его Пушкиным», и «его прелестью нагой простоты». В стихотворении представлены точные и ясные средства образно-художественной выразительности. Это инверсии – Ахматовой учителем он был, подарок вещей. Простые, предельно четкие эпитеты, строгие (ступени), пушкинской (сирени), страстных (испытаний), старинное (кольцо), темных (недр), откопанного (века), вещей (подарок), античной горькой (пыли), неженской (доли); Есть метафоры, в лицо... всем искусствам разлуки и тревоги, у страстных испытаний на пороге, безропотно сожгла себя дотла. Стихотворение написано пятистопным ямбом с переменной цезурой. Рифмы классические, звучат естественно и свободно.

Поэт использовал кольцевую рифмовку. Рифмы точные: бил – отразил, ступени – сирени; лицо – кольцо, тревоги – пороги; приняла – дотла, соли – доли. Лишь строки 9–10–11 автор выделил особым способом рифмовки, в них основная мысль произведения:

*В него не камень вставлен,
а печать
Из темных недр
откопанного века;
«Цени слова,
но дай им срок молчать»...*

Хотя у И. Ф. Анненского были и другие ученики – начинающие поэты, но Вс. Рождественский назвал лишь А. Ахматову. В размышлениях о поэтическом мастерстве, раскрывая один из основных принципов русской поэзии XX века, наиболее ярко отразившийся после А. Блока в творчестве И. Анненского, – неожиданный «преднамеренный разрыв ассоциаций»¹¹, Вс. Рождественский подчеркивал, что И. Анненский «всегда исходил из основной мысли, совершенно конкретной, глубоко им пережитой, что сделало его одним из самых выдающихся и проникновенных лириков на переломе двух веков»¹². Именно эти качества оказали, по мнению Вс. Рождественского, «сильное влияние и на творчество Анны Ахматовой»¹³.

Вс. Рождественский приводил в подтверждение своих слов не только

* И сама А. Ахматова не раз писала о том, как высоко она ценит творчество И. Ф. Анненского («Подражание И. Ф. Анненскому» – 1910, «Учитель» (Памяти Иннокентия Анненского – 1945). В автобиографии «Коротко о себе», написанной в последние годы жизни, она вспоминала: «Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» И. Анненского, я была поражена, читала ее, забыв все на свете» // Анна Ахматова. Лирика. Ростов н/Д, 1996. С. 6.)

** Именно в этом уголке парка изобразил его и Н. С. Гумилев в стихотворении «Памяти Анненского»:

*Скамью я знаю в парке, мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллей...*

стихотворение И. Ф. Анненского («Тоска припоминаний»), но и стихотворения А. А. Ахматовой «Песня последней встречи», «Как ты можешь смотреть на Неву...» и другие, в которых этот принцип – «разрыв обычных ассоциаций» – ярко прослеживается. Для русской поэзии, которая «шла преимущественно по дороге прямых и неразрывных ассоциаций»¹⁴, это было открытием, подлинным новаторством. Именно поэтому в творческом сознании Вс. Рождественского имени Иннокентия Анненского и Анны Ахматовой неразрывны. Эти поэты определили своим творчеством новый этап в истории русской лирики – выявили принципиально новое отношение к поэтическому образу, подвергли кардинальным изменениям приемы художественной выразительности, сам принцип построения лирических произведений.

Стихотворение Вс. Рождественского «Иннокентий Анненский» («Две тени») стало не просто одним из посвящений поэтическому учителю и наставнику. Автор раскрыл в нем тему о высоком предназначении поэта и поэзии в обществе, начатую А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Н. А. Некрасовым и другими. В стихотворении нашли отражение не только искренние и глубокие размышления Вс. Рождественского о судьбах настоящих поэтов, какими были И. Ф. Анненский и А. А. Ахматова; не только его сокровенные раздумья о литературных традициях и творческих влияниях, но и глубокие и тонкие наблюдения профессионального литературоведа о новых принципах организации русской поэзии XX века, о тайнах поэтического мастерства.

«На живой почве судьбы Петербурга – Ленинграда в поэзии Вс. Рождественского окрепло чувство истории <...>». При чтении его стихотворений «возникает эффект присутствия в сегодняшней жизни тех, кто творчески неасторжим с Петербургом – Ленинградом и его окрестностями»¹⁵. Но, как писал Дм. Снегин, было у Вс. Рождественского второе пристрастие – Казахстан. И ни к чему гадать, какое из этих чувств значимей»¹⁶. Впервые поэт посетил Казахстан в 1935 году. Он писал в своих воспоминаниях: «Группа русских писателей, тогда еще ленинградцев, во главе с

Л. С. Соболевым по завету культурного шефства начала поездку по этой невиданной в то время для нас обширной стране»¹⁷. В эту группу писателей входили Л. С. Соболев, К. И. Чуковский, П. И. Лукницкий, А. И. Гитович. «Наша писательская группа совершила немало поездок в степях и горах Казахской республики», – вспоминал поэт. И продолжал: «Она побывала и на Балхаше, и в пойменных зарослях реки Или, и в пустынях Жаркента, и в цветущих долинах Семиречья, и в горах Заилийского Алатау, и на далеком озере Зайсан. Обогащенные впечатлениями, мы вернулись в Алма-Ату и здесь в близких окрестностях города, в зеленых живописных ущельях Медео, на фоне величественных вершин и крутых скатов с альпийскими веретенообразными елями и высокой, усеянной цветами травой, подводили итоги своих поездок, обсуждали план будущей коллективной книги об этой своеобразной стране, стоящей накануне хозяйственного и культурного расцвета»¹⁸.

Вс. Рождественский первым из русских поэтов начал переводить стихотворения выдающегося казахского поэта Абая Кунанбаева. Подстрочники выполнял для него Мухтар Ауэзов, впоследствии автор прославившегося на весь мир романа-эпопеи «Путь Абая», лауреат Государственной (1949) и Ленинской (1959) премий. Но уже в 30-е годы, вспоминал Вс. Рождественский, М. О. Ауэзов «был и ученым-исследователем, и писателем с обширным культурным кругозором <...>, терял для этого немало времени, переводил мне строчка за строчкой тексты, определяя лирический ход стиха, читал вслух оригинал, раскрывая и художественные его особенности, и национальное своеобразие бытовых деталей»¹⁹. Переводы Вс. Рождественского удивительно точно передают идейно-художественное содержание произведений казахского поэта. Так, в переводе одного из лучших лирических стихотворений о природе Абая Кунанбаева, изображающего «зиму в облике седого старца в белом одеянии – старого свата»²⁰, Вс. Рождественский смог довольно близко к оригиналу передать мерное, торжественное звучание казахского стиха – силлабического одиннадцатисложника:

*В белой шубе, плечист,
весь от снега седой,
Слеп и нем,
с серебристой большой бородой,
Враг всему, в чем есть жизнь,
с омраченным челом,
Он, скрипящий, идет,
занесенный пургой...*

Задолго до реабилитации он переводил стихотворения другого выдающегося поэта – Шакарима Кудайбердиева – родного племянника и любимого ученика Абая Кунанбаева.

Мастерски перевел он и стихотворения двух великих поэтов XX века – Сакена Сейфуллина и Ильяса Жансугурова. К изданию их в большой серии «Библиотеки поэта» (1973) он написал предисловие «Два поэта казахских степей и гор». Вс. Рождественский участвовал в издании сборника «Поэты Казахстана» (Л., 1978). «По признанию самого Вс. Рождественского, – писал Дм. Снегин, – работы над переводами казахских поэтов на русский язык и сама казахская поэзия доставили ему радость и наслаждение, открыв много созвучного его душе»²¹.

Поэт написал много и оригинальных стихотворений о Казахстане. Это цикл стихотворений «Абай Кунанбаев», «Турксиб», «Пиала», «Ночлег на геолбазе в Таласском ущелье», «Арык» и другие. Одно из лучших среди этих произведений – стихотворение «Алма-Ата»:

*Я помню вас,
предгорья Казахстана,
Когда в изломах
льдистого хребта,
Омытая ветрами, утром рано
Открылась предо мной
Алма-Ата.*

*Густые тополиные аллеи
Просторы улиц превращали в сад,
Где тени перепутались, как змеи,
Вдоль серых,
солнцем выжженных оград.*

*А в сердце города сливались дикий
Шмелиный гуд и птиц
рассветный хор,
Гремели неумолчные арыки,
Неудержимо скатываясь с гор...*

В стихотворении изображен, как писал об Алматы Ю. Домбровский в своем романе «Хранитель

древностей», «необычайный город, столь непохожий ни на один из городов в мире»: «льдистые хребты», окружающие город, «густые тополиные аллеи», столь характерные для Алма-Аты тех лет, «неумолчные арыки», которые, кажется, скатываются прямо с гор...

На всю жизнь Вс. Рождественский сохранил теплые дружеские отношения с казахскими литераторами. «Люблю Ваши степи, горы и мудрые слова Абая», – писал поэт Ж. Бектурову²². Он пригласил к себе в гости известного казахского литературоведа Т. Какишева, устроил ему сердечный радушный прием, живо интересовался не только литературой, но и жизнью республики в целом. «Я посвятил стихотворение Куляш Байсеитовой» – говорил Вс. Рождественский. – Когда я слушал ее в первый раз, она не имела

никаких званий, была начинающей актрисой. После декады казахского искусства в Москве, в 1936 году, она, как и Жамбыл, этот Гомер XX века, прославилась на весь мир. Вот такие грандиозные масштабы у казахов»²³. Имена казахских друзей не только в воспоминаниях поэта, но и в его творчестве. В уже цитированном стихотворении «Алма-Ата» он писал:

*Но как забыть
среди северных туманов
Степного солнца
неизбывный жар,
Сады, где шел со мной
Сабит Муканов,
О Фаусте беседовал Мухтар.*

*Я вижу снова смуглого Джамбула
В бобровой шапке,
с посохом в руке,*

*И струн его не позабыть мне гула,
Пусть на чужом,
но братском языке.*

*И «Кыз-Жибек» –
красу казахской сцены,
Куляш, с ее залившимся «Га-Ку».
Приветствую я жизни перемены,
Но и былое в сердце берегу.*

*И ты, с которым я делил беседы,
Потомок семиреченских станиц,
Мне рассказавший,
как певали деда
На давних свадьбах о красе девиц,*

*Как русский со степным
дружил народом,
Деля по-братски счастье и беду,
Ты помнишь чарки,
пахнувшие медом,
Под яблоней
в родительском саду.*

¹ Цит. по кн.: Бунатян Г. Г. Город муз. Литературные памятные места города Пушкина. Л.: Лениздат, 1987. С. 7.

² Всеволод Рождественский (1895–1977) // Три века русской поэзии / Сост. Н. В. Банников. М., 1986. С. 631.

³ Там же.

⁴ Рождественский Вс. Избранные произведения: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 211–316.

⁵ Всеволод Рождественский (1895–1977). С. 631.

⁶ Подольская И. И. Иннокентий Анненский – критик // Иннокентий Анненский. Книги отражений. М., 1979. С. 501.

⁷ Основные даты жизни и творчества И. Ф. Анненского // Иннокентий Анненский. Книги отражений. М., 1979. С. 670.

⁸ Рождественский Вс. Указ. соч. С. 305.

⁹ Рождественский Вс. О себе // Вс. Рождественский. Избранное. М.; Л., 1965. С. 4.

¹⁰ Цит. по кн.: Бунатян Г. Г. Город муз. Литературные памятные места города Пушкина. Л.: Лениздат, 1987. С. 139.

¹¹ Рождественский Вс. Избранные произведения. С. 304.

¹² Там же. С. 305.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 306.

¹⁵ Там же. С. 7–8.

¹⁶ Снегин Дм. Спрессованный труд мечты // Степная весна. Стихотворения казахских поэтов в переводе Вс. Рождественского. Алма-Ата, 1975. С. 3.

¹⁷ Рождественский Вс. Дружеские встречи // М. Ауэзов в воспоминаниях современников. Алматы, 1997. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 35.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Ахметов З. О языке казахской поэзии. Алма-Ата, 1970. С. 90.

²¹ Снегин Дм. Указ. соч. С. 3.

²² О Вс. Рождественском. Воспоминания. Письма. Документы. Л., 1986. С. 83.

²³ Какишев Т. Садак (Эссе). Алма-Ата, 1986 (на каз. языке). С. 96.

1 апреля 2009 г. Grindelwald, Switzerland.

В издательство «Нестор», в журнал «История Петербурга».

Уважаемые господа!

Наши воспоминания, проводящие некоторые исторические параллели, связывают далекое прошлое с сегодняшними событиями и касаются Н. А. Панина-Коломенкина – истинного россиянина, петербуржца, жизнь которого была посвящена самому «очаровательному» виду спорта и искусству – фигурному катанию на коньках.

Будем благодарны, если у вас найдется место для этого материала, приуроченного к событию, которого многие ждали 100 лет.

Желаем всем сотрудникам вашего издательства и читателям журнала «История Петербурга» здоровья и жизненного благополучия!

Людмила Белоусова, Олег Протопопов

Николай Александрович Панин-Коломенкин — история Петербурга и России*

Время неумолимо летит, принося все новые и новые события, которые растут как снежный ком, и не знаешь, за какое дело братья в первую очередь.

У нас есть жгучее желание придать гласности некоторые интересные документы (текущая переписка с ФФК России и «Мировым залом славы» (США), связанные с именем выдающегося петербургского фигуриста, первого русского олимпийского чемпиона 1908 года на Играх IV Олимпиады в Лондоне.

Николай Александрович Панин-Коломенкин был моим самым первым педагогом начиная с 1946 года, а его ученица и ассистент Нина Васильевна Леплинская учила кататься меня, Игоря Москвина, Станислава Жука во Дворце пионеров им. А. А. Жданова.

Секция фигурного катания занималась в «Саду отдыха» на Невском проспекте, где стоит знаменитый «павильон Росси», напротив Екатерининского сада и Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-

Плакат к выступлению
Л. Е. Белоусовой и О. А. Протопопова
в Гарвардском университете,
США, 2008 г.***

Щедрина**. Катались мы вокруг летней клумбы, зимой засыпанной снегом, и по длинным, как коридор,

очень узким замерзшим дорожкам, с боков обрамленных густым голым кустарником. Вот сюда и приходил помогать учить фигуристов Николай Александрович Панин. В енотовой шапочке «пирожком», меховой дохе с огромным воротником, высоких валенках с галошами и в очках на носу с горбинкой он напоминал мне Деда Мороза. Н. А. Панин простаивал с нами на льду по несколько часов подряд в двадцатиградусный мороз. Мы часто бегали в раздевалку погреть ноги, щеки и носы, а он оставался на льду, консультируя Нину Васильевну. Таким он и запомнился, когда мне шел пятнадцатый год.

Самое главное, на что он всегда и в первую очередь обращал внимание, что бы мы ни делали, – это было слово «осанка»: высокая постановка головы, сомкнутые лопатки, опущенные плечи, мягкие руки и кисти, а также предельно вытянутый носок свободной ноги с бедром, развернутым наружу. Красота и культура движений всегда были для него на первом месте.

* Редакция благодарит доцента Елену Васильевну Антипову – старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского научно-исследовательского института физической культуры (СПбНИИФК) за любезно предоставленные иллюстрации и профессиональные консультации при подготовке материалов к публикации.

** Ныне – Российская национальная библиотека (Ред.).

*** Легендарные фигуристы Людмила Белоусова и Олег Протопопов впервые вышли на лед более 50 лет назад, и сегодня многие считают их основоположниками современного парного катания. Спортсмены гордятся придуманными ими когда-то фигурами: «космической спиралью», «спиралью Жизни» и «спиралью Любви». Спортсмены получили мировую известность, став олимпийскими чемпионами в 1964 и 1968 гг. Сейчас они тренируется по 16 часов в Лейк-Плэсиде в олимпийском центре ORDA, которому они очень признательны. Организаторы счастливы вновь приветствовать чету Протопоповых, в 20-й раз подряд принимающих участие в вечере с чемпионами.

Скульптура «Умиравший лебедь». Скульптор Л. Г. Могилевский.
Из личного архива Л. Е. Белоусовой и О. А. Протопопова

Недавно в Питере отмечалось столетие со дня завоевания Н. А. Паниным-Коломенкиным первой в России золотой олимпийской медали по фигурному катанию в 1908 году. В Петербургской академии фигурного катания поставлен его бюст и выпущена памятная медаль, которой как сообщил нам президент ФФК России В. Н. Писеев, уже награждены 36 олимпийских и мировых чемпионов и ряд тренеров.

А вот в международном отношении, как вы узнаете из нашего письма В. Н. Писееву, Н. А. Панину не повезло, поскольку федерация словно позабыла о его существовании. Не мудрено!

В свое время мы с Людмилой принимали участие в показательных выступлениях «на приз Н. А. Панина», а недавно в статье «100 лет нашему “золоту”» (Ксения Шубина. Петербургский дневник. 8 дек. 2008) председатель Комитета по физкультуре и спорту администрации Петербурга Вячеслав Чазов сказал: «Такие мемориальные соревнования уже проходили, но потом они были приостановлены. И спустя двадцать лет мы их возобновили. Все мы гордимся, что в нашем городе жил такой великий человек».

За 33 года существования «Мирового зала славы по фигурному катанию на коньках» в него были

избраны самые достойные представители от различных национальных федераций фигурного катания.

А имя российского фигуриста Н. А. Панина через много лет после смерти Николая Александровича было предложено на конкурсной основе для внесения его в «Мировой зал славы» французским журналистом Жаном-Кристофом Берле из Парижа. И он выиграл этот престижный конкурс! Все поздравляли его с победой. Не знаем, поздравит ли его и г. В. Н. Писеев? Наверное, должен!

Интересная деталь: американец Дик Баттон – двукратный олимпийский чемпион 1948 и 1952 годов, пятикратный чемпион мира – еще до своего чемпионства писал письма «на деревню дедушке»: «Великому фигуристу и чемпиону мира Николаю Панину», но тот никогда так и не получил ответа от него. Н. А. Панин чемпионом мира не был, но для мальчика – Дика Баттона – Н. А. Панин просто не мог им не быть.

Мама Олега как-то в послевоенные годы случайно (как тогда говорили, «из-под полы») купила американский журнал на русском языке. Увидев Баттона, распластавшегося в полете в огромном прыжке «шпагат» (а она как балерина знала толк в прыжках), сказала сыну: «Олесик! Ты должен прыгнуть лучше этого американца». С тех пор и до

сих пор он остался кумиром детства для Олега.

И вот теперь, когда ему «стукнет» в этом году 80 лет, Дик Баттон снова вернулся к увлечению юности, желая все-таки получить ответы на свои вопросы, которые вероятнее всего, остались где-либо в архивах КГБ, как загадочные письма иностранца, а может быть, и «скрытого шпиона»! Тогда это было очень модно – подозревать всех! В 2006 году мы послали Дик Баттону сделанный нами краткий перевод на английский язык информации о Н. А. Панине. Позднее, мы послали тот же текст и Жану Кристофу Берле – настоящему знатоку и ценителю искусства фигурного катания, который тоже заинтересовался Н. А. Паниным. Получается, что еще будучи подростком Дик Баттон сделал своеобразную свою заявку на номинацию Н. А. Панина в еще не существовавший тогда Hall of Fame U.S.F.S.A (Зал Славы Федерации Фигурного катания Соединенных Штатов), который был создан только в 1976 году в Колорадо-Спрингс (США) и впоследствии переименован в «Мировой зал славы» фигурного катания на коньках.

Советская, а затем Российская федерация фигурного катания «проспала» время, чтобы номинировать своего выдающегося соотечественника, тем более, что за 38 лет с момента завоевания нами

Бюст Н. А. Панина-Коломенкина.
Скульптор Л. Г. Могилевский

самых первых золотых европейских, мировых и олимпийских медалей по фигурному катанию чемпионов было предостаточно. Первая золотая страница в новой истории отечественного фигурного катания открыла широкую дорогу на международную арену нескольким поколениям талантливых русских фигуристов. Да простят нас за нескромность!

Как ни странно, быстрее всех отреагировала Американская федерация фигурного катания, включившая нас первыми из советских фигуристов (!) в «Американский зал славы» в 1978 году. И это в годы «холодной войны», в то время как Советская федерация фигурного катания «постеснялась» сохранить названия парных спиралей Протопоповых: «Спираль Жизни», «Космическая Спираль» (в честь первого выхода человека – советского космонавта А. Леонова – в открытый космос в 1966 году) и «Спираль Любви», сославшись на усложнение спортивной терминологии. Сегодня эти спирали Протопоповых (да и не только спирали!) – обязательные элементы мирового парного катания, но величают их по-прежнему «тодесами» – «Спиралью смерти», потому что исполнение «Спираль смерти» считалось смертельно опасным и страшным. Интересно, что никто сегодня не знает (включая русские молодые пары и их тренеров), как эти сложнейшие спирали появились в фигурном катании и кто их создатели, и вообще, как их надо правильно и, главное, красиво исполнять.

Так что неудивительно, что Н. А. Панин «пропал с горизонта» на 100 лет. Зато все знают и заслуженно почитают имена зарубежных современников Н. А. Панина («Аксель», «Сальхов», «Ритбергер», «Лутц»), и наших с Людмилой современников, таких как «Инна Бауэр», «Бильман». Но в терминологии есть и курьезные названия фигур: «Camel spin» («Верблюжье вращение»), «Flying Camel spin» («Вращение летящего верблюда»). Их первый исполнитель – Дик Баттон. Такие образные названия были даны не случайно, так как фигуристы, пытавшиеся вращаться (по-русски – в «ласточке» или «арабеске»), сильно горбили спину, наклоняясь вниз, а

Памятная медаль в честь 100-летия со дня завоевания первой Олимпийской медали для России Н. А. Паниным

попа, простите за простонародное выражение, торчала вверх, как горб у верблюда.

Не в том ли кроется причина нынешнего столь глубокого спада в отечественном фигурном катании на международной арене, что вырастить будущих выдающихся фигуристов (а на меньшее Россия и не претендует) невозможно, заботясь лишь о «крыше дома», которая становилась все тяжелее и тяжелее от громких побед, и не укрепляя одновременно «фундамент», который, не выдержав всей славы, навалившейся на него, рухнул, а с ним рухнула и «славная крыша». Уже дошло до того, что профессор Алексей Мишин собирается пригласить в Россию – страну лучшего в мире балета – иностранного хореографа, чтобы ставить новые программы для своих учеников.

Даже великий американский хореограф XX века Джордж Баланчин* признался нам при встрече в его театре в Нью-Йорке в 1975 году,

что он не работает с фигуристами, потому что не понимает природы движения на льду. Он ответил на наш вопрос с предельной честностью профессионала мирового класса! Сейчас мы встречаем немало профессионалов, на куртках которых можно прочесть: «Олимпийский и мировой хореограф» или «Олимпийский и мировой тренер». Только вот истинной хореографии на льду не видно, если вспомнить Г. Баланчина, девизом которого было: «Услышать движение и увидеть музыку».

Чтобы побеждать в будущем и навсегда, сегодня нужны специалисты нового поколения, воплощающие в себе одновременно качества тренера, хореографа, музыканта, драматического актера, психолога, врача, научного исследователя. Иначе говоря, специалиста высочайшей культуры, каковым был Николай Александрович Панин-Коломенкин, знавший, ко всему прочему, шесть иностранных языков и оставивший нам понятие о «Международном стиле искусства фигурного катания».

Сейчас известным спортсменам сулят чуть ли не золотые горы, только чтобы они оставались в «любителях», в то время как, по словам Владимира Путина, «Олимпиада – это вершина профессионального спорта», что соответствует действительности. И готовиться к ней надо профессионально, а не устраивать «любительский стон» в прессе по поводу здоровья, психосоматического состояния и остановок в середине программы, помня, что предыдущие поколения катались пять минут, а не четыре с половиной, и все то, что делают в своих программах нынешние спортсмены, было создано до них фигуристами, любившими фигурное катание не за деньги, а за возможность творческого самовыражения.

Пресса всеми силами поддерживает «титанические» усилия фигуристов, в основном прославляя их мужество и отвагу. Нет статьи, в которой бы не упоминались все болячки, уколы, травмы и катание на соревнованиях «на разрыв аорты». Создается впечатление, что фигуристы уже стали инвалидами, по сути

* Джордж Баланчин (Георгий Мелитонович Баланчивадзе (1904, Санкт-Петербург – 1983, Нью-Йорк) – хореограф грузинского происхождения, положивший начало американскому балету и современному балетному искусству в целом.

дела еще не начав своей спортивной карьеры, так как травмы практически уже никогда не излечиваются. Увы, на таком фоне и вспомнили про Н. А. Панина, вернее, нам напомнили о нем. Пишем – нам, потому что мы были, есть и останемся Русскими Олимпийскими чемпионами панинской школы Искусства Фигурного катания и просто людьми.

Серебряные памятные медали передали нам через Тамару Москвину, когда она была на чемпионате мира-78 во Франции (Межев). По приезде Тамара Москвина позволила нам и попросила зайти к ней домой, но по телефону не стала говорить, по какому поводу она нас приглашает к себе.

Тогдашняя «президентша» Советской федерации фигурного катания А. Синилкина (секретарь парторганизации дворца спорта «Лужники» и его директор) лично проверяла содержание послания нам от «Американского зала славы», разрезав уже открытые прозрачные пластиковые кошелечки ножницами с другой стороны, чтобы пощупать, нет ли там чего-либо запретного, кроме памятных серебряных медалей.

Впрочем, она же проверяла содержание музыки фигуристов. Она запрещала Сергею Четверухину кататься под вальс из кинофильма «Доктор Живаго» даже в показательных выступлениях. «В моем дворце спорта этой музыки не будет!» – раскрасневшись от стопочки коньяка из своего дворцового буфета для VIP, возмущенно кричала она, отчитывая Сережу за его дерзость.

Так что, Тамара Москвина вынуждена была быть очень осторожной, чтобы передать нам поздравления от «Американского зала славы», памятные медали с именной дощечкой из красного дерева и свои личные поздравления... в ванной комнате (в то время у нее были гости). Такие были времена...

Справедливости ради нельзя не отметить, что шестнадцатью годами позже президент ФФК России г. В. Н. Писеев и президент ИСУ* Чинкуанта открывали бронзовую скульптуру Людмилы Белоусовой

и Олега Протопопова во время проведения международных соревнований «Игры доброй воли» (организатор – г. Тернер, США) во дворце спорта «Юбилейный» в 1994 году. Но через три месяца кто-то отломил у скульптуры Людмилы руку, наверное, чтобы сдать в металлолом... Скульптуру куда-то увезли на ремонт, и до сих пор неизвестно, где она «катается» вот уже 15 лет. Автор скульптуры – Леонид Могилевский звонил нам в Швейцарию и предлагал купить ее, а президент ИСУ Чинкуанта «грозился» забрать ее в Олимпийский музей в Лозанне. Похоже, что существование этой скульптуры «приостановили», как когда-то и соревнования на приз Н. А. Панина.

Увы, история имеет свойство повторяться. Внести имя Николая Панина в почетный список «Мирового зала славы» предложил французский почитатель искусства фигурного катания, а скульптура «Умирающий Лебедь» Белоусовой–Протопопова, кровно принадлежащая панинской русской школе фигурного катания, может неожиданно появиться на каком-нибудь аукционе, или в иностранном музее или, в лучшем случае, будет пылиться в каком-нибудь петербургском чулане.

И вот теперь, через 100 лет, справедливость восторжествовала: имя Николая Панина-Коломенкина заслуженно заняло свое место в «Мировом зале славы» среди выдающихся спортсменов и деятелей мирового фигурного катания через 31 год после нашей номинации в 1978 году.

Дик Баттон, кумиром которого с детства был Николай Панин-Коломенкин, стал двукратным олимпийским чемпионом и пятикратным чемпионом мира, а «Олесик» – Олег Протопопов вместе с Людмилой Белоусовой тоже стали первым в истории России двукратным олимпийским чемпионом и четырехкратным чемпионом Европы и мира, оправдав прозорливость Николая Панина-Коломенкина, перед кончиной сказавшего Нине Васильевне Леплинской: «Берегите этого мальчика. Это наше будущее».

Мы с Людмилой этим очень гордимся.

Правда, «Олесик» так и не превзошел кумира детства своего – Дика Баттона в его выдающихся прыжках. Но, как говорится, – кому что дано!

На сайте ФФК России сообщение о награде Н. А. Панина-Коломенкина уместилось в несколько строчек: «15 февраля 2009 года “Мировой музей и зал славы” включил в ряды наиболее видных деятелей мирового фигурного катания первого российского Олимпийского Чемпиона по фигурному катанию 1908 года в Лондоне Николая Александровича Панина-Коломенкина. Награда Н. А. Панина-Коломенкина за его выдающиеся заслуги будет вручена на чемпионате мира 2009 года по фигурному катанию в Лос-Анджелесе (США) для хранения в одном из музеев Санкт-Петербурга». Никакого упоминания деталей нашего сообщения-новости г. В. Н. Писееву и его ответного благодарственного письма, а также всей истории номинации Н. А. Панина в сообщении, конечно, не было. В связи с этим мы и решили в дополнение к скупому сообщению рассказать об этом событии в более широком плане, проводя некоторые исторические параллели.

Вручение награды Николаю Александровичу Панину-Коломенкину (не в ванной комнате, как вынужденно случилось с нами) произойдет в Америке в самой торжественной обстановке «в международном стиле». Принимать все почести за Николая Панина-Коломенкина, вероятно, будет многолетний президент Федерации фигурного катания России господин В. Н. Писеев, честно признавший в своем письме: «Тем не менее полностью принимаю “горькую каплю дегтя”...» Печальное признание. Но лучше поздно, чем никогда...

Нам очень хотелось бы, чтобы петербуржцы и вся Россия знали об этом событии. Имя Николая Александровича Панина, его деятельность, вся его жизнь – выдающаяся часть истории Петербурга и спортивной России. Он по праву заслужил, чтобы его соотечественники сегодня, через 100 лет, вспомнили о нем.

*С уважением,
Олег и Людмила*

* ИСУ (от англ. ISU – International Skating Union) – Международный Союз Конькобежцев (Ред.)

Их письма Б. Холланд Президенту Федерации фигурного катания на коньках России В. Н. Писееву (перевод с английского)

Уважаемый Господин Писеев!

Я имею удовольствие сообщить Вам о том, что Николай Панин-Коломенкин недавно избран для внесения в список Мирового зала Славы фигурного катания <...>

<...> После большой исследовательской работы номинация была сделана французом Жаном Кристофом Берле при участии Олега Протопопова<...>

<...> Как Президент Федерации Вы приглашены принять участие в торжествах от имени своей страны и Федерации. Если Вы пожелаете, чтобы один из упомянутых джентльменов присоединился к Вам, Вы, конечно же, можете его пригласить<...>

<...> Еще раз поздравляем Ваших соотечественников! <...>

Искренне, Барбара Холланд,

Председатель выборщиков Мирового зала Славы фигурного катания. 24 февраля 2009 г.

Из письма Л. Е. Белоусовой и О. А. Протопопова

Президенту Федерации фигурного катания на коньках РФ. Г-ну В. Писееву. Президенту Федерации фигурного катания на коньках С.-Петербурга Г-ну О. Нилову, И. Б. Москвину, Т. Н. Москвиной, *Санкт-Петербург*

Уважаемые Господа!

Уважаемые члены Федерации Фигурного катания России!

Позвольте поздравить всех Вас с выдающимся событием, связанным с именем нашего соотечественника – петербуржца, первого Российского Олимпийского Чемпиона по фигурному катанию 1908 года на Играх IV Олимпиады в Лондоне.

15 февраля 2009 года «Мировой Музей фигурного катания и Зал Славы» включил в ряды наиболее видных деятелей мирового фигурного катания – одного из самых выдающихся, образованных, интеллигентных фигуристов, ученого, педагога, создателя «международного стиля фигурного катания» и основ «Искусства фигурного катания» Николая Александровича Панина-Коломенкина.

Будучи членами комитета советников «Мирового Зала Славы», мы с Людмилой голосовали за нашего выдающегося соотечественника и моего первого наставника.

Номинация была предложена французским ценителем «Искусства фигурного катания» французским журналистом Жан-Кристоф Берле из Парижа через 100 лет (!) после Игр IV Олимпиады 1908 года в Лондоне. Николай Панин опередил своё время на полвека вперёд, предсказав уже тогда (1938 г.) в своих научных работах основные физические и физиологические качества фигуриста высшего класса, не говоря уже об эстетических основах фигурного катания, где ему нет равных!

Я горжусь тем, что сумел вместе с Людмилой донести до наших времён то, что завещал Николай Панин еще в 1946 году, и в дополнение стать первым двукратным Олимпийским чемпионом, хотя количество не имеет особого значения. Важно то, какое наследство оставлено для будущих поколений. Значение для развития национального и мирового спорта будет иметь только то, что будет жить после тебя в этом спорте, что ты можешь дать ему, а не только взять от него.

Продолжая развивать эстетические идеи Панина, мы создали спирали Белоусовой и Протопопова, кровно принадлежащие России: «Космическая спираль» (в честь первого выхода человека в открытый космос в 1966 году – это был советский космонавт Алексей Леонов), «Спираль жизни» в противовес «Спирали Смерти», «Спираль Любви».

Вручение награды в честь Николая Панина (посмертно) за его выдающиеся заслуги планируется провести на Чемпионате Мира 2009 года по фигурному катанию в Лос-Анджелесе (США). Еще раз примите наши поздравления!

Хотелось бы, чтобы награда Николая Панина хранилась в Петербурге в Академии Фигурного катания, где недавно был установлен его бюст, или в Эрмитаже, где хранится его первая Российская золотая Олимпийская медаль.

С уважением и пожеланием дальнейших успехов на благо Российского фигурного катания, начавшегося с первой золотой Олимпийской медали Николая Панина-Коломенкина.

Олег и Людмила

Письмо Президента ФФК В. Н. Писеева Л. Белоусовой и О. Протопопову

Двукратным Олимпийским чемпионам, Заслуженным мастерам спорта
Людмиле Белоусовой и Олегу Протопопову

Дорогие друзья,

Прежде всего, благодарю за радостную весть о включении первого российского Олимпийского чемпиона 1908 года по фигурному катанию на коньках Николая Александровича Панина-Коломенкина в «Мировой

Музей фигурного катания и Зал Славы». Это действительно выдающееся событие как для мирового, так и, прежде всего, для российского фигурного катания.

Автор монографии «Фигурное катание на коньках», удостоенной золотой медали ИСУ, старший научный сотрудник Ленинградского государственного НИИ физической культуры, кандидат педагогических наук, Николай Александрович внес неоценимый вклад в развитие отечественного фигурного катания.

Его трудами пользовались и пользуются на протяжении многих лет не одно поколение тренеров и специалистов. Честь и слава Вам, Людмила и Олег, за поддержку принятого решения.

Вместе с тем, хочу информировать Вас, что 100-летие завоевания Н. А. Паниным-Коломенкиным первой золотой Олимпийской медали для России было широко отмечено в нашей стране. Как Вам известно, в Академии фигурного катания Санкт-Петербурга установлен бюст в честь первого российского Олимпийского чемпиона. Кроме того, изготовлена специальная памятная медаль, которая была вручена выдающимся фигуристам во время проведения этапа ИСУ «Гран-При – Кубок России» 25 ноября 2008 г. (вручена 36 олимпийским, мировым чемпионам и их тренерам), проведена пресс-конференция в Олимпийском комитете России, научно-практическая конференция в Санкт-Петербурге. Должен отметить, что медали в честь 100-летия завоевания Н. А. Паниным-Коломенкиным первой золотой Олимпийской медали для России для Вас хранятся и будут вручены при первой возможности.

Тем не менее, полностью принимаю «горькую каплю дегтя» в отношении ситуации с номинированием Николая Панина в «Мировой Зал Славы», в этом нам нет оправдания. Остается делать выводы на будущее. Еще раз огромное спасибо за информацию. Примите наши пожелания крепкого здоровья, творческих успехов на долгие годы.

Президент Федерации В. Н. Писеев

Советские и Российский фигуристы, внесенные в списки Мирового зала Славы фигурного катания (Музей мирового фигурного катания, Колорадо-Спрингс, США, основан в 1976 г.):

Людмила Белоусова и Олег Протопопов (1978), Людмила Пахомова и Александр Горшков (1988), Ирина Родионова (1989), Екатерина Гордеева и Сергей Гриньков (1995), Марина Климова и Сергей Пономаренко (2000), Тамара Москвина (2005), Татьяна Тарасова (2008), Николай Панин-Коломенкин (2009).

Н. А. Панин-Коломенкин: малозвестные факты биографии первого российского олимпийского чемпиона

В. А. Антипов

Осенью 2008 года отечественное олимпийское движение отметило знаменательную дату: 100-летие завоевания Н. А. Паниным-Коломенкиным первой в истории российского спорта победы на Олимпийских играх. 29 октября (16 октября – по старому стилю) 1908 года на искусственном катке лондонского «Prince's Skating Club» был открыт счет золотым олимпийским медалям российских спортсменов¹. Это событие имеет огромное историческое значение не только для отечественного спорта в целом, но и для тех регионов и организаций, с которыми так или иначе была связана жизнь олимпийского чемпиона. Большая часть жизни олимпийского чемпиона была связана с Санкт-Петербургом. В Ленинградском научно-исследовательском институте физической культуры, который с 1947 года находился на проспекте

Николай Панин-Коломенкин на катке в Юсуповом саду.
Из личного архива Н. А. Панина-Коломенкина

Динамо, дом 2, Николай Панин-Коломенкин работал до конца своих дней. По словам проф. Н. А. Мишина, «вклад Н. А. Панина-Коломенкина в развитие фигурного катания настолько велик, что еще многие поколения с благодарностью будут вспоминать о нем. Он создал первый в мире фундаментальный учебник, в котором изложил все основные технические, постановочные, воспитательные аспекты современной тренировки и соревнований фигуристов. Он сконструировал свою модель конька, которая, будучи модернизированной, остается по сей день в вооружении у фигуристов. Более того, именно Панин-Коломенкин создал и апробировал успешно действующую и поныне систему спортивных разрядов как основу для совершенствования и роста мастерства»².

В 90-е годы прошлого века в Музее истории спорта Санкт-Петербурга хранился личный архив Н. А. Панина. Судьба архива после закрытия музея в 1995 году не известна, но некоторые копии архивных документов хранятся в библиотеке Санкт-Петербургского НИИ физической культуры. Изучение этих материалов, а также личного дела Н. А. Панина-Коломенкина, хранящегося в архиве института, выявило малоизвестные факты из жизни олимпийского чемпиона, ранее не публиковавшиеся.

Детство и юность Николая Коломенкина

В автобиографии Н. А. Панина-Коломенкина от 8 декабря 1951 года написано, что он родился 1 января 1872 года в селе «Хреновом Хреновского района Воронежской области»³. В личном листке по учету кадров, заполненном в сентябре 1945 года, местом рождения названо село Хреновка «по существовавшему в то время административному делению Воронежской губернии, Бобровского уезда»⁴. Историки эту дату рождения в ряде публикаций оспаривают. Так, в работе Н. А. Белецкой со ссылкой на работы исследователей В. Н. Смирнова, С. Н. Мягковой, В. М. Фелова и другим годом рождения Н. А. Коломенкина предполагается 1874 год⁵. Расхождение в датах рождения олимпийского чемпиона встречаются и в словаре поисковой системы Интернета, где указывается

Иллюстрация из учебника Панина Н. Фигурное катанье на коньках (международный стиль). С.-Петербург: 1910. 06 – Н. А. Панин-Коломенкин (50-е гг.)

27 декабря 1871 (8 января 1872 по новому стилю), а местом рождения – село Хреново⁶. Скорее всего, пока следует ограничиться констатацией факта, и принять официально указанную дату рождения: 1 января 1872 года. Впрочем, на надгробной плите Н. А. Панина-Коломенкина годом рождения значится 1874 год. Правильное название места рождения – село Хреновое, которое имеет свою богатую историю, где сохранился комплекс зданий конного завода (архитектор Д. И. Жиларди) и парк, принадлежавшие графу А. Г. Орлову-Чесменскому – фавориту Екатерины II. Хреновской конезавод, основанный А. Г. Орловым 24 октября 1776 года, известен тем, что там была выведена уникальная порода рысаков⁷. Как следует из Личного листка по учету кадров, родители Н. А. Коломенкина по социальному происхождению были из Почетных граждан, отец служил по найму.

В автобиографии Н. А. Панин-Коломенкин указывает, что он родился в семье служащего. Отец умер в 1903 году, мать была домохозяйкой, скончалась в 1930 году⁸. Из архивных документов известно, что в 1891/92 учебном году Н. Коломенкин являлся воспитанником 7 класса 2-й Петербургской Гимназии. При отличном поведении и положительных отметках по предметам Н. А. Коломенкин был переведен в 8 класс. Отлични-

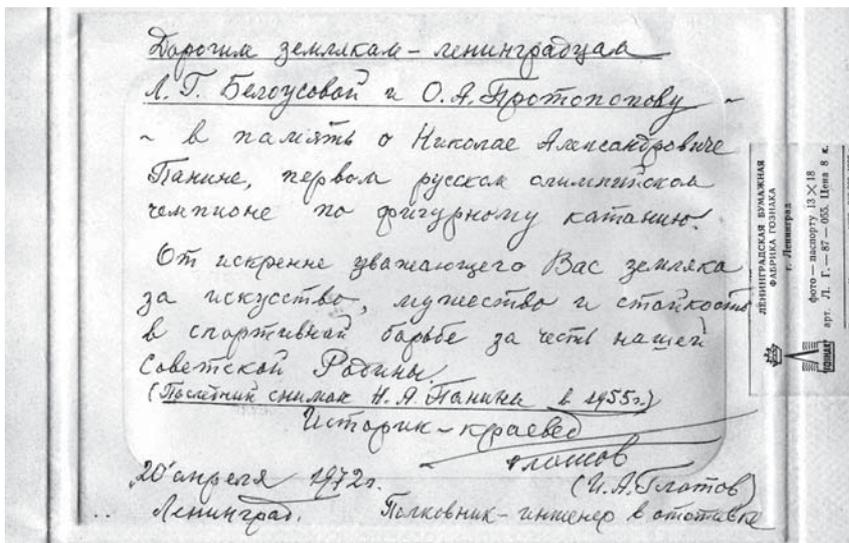
ком он в те годы не был; наилучшие успехи имел по физике, математике и немецкому языку. В «Недельных сведениях об успехах в науках и поведении за 1892/93 учебный год» ученика 8 класса Коломенкина находится примерно равное количество оценок «хорошо» и «удовлетворительно»⁹. В личном листке по учету кадров Н. А. Паниным-Коломенкиным собственноручно указаны годы обучения в Санкт-Петербургском университете: 1895–1899. То есть он поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета университета в 1895 году, а не в 1893 году, как предполагает Н. А. Белецкая. В 1899 году он окончил Санкт-Петербургский университет с дипломом I разряда, получив специальность «физическая химия»¹⁰.

Из спортивной биографии Н. А. Панина-Коломенкина

Интересный факт в письме известному спортивному американскому фигуристу и телекомментатору Дикю Баттону описывают двукратные олимпийские чемпионы по фигурному катанию Л. Белоусова – О. Протопопов: Н. А. Коломенкин «ступил на лед, когда ему было 8 лет, и разделил одну пару коньков с сестрой, которой было 6,5 лет. Он взял левый ботинок, она взяла правый ботинок. Они катались на коньках, держась вместе за руки и двигая свободной ногой. Позже Панин-Коломенкин предпочитал исполнять все самые трудные фигуры на самом важном соревновании только на левой ноге»¹¹. Однако первые шаги на льду не были еще для Н. А. Коломенкина занятием спортом. В автобиографии он указывал, что заниматься спортом начал в 1890 году, и был очень разносторонним спортсменом: увлекался легкой атлетикой, футболом, велосипедом, игрой в теннис, фехтованием, греблей, парусным спортом, бегом на лыжах, фигурным катанием на коньках, стрельбой из пистолета и револьвера, охотой¹². Впервые под псевдонимом «Панин», как отмечают С. Н. Мягкова и Е. А. Стеблецов¹³, Н. А. Коломенкин выступил в 1897 году. Это была обычная практика среди спортсменов того времени. Возможно, она объясняется отношением государя, министров, да и самого общества к спорту. Прикладная направленность спорта в России приветствовалась на

Н. А. Панин-Коломенкин среди своих знакомых. Последний снимок. 1955 г. Фото И. А. Глотова

Дарственная надпись И. А. Глотова на обороте фото. Из личного архива Л. Е. Белоусовой и О. А. Протопопова

спорте на рубеже XIX–XX веков, его зрелищная роль российским обществом просто еще не воспринималась. Вот почему выступления в прессе об участии россиян в Играх IV Олимпиады, как отмечал профессор А. Б. Суник, появились только в преддверии V Олимпиады¹⁴. Именно участие российских спортсменов в Олимпийских играх 1908 года заставило изменить российское общественное мнение в отношении спорта, его соревновательной и зрелищной направленности. В 1904 году Н. А. Коломенкин участвовал в первенстве Европы по фигурному катанию в Давосе (Швейцария), а спустя 4 года в Лондоне завоевал высшую спортивную награду – золотую олимпийскую медаль по фигурному катанию в разделе специальных фигур.

Как отмечает профессор А. Б. Суник¹⁵, небольшая группа атлетов из России тогда, в 1908 году, впервые приняла участие в Олимпийских играх современности. Все расходы взяло на себя Санкт-Петербургское Атлетическое общество¹⁶. Дебют россиян в Лондоне был неофициальный, что в то время еще допускалось правилами соревнований. Несмотря на то, что национальной сборной России представлено на Играх IV Олимпиады не было, участие в них отдельных спортсменов имело большое значение для зарождения отечественного олимпийского движения. Уникальность состоит еще и в том, что в 1908 году в программу Олимпийских игр впервые был включен зимний вид спорта – фигурное катание на коньках, в котором нашим фигуристом была одержана нелегкая, но заслуженная победа в разделе специальных фигур.

всех уровнях власти. Так, например, скачки среди офицеров были очень престижными. Поощрялись сорев-

нования по греко-римской борьбе, фехтованию, стрельбе, парусному спорту и т. п. Состязательность в

¹ Панин Н. Фигурное катанье на коньках (международный стиль). СПб.: Изд-во СПб. Общ. любителей бега на коньках, 1910. 340 с.

² Фигурное катание на коньках: Учеб. для ин-тов физ. культ. / Под общ. ред. А. Н. Мишина. М.: Физкультура и спорт, 1985. 271 с.

³ Материалы из личного архива Н. А. Панина-Коломенкина.

⁴ Личное дело Панина-Коломенкина. ЛНИИФК: 1933–1956 гг.

⁵ Белецкая Н. А. К 95-летию первого олимпийского золота России. Н. А. Панин-Коломенкин // XV научная сессия молодых ученых и студентов России: Материалы. М.: Сов. спорт, 2004. С. 81–87.

⁶ Панин-Коломенкин Н. А. // <http://www.elib.ru/cgi-bin/Dict>

⁷ Исторические достопримечательности России: Усадьбы. 2005. <http://www.hist-sights.ru/node/88>

⁸ Материалы из личного архива Н. А. Панина-Коломенкина; Личное дело Панина-Коломенкина. ЛНИИФК: 1933–1956 гг.

⁹ Материалы из личного архива Н. А. Панина-Коломенкина.

¹⁰ Личное дело Панина-Коломенкина. ЛНИИФК: 1933–1956 гг.; Белецкая Н. А. Указ. соч. С. 81–87.

¹¹ Message from Oleg & Ludmila Protoporov from Switzerland for Dick Button. Date: Tue., 27. Dec. 2005.

¹² Личное дело Панина-Коломенкина. ЛНИИФК: 1933–1956 гг.

¹³ Мягкова С. Н., Стеблецов Е. А. Золотые узоры России. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1998. 144 с.

¹⁴ Суник А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. М.: Советский спорт, 2001. 664 с.

¹⁵ Там же.

¹⁶ IV Олимпиада и русские борцы // Геркулес. 1913. № 6. С. 4–6.

«Блокадный натюрморт».
Худ. Викулина Стасия (7 А кл., 202 шк.)

IV. Завод. МПВО

*Биенье сердца, каждый мускул,
Воды лепечущий хрусталь,
Нева с ее красною русскою,
И огнедышащая сталь,
Произведения искусства,
Природа, личная судьба, –
Все взвихрено единым чувством,
Одним движеньем: н а в р а г а!*

Вера Инбер

Привыкшая как дочь военного к перемене мест, я быстро сходилась с людьми, приученная папой к наблюдательности за любыми трудовыми процессами, быстро освоила нехитрые анализы, обращение с химической посудой и приборами. Смены были скользкие, поэтому скоро познакомилась со всеми, но дружила больше с Леной и Ниной Лебедевными, а Зинаида Михайловна была всем за маму.

Не без происшествий и травм прошло учение: обожгла левую руку (наливала кипяток из колбы, не сняв ее с плитки, – вот давлением и выплеснуло жидкость на запястье) – Зинаида Михайловна быстро развязала халат и сунула мою руку в бутылку со спиртом: боль утихла, и все быстро зажило; при мытье стеклянной посуды порезалась не один раз – но и тут у Зинаиды Михайловны был свой опыт лечения.

И. Ю. Милова

Подруги зимой тоже голодали, были худенькие, слабенькие, как и я, но дружба поддерживала всех. Почти за полтора года на заводе я не помню ни одной ссоры, никаких сплетен, все мысли о будущем и рассказы о «до войны» были общими – это роднило работниц и в цехе (много было девушек из Белоруссии), и в «командах» (управления, пожарной, санитарной).

Старых рабочих почти не было: многие умерли зимой, многих подлечивали в стационаре при общежитии завода и эвакуировали. А из молодых девушек создали уже при мне новую команду – химическую. Начальником ее стала статная, строгая Тося Перкова, химик какого-то закрытого производства. Меня в марте назначили командиром звена химразведки и перевели на казарменное положение.

Начальник штаба МПВО Лазарь Моисеевич Виханский, заместитель директора завода, был добрым, чутким и заботливым человеком. Нам всем сшили ватные куртки из рыжеватой фланели на белой фланелевой подкладке, выдали резиновые сапоги, рукавицы; в спальнях было чистое белье и новые вишневые (тоже фланелевые) толстые одеяла. Так что после двенадцатичасовой ночной смены хорошо было уснуть до обеда – только бы не было тревоги! А по тревоге все бежали на свои посты.

«Химиков» стали учить: приходил старший лейтенант Сергей Воронов из химполка, стоявшего на Тележной улице. Местом нашего сбора был гараж, там оборудовали класс, где мы учились химразведке и работе в очаге поражения, изучали приборы и инвентарь. Звено химразведки и звено дегазации работали в единую смену, поэтому все занимались вместе. Сергей был строен, молод и похож на артиста Кадочникова – девочки влюблялись, а я подружилась с ним после того, как он прикрыл меня собой в

Моя блокада*

углу гаража, когда при бомбежке на нас свалилась крыша. После этого нашим сборным пунктом стало бомбоубежище под заводоуправлением: химиков берегли, особенно после того, как в Озерках немцы сбросили баллон с отравляющим веществом. Нас готовили серьезно: ждали химического нападения на город, не поддавшийся голоду и холоду.

По тревоге мы надевали комбинезоны, и противогаз был в положении «наготове» – через пять секунд готовы бежать в «очаг поражения». Тревоги были долгие, лето жаркое; за длительное нахождение в противоопридных комбинезонах тело не дышало, одежда пропитывалась потом. Хорошо еще, что работал душ.

Если Сергей был с нами, то старался развлечь: рассказывал много интересного. Он был уже инженер, окончил «Техноложку». Родом он был из деревни Галкино под Воронежем, в школу бегал босиком, отогревая ноги в шапке. В институте был Сталинским стипендиатом. Русский самородок, в двадцать восемь лет имел свои открытия в химии, был эрудитом в литературе и искусстве. За долгие часы тревог он пересказал нам (а в команде только я была после десяти классов) сюжеты «Войны и мира», «Что делать?», «Фауста», знал много наизусть из поэзии. Поэтому рассказы прерывал лишь отбой тревоги – «на следующий раз продолжение будет», и мы бежали на свои рабочие места.

После одной из тяжелых бомбежек я очень волновалась за маму (наблюдатели называли наш квартал) и попросила Сережу забежать в наш дом – живы ли?.. Он это сделал, познакомился с мамой и с КП позвонил на наше КП, что «все цело – держитесь!», о чем мне радостно сообщили телефонистки.

Сергей был женат, но детей у них не было. Я была знакома с его Тоней. А он стал другом нашей семьи: пока я была на заводе, навещал маму и потом рассказывал, как они живут с Марой.

* Продолжение. Начало в № 1 (47) 2009 г.

Девочка, за зиму пережив смерти и страдания страха и голода, оставшись сиротой, хотела уехать к эвакуированной бабушке и дедушке, а там найти младшую сестренку, эвакуированную с детсадом в июле 41-го года. Мама и Лена устроили ее в детдом на Старорусской улице, где детей подкармливали весной, подлечивали и по Ладоге эвакуировали. Дома Мару было не спасти – голод довел ее до дистрофии. На саночках они отвезли ее в детдом, а потом и проводили (дети уехали на машинах в конце марта). Так Марианна Фердинандовна Губет, дочь «врага народа», расстрелянного в 40-м году и реабилитированного в 56-м, попала в четырнадцать лет в ремесленное училище, стала токарем. Сестру не нашла: Инга была вывезена четырехлетней, и, видимо, полное имя ее потерялось (Ингеборн Фогелевич). Однако после войны девушка нашла нас и приезжала к Маре, уже имея двух детей и мужа, но жить осталась в Воронеже. Дед Мары (бухгалтер Елисеевского магазина) внучек не искал, а когда Мара разыскала их с бабушкой в эвакуации, отказался принять внучку в семью... Отношения стариков с Люсей Нефедовой были натянутыми из-за внучек от разных отцов. Поэтому Люся дорожила маминой дружбой и умерла возле нас. Мара вернулась с заводом в Ленинград после блокады, вышла замуж за рабочего-металлиста Коротина, родила двоих детей. Мы помогли ей, она – нам. Мама была ее второй матерью.

В конце марта уже пригревало солнышко, а город был в холмах и глыбах льда, снега и нечистот, скопившихся вдоль домов (у оставшихся живых не было сил вынести отходы подальше, многие выбрасывали их прямо из окон...). Угрожала возможность эпидемий. Но клич «Все на очистку города!» поднял с постелей «жителей», собрал бойцов МПВО и рабочих-служащих предприятий, выжившие в адскую зиму весной становились тружениками блокады: любая работа, лишь бы не иждивенческая карточка! Однако населения заметно убавилось: через зимнюю и летнюю Ладогу до ноября 42-го года было вывезено около пятисот тысяч человек и примерно столько же умерло от голода и погибло под бомбами и снарядами.

На заводе в марте уже все было вычищено и приведено в порядок.

Тося Перкова стала начальником работавшего круглосуточно закрытого цеха «горючки» (противотанковые бутылки с горючей смесью, благо тарой был завален хоздвор). Поэтому с осени я стала начальником химкоманды, передав химразведку своей помощнице. В один из выходных в конце марта я пришла домой к маме. Она была уже одна, но ходила и обслуживала себя сама. Повернув на Конную, я увидела группки людей, копошившихся на завалах снега и льда. Это живые из домов 148 и 150 откапывали завалы вдоль ограды дворового садика. Смотрю – и мама тюкает ломиком, и Екатерина Ивановна Чиркова, и «хроменькая Тося», соседка Соколовых, а во главе – наши дворники Байковы, Ибрагим и его жена Айша. Я тоже подключилась к ним. Кто сильнее – откапывал глыбу, другие наваливали ее на фанеру, а «тройки» везли на Конную, откуда снег вывозили машины.

Слышу – зовут:
– Ирэночка! Иди сюда!

Подошла и вижу: в прозрачной глыбе запеленутый трупик младенца... Мы подняли глыбу и отнесли к тем, кого складывали у ограды, откуда увозили на Пискаревку (это название звучало чаще, хотя хоронили и в Лавре, и на Волковом, и на других кладбищах в братских могилах).

В тот день мама познакомилась с Ольгой Яковлевой, вдовой морского капитана. Еще до войны мы любовались из окна, как красавец-моряк вечером при свете фонарей катал на саночках в нашем садике вокруг фонтана закутанную в шубку жену... Полудистрофик Ольга Алексеевна работала в паре с мамой, потом мы отогревались чаем в нашей кухоньке и «лакомились» тем, что я скопила от столовой, и мама – из столовой на углу Гончарной и Невского, куда ее водила Лена.

Ольга Алексеевна рассказала, что дома у нее в квартире 81 – мама Мария Николаевна Гусакова, сестра Елена, научный работник Института литературы на Тучковой набережной, – на казарменном. Брат Саша – генерал-артиллерист, но писем и вестей от него пока нет, хотя имя мелькает в сводках Информбюро. Словом, заботы у них с мамой были одинаковые.

Так эта замечательная семья стала нашими хорошими друзьями, а в 56-м, когда Ольга и Елена схоронили маму, а Александр стал начальником ЛАУ на Литейном и имел свою квартиру, Ольга Алексеевна предложила нам поменяться квартирами (наша была гораздо меньше). И мы переехали. И дружили до последнего часа...

Весной Екатерина Ивановна Чиркова устроилась бухгалтером в ИРЖУ.

Энергичная, боевая, авторитет нашего двора (от двух тысяч жильцов осталось человек шестьдесят, все уже знали друг друга), она помогала устраивать людей на работу. Маму устроили секретарем к начальнику РЖУ Виктору Богдановичу Матизену. А мама уговорила Олю стать уборщицей в нашем доме (с рабочей карточкой). Новая «уборщица» вставала в пять утра, надевала перчатки, фартук, и к восьми утра все лестницы дома 150 сверкали чистотой, как и весь двор, и улицы города, освобожденные от снега, грязи и осколков. После обстрелов и бомбежек следы разрушений быстро ликвидировали дворники, жильцы и бойцы ПВО – дружинники, как их тогда называли. От злости немцы бросали листовки: «Ленинград мне не нужен: в нем остались только бочки с песком да бабы со свистком!».

Бывали минуты и часы затишья, солнца, хотелось жить и работать. Детей почти не было во дворах: их и стариков старались вывозить в первую очередь, так как матери и бабушки, спасая детей, отдавали им последнее и становились новой бедой города – немощными дистрофиками.

В свободные дни нас посылали в обход квартир: нет ли детей и покойников. Последних выносили на улицу, а живых детей отогревали и передавали в санчасть, оттуда – в детские больницы. Малышам клали записку с адресом – откуда взят, как зовут. Чаще – без имени... Эти картины потрясали...

Но еще страшнее было, когда в апреле начали возить на машине на захоронения. Привыкшие зимой к голодным смертям, сами равнодушно ожидавшие смерти, девушки очень страдали, когда на огромном поле видели штабеля трупов. Гудел мощный экскаватор, отрывая огромные ямы, куда стаскивали покойни-

ков, зацепляя пожарными баграми смерзшиеся тела... Наполнялся ров, экскаватор рыл новый рядом, а землю пересыпал в заполненный... Так было на Пискаревке. Я была там только один раз, другие – не раз. Никто не обсуждал того, что видел и делал. В команде только слышались тихий плач да позывы тошноты...

Ленинградцы убрали всех. Эпидемий не было. Да и, как ни странно, хронических больных почти не было: голодом вылечило многих! Но вот женщины, пережившие дистрофию, два-три года не заботились о функциях женского организма – месячных у большинства не было, чему мы радовались... Когда я, родив дочь в мае 46-го, не имела грудного молока, как только меня ни лечили, пока в Военно-медицинской академии профессор Фигурнов не сказал:

– Что вы делаете? Это же бывшие блокадные дистрофики! Грудные железы развиваются именно до двадцати лет, когда их организм не функционирует...

Так обеих моих дочерей вырастила корова Чернушка, ее хозяйка-молочница торговала на Конном рынке молоком с жирностью 5,0–5,2%, а у кого было 4 – считалось «снятое» молоко. Вот какие были после войны сознательные коровницы-коровы!

Весной все ждали: пустят трамвай, отоплеются трубы водопровода и фановые – вот будет первый свет Победы! Мама говорила, что к пуску нашего 24-го трамвая участковый милиционер Ваня будил жильцов в четыре-пять утра на расчистку рельсов от выпавшего снега – на помощь дворникам. В один из выходных я выскочила на Невский у Лавры и доехала на 24-м до Полтавской – прямо до нашего дома! И правда, люди сияли от радости, а старушки крестились.

Отравляли жизнь усилившиеся обстрелы. Однажды мы с мамой только вышли из кухни – в садик ахнул снаряд, потолок и стены исковыряло осколками, легко пробившими фанеру и стекло... Снарядом снесло угол флигеля (на Тележный переулочек) в нескольких метрах от маминого окна – как раз напротив... К счастью, ее не было дома. Влетел снаряд в дом 1/2 по Конной, рухнула стена... Вокруг не было непострадавших домов, и возле 2-й ГЭС

Ирэн Милова. 1944 г.

сыпались бомбы и снаряды. Прятаться в обстрел научились, а бомбы рушили дом за домом... Словом, нас с мамой чудом миновали осколки и бомбы, хотя много раз смерть была рядом. Видимо, наша мамаина мама, бабуля Надя, истово молилась за нас в Челябинске...

На заводе создавался новый цех – дрожжевой. Инженер Башилов, слесарь Ваня Житков руководили установкой в бывшем цехе розлива огромных чанов-бочек по четырнадцать кубов, их было четыре. Подводили к ним многоколенчатые коммуникации, лесенки. А в транспортном цехе на втором этаже установили два автоклава, в первом этаже под ними – два диффузора (опять чаны-бочки по четырнадцать кубов). В автоклав засыпали опилки, заливали трехпроцентной серной кислотой и варили под давлением в несколько атмосфер. Потом откачивали «сусло» в чаны, спускали пар, от чего в замерзшем цехе образовывались сосульки, а в парном тумане общаться было можно, только почти ползая по полу, а опилки «выстреливали» в диффузор.

Наконец, меня послали в Московский район за дрожжевой культурой – почти на передовую... Район был под обстрелом, но ранним утром немцы еще спали, и я поехала с первым трамваем.

Вот и Невский! Как он пустын и прекрасен, и дома целы и строги, но приглядевшись, поняла,

что на солнечной, четной, стороне развалины и пробоины закрыты где фанерой, где сетью, где полотном и подрисованы, будто их не тронула война, как в сказке!

Это вдохнуло в меня бодрость: надо выполнять поручение. Перебежками пробиралась к заводу за тремя килограммами дрожжевой культуры, а обратно – где вдоль домов, где в канаве, ползком и бегом, выбралась к трамваю и, счастливая, сдала в лабораторию бесценный груз. Маме не сказала, что ездила «на передовую».

Химики Локтевы и Лебедевы запустили производство под технологическим руководством Башилова. Меня назначили бригадиром, дали семнадцать девушек и поставили на разгрузку диффузоров от опилок.

По многочисленным сборным коммуникациям (из опилок вываривали сусло с 3,5% сахара) заливали дрожжи суслом и теплой водой, продували воздуходувкой, и они росли, росли... Нарастивался выход с чана до 200–250 кг. Это было большое подспорье для дрожжевых супов в больницах и столовых нашего Смольнинского района.

Девушки и я по двенадцать часов разгружали опилки, разливали из железной бочки серную кислоту в ведра и, разведя водой, заливали в автоклавы. Концентрированная кислота дымила, мы кашляли, но в страхе за безопасность я всегда сама руководила этой работой, носила анализы в лабораторию.

Когда разгрузят диффузор, а другой не готов к разгрузке, девчата укладывались на еще теплую ленту конвейера и засыпали от слабости и усталости. Бывало, что я их не могла разбудить ночью, тогда помогал Ваня своим веселым голосом с крепким словом.

Научилась и я «командному голосу». Когда приходила домой, громкая, бойкая, мама огорчалась: «Огрубела ты, Ирэночка!». Что курила, я скрывала. А как не курить, особенно ночью, когда хочется есть и спать? А папиросы нам выдавали по номерным талонам продкарточек, которые оставались после выреза в столовой талонов за месяц: «крупы», «масла», «мяса» и половины «сахара». Свои 300 г конфет я приносила домой, копила половину хлеба к выходному и кое-

что из столовой: масло, шпик, сыр, что давали по кусочку 5–10 г, но каждый день.

Освоив свою работу, к концу года я уже смогла подменить начальника гидролизного цеха Башилова, когда он болел, а потом стала сменным мастером на гидролизе и умела сама сделать анализ сула.

Однажды ночью принесла анализ в лабораторию, вижу – спит Зинаида Михайловна, наша «мама», положив голову на руки за столом. Жалко стало ее будить. Сделаю сама! Взяла сегнетовую соль, втянула в пипетку-трубочку, но слишком сильно – прямо в рот... Закричала и выплюнула вместе с кожей обожженного языка. Зинаида Михайловна вскочила, что-то влила мне в рот, а я стою, наклонясь, – изо рта капает кровь. Зинаида Михайловна схватила свой кусочек масла и сует мне его в рот, я мотаю головой, зажалась рукой, а она кричит: «Бери!!!». Ведь это масло, ее масло, как взять?! Но она все-таки скормила его мне маленькими кусочками. Санчасть – три дня. Неделю только пила, но зажило. Домой не ходила, потом уж маме рассказала. Урок пошел впрок – больше уже не ошибалась, когда заменяла заболевшего сменного химика, – сама умела все сделать.

Летом 42-го года нас измучили учения «химиков» по поиску-разведке отравляющих веществ и дегазации пораженных участков. После ночной смены перед следующей ночной сменой сна приходилось влезать в противоопритные костюмы, в противогазах проводить разведку и дегазацию очага. Учения были на хоздворе, вокруг – асфальт и жара. Изматывали тяжелые РДП (ручной дегазационный прибор) и ВДП (возимый дегазационный прибор) – под солнцем, в полном снаряжении часа два-три... при командирах из штаба ГО района, которые охотно и часто проводили у нас учения, после чего удалялись с начальством в ковровый кабинет директора в бомбоубежище. Жаль, что за пятьдесят лет после войны никто из них не вспомнил нашу заводскую команду МПВО, сделавшую немало для выпуска продукции, спасения от пожаров на заводе, да и для фронта и ленинградцев. Стеснялись названия «Ликероводочный завод»?

А мы после учений выливали пот из костюмов и бежали в душ.

Около меня всегда были работницы Клава Тихонова, Таня Андришина, Тося Егорова, Зина Мищенко, Нина Лебедева (но она осенью ушла в армию) и все «мои химики» из команды.

Однажды бежит Клава ко мне в цех и кричит:

– Ирэночка! На хоздворе лошадь сдохла – беги к Виханскому, пускай мяса на команду отпустят!

После моей просьбы два дня нас в столовой угощали котлетами и супом на мясном отваре.

Директор Бордуков держал марку образцового завода. Была на заводе парторг Валя Плетнева, рыжая стройная красавица. Секретарем комитета ВЛКСМ была Вера Смирнова. Начальник отдела кадров – Лидия Михайловна Знаменская. Все они были тоже на казарменном, но «команда управления» находилась в газобезопасности, и общаться нам не приходилось. Заходили они иногда на производство, но я не помню никаких собраний. Не до этого всем было. Зато любимым лектором-международником был полковник Добржинский, часто выступавший в нашем клубе и в городе.

Приближалось Первое мая. Весна!

Ко мне зашла в цех Вера Смирнова – узнала, что я мечтала стать артисткой, – и предложила:

– Приходи в клуб на четвертом этаже, мы готовим концерт к празднику. А может быть, съездим в 175-й подшефный полк, в Красный Бор, с подарками бойцам, с концертом.

Всей душой я откликнулась, сходила в клуб, меня там прослушали Валя и Вера и дали добро подготовить три-четыре стихотворения.

Поездка состоялась 30 апреля 43-го года.

Я пошла домой переодеться. Мама очень испугалась: «На фронт?!».

– Да нет, мамочка! Они же за Колпином в обороне стоят, мы им к Маю подарки отвезем, дадим концерт – и домой на машинах. Не волнуйся: фронтовики говорят, что у нас страшнее – все неожиданно, а там уже приспособились!

Весна была прохладная. Я ходила в своей кожанке, в сапожках, сшитых еще в десятом классе в военной мастерской (мне ежегодно шили по ноге сапожки, валенок у меня никогда не было, а на туфли

надевала галоши или ботики). Была у меня синяя шерстяная юбка и несколько кофточек. Я надела красненькую шерстяную, на голову – берет, волосы подвязала бантиками с двух сторон и, поцеловав маму, побежала.

На заводе погрузились мы в крытый грузовик с ящиками бутылок, посылок, с коробками. «Агитбригада» была шесть человек: я – чтец своих и чужих стихов, Фатима Байрашевская, маленькая изящная татарка с огромными карими глазами, – отличная танцовщица, девушка Лида с аккордеоном и три певуны из сандружины. Наше начальство: Валя Плетнева, Вера Смирнова, их подруга, инженер с уксусного завода Катя и Лидия Михайловна Знаменская – ехало впереди нас на «виллисе».

Это я для мамы придумала, что ехать безопасно – страху мы натерпелись достаточно! Военные шоферы были опытные: умело гнали машины в интервалах между обстрелами, под прикрытием железнодорожной насыпи, а мы тряслись на нашем горюче-взрывном грузе и молили Бога, чтобы снаряды нас миновали.

Рыбацкое, Колпино – все изрыто, разбито, но живет, дымит, борется. К вечеру прибыли в полк, в Красный Бор, но ни леса, ни домов – только жиденькие редкие хлысты обглоданных осколками деревьев да земля, смешанная со снегом, изрытая воронками...

Нас встретили офицеры и повели в «клуб» – это была длинная землянка с накатами, примерно семь на три метра, в ней вдоль стоял стол и по бокам сплошные скамьи. Тут 30 апреля и прошел мой первый радостный блокадный праздник!

Народу набилось впритир, даже соседние летчики просочились. Было торжественно и весело: в тесноте да не в обиде!

Угощение было из офицерских допайков – хлеб, сало, тушенка, сыр, чай. Вино – наш подарок. Поздравляли, выступали, пели о Ленинграде, про Дружбу, про Синий платочек, читали стихи, а один грузин, тесно зажатый на скамье, с финкой в зубах изображал танец-лезгинку! Ас-с-а!

Для вентиляции из землянки под углом в тридцать градусов шла широкая труба – из нее доносился

гул летящих снарядов и взрывов: немцы были рядом, в трехстах метрах. Шел обстрел Ленинграда, Ижор, Колпино.

Рядом со мной сидел милый капитан Алексеев, на моей коробке «Казбека» он написал номер своей полевой почты и просил писать, так как потерял всех родных и тоскует...

Ночевали мы в тесных землянках девушек-радисток. Наутро мы должны были пойти к бойцам на батарее. Мне досталось идти с самим командиром полка Загорским на дальнюю батарею.

Утро было ясное, теплое, я оставила кожанку в землянке, и только под свист снарядов над головой поняла, что моя кофта, как флаг, и иду я на передовую, как мишень...

Полковник, как Петр I, шагал не пригибаясь, а я на каждый свист «нырля» в воронку...

– Шеф! Где ты? – оборачивался он. – Вылезай – это не в нас, завод ружат...

И я старалась не бояться и жала к нему.

Батарея построилась, командир был... капитан Алексеев. Знаменский поздравил всех с Первым мая, троим вручил награды, а я раздала подарки, которые ночью перенесли на батарею. Потом присели у низких землянок и я читала стихотворение Васильева о девушке, угнанной в плен, о детях в госпитале и кончила стихотворением Маргариты Алигер «Бойцу»:

Пусть ни разу не дрогнет
твоя рука,
Человек,
осененный лучом штыка!
Вспомни все,
что любимо тобой,
Перед тем,
как выходишь в бой!

У пожилых бойцов блестели слезы, а комбат Алексеев скомандовал:

– Гостью – в землянку. Батарея, к бою! За муки и гибель матерей, жен и детей смерть немецким оккупантам!

Девушки втащили меня в землянку, раздался залп, потом – ответный от немцев. Сыпалась земля, качало накат – и стихло...

– Можно вылезать! – сказала связистка, и вот мы уже жмуримся на солнышке, вдыхая горький воздух разрывов.

Стали прощаться, а мимо нас на носилках, прикрытого плащ-палаткой, несли раненого. Когда поравнялись, я увидела белое лицо капитана Алексеева, наши взгляды встретились, и он проговорил:

– Адрес больше не нужен, шеф!...

Его уносили, а мы с радисткой застыли, только слезы сами текли из глаз.

Когда мы все собрались у «клуба», нас засыпали цветами весны, благодарили, приглашали еще приехать.

Обратный путь, говорят, легче, а я всю дорогу думала о случившемся: нужен ли был этот дуэльный выстрел?! И до сих пор меня мучает совесть, что мои стихи так дорого обошлись капитану Алексееву, о судьбе которого я так ни от кого ничего и не узнала (раненых сразу увозили в сторону Ладоги – и в тыл, если были живы...).

После этой поездки я как-то повзрослела, посерьезнела: из сердца не уходили боль и страх за тех, кто на фронте отдает молодость и жизнь... Мы-то дома, среди родных и друзей – нам легче, поэтому мы все преодолеем и победим.

Лето 42-го года вселяло надежды на Победу. Дорога Жизни связывала нас с Родиной, шли грузы: к нам продукты – от нас боеприпасы и военная техника, уезжали ослабевшие и дети. К осени в Ленинграде почти не было неработающих – все, чем могли, помогли фронту.

Пуск трамвая, открытие столовых и переход большинства на «рацион», из кранов потекла вода! В домах заработали прачечные – люди отмылись, перестирали все, привели жилье в порядок – это было счастьем.

Летом по решению Горкома началась заготовка дров на зиму. Каждый ленинградец был обязан заготовить четыре кубометра: два – городу, два – себе (выдавали ордер на получение). Широко использовался торф, девушки-«торфушки» трудились, не жалея себя.

Нас с завода возил на машинах Ваня Житков «на дрова» на Пискаревку. Там стояли аккуратенькие дачи с занавесками и замками на дверях, де-ре-вян-ные! Их нужно было ломать... Мы ездили бригадой гидролизников. Нам достался одноэтажный свежеевыкрашенный

домик. Сначала отрывали, что полегче: косяки, крыльцо, ступеньки. Вещи полагалось сдать – это сделали до нас. А как ломать?! Опять же Ваня научил: давайте с крыши, а то может придавить, такое бывало. Так понемногу – крыша, стропила, доски, переборки. Заготовки аккуратно укладывались, их обмеряли и записывали результат. Когда норма была выполнена, давали ордера на два кубометра для себя.

К осени завод активно начал снабжать фронт «горючкой». Из закрытого цеха конвейер подавал ящики с готовыми бутылками, которые сдавали прямо на военные машины в хоздворе.

Бутылки были разные. Одни сразу были запечатаны с воспламеняющей капсулой. Но капсул было мало, поэтому использовали спички и терку. На бутылку надевали два резиновых кольца. С одной стороны зажималась терка (как на обычном коробке, только большего размера), а с другой – «спичка», сантиметров пятнадцать длиной, покрытая серой сантиметров на десять. Боец должен вытащить терку, взять бутылку за горлышко и закрепленной «вниз головой» спичкой чиркнуть – воспламенить спичку и бросать в танк. Огонь разбитой бутылки не погасить!

Спички получали в ящиках, завернутые в пергамент. Прежде чем передать их в цех, проводился анализ горения в лаборатории. Однажды химик Валя неслла две спички на анализ, сняв пергамент. Они от трения загорелись на ее ладони... Бросить нельзя – прожгут не один этаж. Валя кинулась к вытяжному шкафу – донесла! Пожара не случилось, а руку прожгло насквозь...

Много было переживаний, которые учили осторожности и вниманию.

В один из солнечных дней Зина отпустила дочку Ниночку сходить домой, посмотреть, цела ли их квартира. По пути девочка подобрала «карандашик», дома взяла ножик и хотела его почистить. А это был взрыватель – девочка погибла, успев выскочить на площадку с разорванным животом... Эта смерть потрясла нас всех, а Зина несколько дней сидела в команде на постели и баюкала Ниночкин пальчик, завернутый в носовой платок...

Тося Егорова тоже отпросилась сходить домой и не вернулась. Стали

искать. Ее останки нашли в мешке в кухне. Девушку убили полубезумные соседи-людоеды. Их арестовали, а Тоси, нашей бойкой подруги, не стало. Да, было и такое...

Поспав после ночной смены, мы в «спокойные» дни ходили в наш госпиталь на Невском, 176. Сейчас там красивые длинные коридоры, кабинеты с деревянной обшивкой, а тогда за белыми дверями были сплошь на втором этаже палаты. «Моя» была в конце коридора слева – солдатская. Войдешь, поздороваешься, а раненые торопят:

– Сестрица! Банку! Да не эту, а трехлитровую!

Схватишь в обе руки полные банки из-под коек – и бегом в туалет и обратно, туда и обратно. Поправишь постели, поможешь, письмо напишешь, поговоришь.

Посреди палаты лежал фельдшер Колесников, лежал на животе, так как прикрытая марлей рана на лопатках «дышала», булькала... Мучился он страшно, ругался на сестер, а когда я подходила, только скрипел зубами: «Уйди, девчонка!!!»

У окна лежал совсем мальчик Вася, снайпер был ранен в ключицу и легкие. И было ему всего восемнадцать лет. Когда я подходила к нему, он просил:

– Посиди со мной, сестренка! Какая ты красивая, добрая! Потерпи, не плачь. Вот кончится война, приезжай к нам на Кубань. У меня два дома: в одном живем, в другом – зерно. Я ведь уже трактористом был! Мы тебе жениха найдем мирового!

Умер Вася при мне...

Зимой в палатах было темно, в тревоги, кто мог, шел и полз в бомбоубежище в подвал: в городе им было страшнее, чем на фронте.

Часа два-три в госпитале проходили быстро: поможешь нянечкам, сестрам, бинты снимали перед перевязкой, сматывали чистые – и опять на завод, в свою команду, благо хода – десять минут.

В декабре 42-го я обварила левую руку, очень болело, поэтому я попросилась работать на улице с Леной Лебедевой – сдавать горючку. На холоде – легче. И правой рукой бросала пробную бутылку в кирпичную стену, чтобы приемщик-военный видел, что это страшное оружие. В стене даже кирпич горел; когда темнело, закидывали стену песком.

Работа в гидролизном с серной кислотой дорого мне обошлась. Сначала кашляла, как все, от ее паров, а однажды кашлянула – кровь полилась на халат. И под Новый год меня врач отпустил на недельку домой – подлечиться.

В 4-м тубдиспансере я попала к хорошему доктору Работиной. Она определила у меня рану в левом легком – ожог кислотой, но диагноз туберкулез не подтвердился. Два дня я полежала там. Девушки пели:

Подружка моя,
У меня каверна –
Нынче раннее весной
Я помру, наверно...

Работина меня выписала домой, так как «режим питания, труда и отдыха» мог помочь залечить легкое. Мама, конечно, была в ужасе: как и чем помочь, а заживет ли? Ей уже мерещилась скоротечная чахотка.

Но в девятнадцать лет бодрости я не теряла: голод пережили, пройдет и эта болячка! Зато в Новый, 1943 год буду дома, с мамой.

Оставшись одна, мама на зиму закрыла двери в комнаты одеялами, поставила себе кровать в прихожей – рядом кухня с плитой, которую она уже протапливала дровами (два мои и два кубометра мамы привезла Лена осенью, мы с ней пилили, кололи и уложили в подвал, где у нас были дровяные сараи, в которых мы прятались в сентябре 41-го от бомб). Было в «квартире» тепло, лилась холодная вода, внизу в доме работала прачечная – все было перестирано. У закрытой двери стоял стол под белой скатертью с вышитой мамой дорожкой с фиалками.

Я принесла с завода ветку хвои с шишками. Мы укрепили ее над столом, на антресолях в коробке с елочными игрушками нашли огарок свечи и белый железный детский пистолетик с пистонами. Как раз к Новому году!

Мне пришлось в голову под пистончик подложить ватку. Выстрел – она вспыхнула. Вот и огонь вместо спичек! А спичек нам давали мало, «книжечки» очень быстро сгорали. Вот я и стала добывать огонь пистолетиком. Заготовлю на плите бумагу, выстрелю и подожгу ее горящей ваткой, а там – в печку.

Ночные обстрелы и тревоги заставляли бросать домашний уют и уходить на ночь спать в газоубежище на свой матрац от дивана.

Наш дом стоял вдоль обстрела, и мы верили, что там безопасно.

В эту новогоднюю ночь мы тоже ушли туда по тревоге, а гости – Ольга Алексеевна, Екатерина Ивановна Чиркова и Сережа Воронов, попив с нами чаю, тоже разошлись. Сергей побежал в полк, на углу Харьковской и Тележной попал под бомбежку. Сорванной крышей его прижало к цоколю дома, помяло, но остался жив. От него мы знали, что готовится наступление Волховского фронта, да и машины усиленно везли боеприпасы и наши бутылки с горючкой.

Немного поправившись, я вернулась на завод, так как мама работала, а одной сидеть не хотелось. И вот в середине января я выпускала из пресса дрожжи (освоила и этот участок), слышу шум – бегут девушки и со слезами кричат:

– Победа! Победа! Блокада прорвана! Сейчас офицеры за горючкой приезжали, сказали, что наши и волховские войска соединились!

Мы обнимались, целовались и верили, что скоро война кончится. Но конец был еще далеко, впереди были многие жертвы и испытания. И все-таки жить стало легче: уже приходили письма, открывались магазины и парикмахерские, работали бани. Папа после освобождения Калининграда попал в Сталинград и (уже генерал) в 44-м руководил разминированием города, восстановлением мостов и железной дороги. Сестра Рита возила раненых в поезде с красным крестом, стала хирургом, рейсы были Украина–Урал под бомбами и снарядами...

В середине января 43-го меня вызвал Виханский, узнав о моем нездоровье, что лечусь в тубдиспансере, отдал приказ о моем переводе с работы в цехах на должность помощника начальника штаба гражданской обороны завода. Я стала его помощницей. Жалко было расставаться с девушками, и я осталась жить в команде – ведь все равно с казарменного положения меня не сняли.

По должности я вела документацию, работала с командой управления и НП – наблюдательным постом, который был установлен на крыше заводоуправления. Сооружение это было «избушкой на четырех куриных ножках», с круговым обзором. Забираться туда нужно было

по винтовой лестнице, что особенно тяжело было зимой. Наблюдатели были тоже девочки не старше меня, дежурили по графику, надевали тулуп и, уходя, прощались: ударь снаряд рядом – быть бы нашей будке в Неве или вообще уже не быть. Но миновало!

43-й год – год затяжных обстрелов, и часто донесения сверху по телефону были со слезами – снаряды рвали район безжалостно. Но никто ни разу не бросил своего дежурства, а из штаба сведения передавались в штаб ГО района.

По тревоге я обходила посты команд. Особенно доставалось пожарникам. Их возглавлял Петя Аграшенков, вернувшийся по ранению с фронта. Было много зажигалок, но пожара на заводе не допустили.

Здоровье не улучшалось – я температурила.

Мама уже работала не секретарем, а старшим инспектором жилищного отдела. Начальником его была Елена Матвеевна Тенякова. Однажды в мае мама носила документы на подпись Борисову (заместителю председателя исполкома), он заметил, что она плохо выглядит, заинтересовался, что с ней. Она рассказала о моей болезни. Он посочувствовал и предложил перевести меня по состоянию здоровья в жилотдел инспектором. Мама посоветовалась с врачом, и та сказала, что это – лучший выход.

И вот в конце мая на завод пришел приказ: «По состоянию здоровья освободить от занимаемой должности и перевести на работу в жилотдел Смольнинского района...».

В последний день моей заводской работы в клубе был вечер. Рядом на Неве стоял корабль. Было затишье, и морячков отпустили на завод повеселиться. Весна и молодость брали свое: танцевали, пели, смеялись в эту тихую белую ночь.

Я решила, что уйду завтра утром, проводив подруг на работу. Но Петя Аграшенков, назначенный вместо меня помощником начальника штаба ГО, уговорил уйти после вечера:

– Девчатам надо отдохнуть перед сменой, и ты спокойно дома в своем подвале выспишься, да и мама тебя ждет! Чего тянуть? Дела я принял.

Меня проводили до проспекта Бакунина, распрощались, и я ушла домой. Мама от радости поплакала. Попили чаю и ушли спать в газоубежище.

Ночью проснулись от грохота: шел опять тяжелый обстрел района, и я чувствовала, что бьют в район 2-й ГЭС, моста Петра I и завода...

На душе было беспокойно, и утром я сразу пошла на завод. В проходной девушки говорят:

– Иди сразу в клуб – там все ваши...

Вошла в зал и обмерла: посредине стояли одиннадцать гробов... Что? Кто? Где?..

Ночью снаряд попал в спиртподвал. Команда выскочила на борьбу с огнем. Петя командовал, помогал разматывать шланги. Не меняя прицела, немец послал еще один снаряд – в самую гущу людей...

Десять девушек были убиты, а от Петра Аграшенкова нашли голову... Среди погибших были Таня Андриюшина и Клава Тихонова, да и все девочки были моя военная семья... Если бы я не ушла вчера, сегодня и меня тоже уже не было бы: как и они, я выбежала бы им на помощь... Миновала смерть и на этот раз.

С тяжелым сердцем уходила я с завода, со слезами простившись с живыми и мертвыми, с кем делила горе и радости, голод, холод, подчас непосильный труд. Простилась с коллективом, где из маминой дочки выросла в бойца и руководителя; простилась с заводом, где была сделана первая запись в моей трудовой книжке. Когда позже на заводе вручали медали «За оборону Ленинграда», пригласили и меня на праздник. Среди друзей и подруг и я была награждена в нашем клубе этой драгоценной медалью № 21258-Г 21 августа 1943 года.

В первую ночь не спалось, хотя рядом была мама и не было обстрела. Думы обуревали: перебирала все, пережитое за два почти года войны. Замирало сердце при мысли, что весна не принесла победы, идет «смертный бой не ради славы – ради жизни на земле»... Каждый день уносит тысячи жизней дорогих кому-то людей. Вспоминала ленинградских, казанских, ростовских одноклассников, подруг-фронтовиков – Тосю Соколову, Валю Парадовскую, Лену Никифорову – где-то они все,

где наши мальчишки?! Минуйте их пули и смерть!

Наутро я вместе с мамой вышла на работу в РЖУ на 2-й Советской, 27.

Начальник Виктор Богданович Матизен побеседовал со мной, рассказал, как ответственно участвовать в расселении жителей из разбитых домов и квартир.

– Я надеюсь, что работа на воздухе и питание в столовой (на углу Невского и Дегтярной – «десятка»), отдых дома и забота мамы быстро поставят тебя на ноги. Работай так же хорошо, как твоя мама! – и этот на вид суровый человек так ласково улыбнулся сквозь толстые стекла очков, что я уже не боялась встречи с новым коллективом, которым руководил этот надежный человек в полувоенной форме.

V. По мере сил до Победы!

Запомни ж все.

Пускай навеки память

До мелочи, до капли сохраним

Все, чем ты жила,

что говорил с друзьями,

Все, что видал,

что думал в эти дни.

Все впитывай в себя,

всему внимли...

Ольга Берггольц

Конец мая 1943 года. Над городом немеркнувшие белые ночи под аккомпанемент канонады. Но в ту ночь в Смольнинском районе было тихо, и мы с мамой хорошо выспались в нашем уголке в газоубежище.

Поднялись домой, привели себя в порядок, позавтракали жиденькой пшенной кашей, попили чайку и вместе пошли на работу – в жилищный отдел Смольнинского РЖУ, которое располагалось в доме 27 по 2-й Советской, в первом этаже, напротив 5-й поликлиники.

Нас встретила обаятельная женщина Елена Матвеевна Тенякова, начальник жилотдела. Она познакомила меня с инспектором Асей Дремлюк и поручила ей помочь мне освоить новую профессию – инспектор по расселению ленинградцев, оставшихся без крова, а часто и без родных...

В наши обязанности входило обследование мест, подлежащих расселению, и составление актов, оформление документов пострадав-

ших. Ежедневно в жилотделе мы получали каждая до двадцати заявлений. Ася предложила поделить наш район пополам и поочередно бывать то в одной стороне – от РЖУ до Смольного, то в другой половине – от Московского вокзала до Лавры. По заявлению необходимо было проверить прописку у паспортистки, поговорить с управхозом, выяснить наличие квартир, куда можно вселять, нет ли в них прописанных фронтовиков. В основном это были квартиры умерших, а при особой нужде – и эвакуированных. В отделе у Елены Матвеевны Теняковой были списки фонда заселения, но проверять на месте указанные ею адреса было обязательно.

Вселением занимался отдел имущества, которым заведовала Анна Оттовна Совкова, безукоризненно справедливая, немного замкнутая, но человечная женщина. У нее тоже были два инспектора – Шура Карпова и Ляля Брыскина, обязанностью которых было присутствие при вскрытии комнат управхозом на основании ордера жилотдела. Делалась опись оставшегося имущества, по акту сдавали новым жильцам необходимое, ведь чаще новые жильцы приходили без вещей и одежды, не говоря уж о мебели.

Конечно, поселившись, новые жильцы пользовались оставшимися вещами. Для эвакуированных, тоже разоренных и обнищавших, по возвращении в Ленинград было трагедией видеть это, а иногда и бороться за свою площадь... отсюда начала рождаться неприязнь «жителей» к «блокадникам», которые после снятия блокады уже пришли в нормальный вид, питание в столовых оживило лица и фигуры, издерганных и растерянных эвакуированных раздражал вид людей и города, обретавшего прежнюю красоту в 45-м году...

И вот в первый же рабочий день я, забрав заявления, ушла на Советские улицы. Мама помахала мне рукой с крыльца РЖУ. Солнце заливало весенний город, и казалось, что война где-то далеко; так странно было идти в летнем платье, стучать каблучками туфель, подаренных папой к выпускному вечеру.

Впереди по теневой стороне, держась за руки, вприпрыжку бежали мальчик и девочка, белоголовые, чистенькие. Вот уже скоро Суво-

ровский проспект, и вдруг... дикий вой бомбы! Я метнулась в открытое парадное... Взрыв! Грохот!!! Тишина... Это была одиночная авиабомба с самолета-разведчика. Переждав тишину – сигнала тревоги нет, я вышла из подъезда прямо в объятия мамы. Она бежала в ужасе, решив, что я погибла...

Там, где был фуражный магазин, – пустота, на тротуаре – огромная воронка. Скорая. Пожарные. Мы подошли ближе, и я увидела матросский детский воротничок с якорьком... Дети... Дети погибли...

Меня это потрясло. Когда всем было плохо в 41–42-м году, мы видели другую смерть и, спрятав свою боль, зашивали покойников, собирали мертвых, спасали живых, отыскивали детей. А сейчас – блокада прорвана, брезжит Победа, а вот так гибнут спасенные дети... Ненависть к немцам жгла сердце.

Поцеловав маму, я пошла по району помогать выживать тем, кто уцелел.

И так ежедневно все лето и осень, когда город зверски обстреливали, я шла по району, в тревоги отсиживалась в бомбоубежищах – изучила всю территорию Смольнинского района от чердаков до подвалов. А после войны за двадцать пять лет службы в народном образовании (учитель, завуч, инспектор школ РОНО, директор школы) и среди населения узнала многих. Множество людей и судеб прошло передо мной за время работы в жилотделе. Тяжко было видеть, когда приходили люди вторично, потеряв уже полученный кров.

Запала в душу пара молодых: шофер Толя с лицом Христа и его белокурая куколка-жена. Им дали квартирку в доме 153 на Невском. Даже старик Олунин, управхоз, плакал, когда в их комнату влетел снаряд и Толя выносил погибшую жену... Я нашла ему комнату с балконом на углу Невского и Дегтярной, над столовой № 10. И уже после войны не раз он здоровался со мной с этого балкона.

Разбомбило дом Фатимы Байрашевской, химика нашего завода. Я помогла ей вселиться в комнату уехавшей Аси Бобковой (она решила не возвращаться в Ленинград, уехала в Армению).

Другом семьи стал подполковник Анатолий Львович Роненсон,

начальник связи дивизии РКК. До войны он жил с семьей на Невском, 162, но в квартиру попал снаряд, а я помогла ему найти квартиру в этом же доме, куда и вернулась его семья.

Кстати, в поисках жилья я увидела на углу Перекупного переулка в бельэтаже около провала стены запорошенное снегом пианино. Очень жаль мне его стало. Позвала маму, посмотрели мы его – целехонькое, красивое, с подсвечниками и сбоку «№ 7000 Музпрокат». Побежала мама в «Музпрокат», в 147-й дом на углу Невского и Ивашенцова. Там сидела одна женщина, которая очень удивилась посетительнице. Выслушав маму, она сразу дала разрешение на вывоз, если сможем. С помощью Лены Кирилловой и ее гостей, трех морячков, взяли санки музпроката, доски и с божьей помощью привезли инструмент домой. Это оказалось прекрасное пианино фирмы «Густав Фидлер». Мы оформили на него договор проката, и оно служило нам семнадцать лет, сначала за 10 рублей в месяц, потом за 25. Когда в трудные для семьи годы цена стала не по карману, пришлось со слезами с ним расстаться, хотя оно было нужно и маминной агитбригаде, и мне с друзьями. Позже у нас появилось свое пианино, но то, спасенное и восстановленное, никто из нас не забыл.

Работа в жилотделе действительно оздоровила меня за лето: движение, питание в столовой – трехразовое, «усиленное» (было такое для ослабленных и больных) – поддержали меня, кровохарканье прекратилось и температура пришла в норму. Но осень была сырая, ветреная и холодная, я простудилась и опять затемпературила. Однако молодость и бодрость брали свое.

По радио был объявлен прием молодежи в два института: ЛИСИ (инженерно-строительный) и ЛГПИ им. Герцена (педагогический). Войне еще нет конца, а город решил готовить строителей и учителей. Какое мудрое решение! Будем возрождать город и учить детей – будущих его граждан! И вот, находясь на больничном, я решила, что учитель – тоже артист, особенно литератор. Села на двадцать четвертый трамвай и поехала на Мойку, 48. В центральном корпусе шел прием документов – сдала аттестат и с 15

октября 1943 года стала студенткой вечернего отделения факультета русского языка и литературы.

Занятия проходили три, потом четыре раза в неделю с 18 часов. На наш факультет набралось около сотни студентов: учителя (с первого сентября 1943-го школы уже работали), инвалиды, раненые на излечении, работающие, которых отпускали с предприятий на два часа раньше.

Меня на работе перевели в жил-контору дома 111 счетоводом, понимали, что зимой на улице мне лучше по здоровью не работать. Управхоз Духан была милая женщина, она очень по-матерински относилась ко мне. Благодаря ей я не пропускала лекций и могла заниматься общественной работой в институте.

ЛГПИ им. А. И. Герцена был эвакуирован в Кыштым на Урал. В зданиях института разместились госпиталь № 1014 на две тысячи коек, но в январе 44-го в нем было около пяти тысяч раненых – свобода города Ленина добыта была ценой большой крови... Чтобы открыть институт, были отданы части второго и пятого корпусов и третий корпус. В них разместились шесть факультетов: русского языка и литературы, физмат, географический, химико-биологический, исторический и иностранных языков. В институт пришли ученые из Университета и разных институтов, пережившие 41–42-й годы, истощенные, больные, но горящие желанием дать знания студентам-энтузиастам. Училось около тысячи человек, и это были ленинградцы!

Весь 43-й год и до 22 января 44-го шли бешеные артобстрелы города на поражение и уничтожение людей. Трамвайные пути и остановки были пристреляны, поэтому на Невском транспорт останавливался «по требованию». Я ездила на двадцать четвертом, в нем всегда набиралось несколько студентов, мы горланили песни, чтоб не было страшно, а трамвай мчался. Потом у Строгановского дворца вожатая кричала: «Готовься!», притормаживала, и мы сыпались горохом в снег, а потом бегом под стенами в свой корпус. Только за 43-й год 2486 раз объявляли артобстрел по радио. Более сорока снарядов разорвалось на территории института, разрушая крыши, стены, окна, парк... Послед-

ний авианалет на город был в январе 43-го, но артобстрелы были страшнее. За блокаду на город упало 107 158 бомб и разорвалось 148 478 снарядов... Так что героизм измеряется не четырьмя месяцами нахождения в блокаде, а сроком от первой бомбы до последнего снаряда!

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память –
наша совесть,
Она, как сила, нам нужна!...

Согласна с поэтом С. Вороновым, с О. Берггольц, с В. Инбер, с Н. Тихоновым, с молодыми поэтами-фронтовиками. Вечная им память за то, что «музы не молчали»!

Вот он, краснокирпичный третий корпус, где был литфак. Декан Лев Петрович Якубинский, профессор, имя которого можно найти в энциклопедии, каждый вечер встречал нас в длинном полутемном коридоре со столярным ящиком в руках, с молотками и нарезанной фанерой.

– Ну, мои студенточки, давайте-ка подготовим ваше рабочее место!

И мы сметали снег со столов и скамеек, забивали окна фанерой, доставали кто карандаши, кто непроливашки и ручки, кто тетради, кто бухгалтерские книги, усаживались потеснее, держа в руках чернильницы, чтоб не замерзли. Из рта шел пар, но совершалось чудо:

Ирэн и Евгения Миловы. 1945 г.

мы уносились в мир литературы и истории. Лев Петрович в тяжелой шубе, в шапке и валенках входил на кафедру, еле передвигаясь... Мы преклонялись перед его эрудицией, выдержкой и доброжелательностью. Мы думали, что он – старик, а ему было только пятьдесят...

Теорию литературы читал профессор Виктор Андроникович Мануйлов, позже крупнейший ученый, известный лермонтовед. Под его влиянием мы с подружкой Люсей Ганзен начали всерьез писать стихи.

Старославянский язык нас тоже увлекал. Мы познакомились с глаголицей – шрифт был такой кудрявый, витиеватый. Чтобы его выучить, девочки им писали друг другу записки. Профессор М. В. Мальцев был настоящий ленинградский дистрофик: ходил в солдатской ушанке, противогаз (без него нельзя было ходить по улицам) привязывал поверх пальто веревочкой. Жалкий дедушка с бородой медленно развязывал шнурочек, доставал из противогаса кусочек хлеба в газетке, баночку с «ужином» из столовой, а потом со дна учебник Никифорова. Уложив все обратно, начинал читать лекцию – и мы заслушивались в восторге... После войны однажды на семинаре в Институте литературы слышу: «Слово профессору Мальцеву», – и вышел на трибуну красивый, полный жизни мужчина лет около пятидесяти. Как я была счастлива, что он выжил и преобразился!

Не забыть фольклор профессора Евгеньевой-Максимовой, западную литературу профессора Фрейман. А педагогика и психология профессора Люблинской вошли в нас сразу – ее лекции по психологии учащихся говорили о бережном отношении к самолюбию ребенка:

– Это не учитель, если он может сказать несообразительному ученику: «Садись, дерево, на дерево!». Таких из школы надо убирать!

Очень жаль, что в музее института слабо освещен этот 1943/44 учебный год, год ленинградцев-энтузиастов.

Курс делился на четыре группы. Наша была, как и другие, очень дружная. Нам приходилось помогать госпитально: то дрова разгрузить, то до занятий помочь в уборке после обстрела. Таня Королева, Софа Залис (на костылях), Вера Бородавки-

на, солдат Петухов (после ранения), Аня Ширяева – мои друзья того времени.

В канун Нового, 1944 года зашел к нам Толя Роненсон, намекнул о готовящемся штурме блокады: «Потерпите, скоро...». Вечером постучал в дверь друг по десятому классу в Ростове-на-Дону Юра Черепанов, позже художник «Крокодила», архитектор, а тогда – рядовой солдат. Рассказал об одноклассниках, попавших под Ростовом в тяжкое отступление... А сам тоже готовился к наступлению на блокаду. Отогревшись в уюте нашего дома, Юра на трамвае поехал в часть на передовую, а Толя – за пакетом на площадь Урицкого (название

Дворцовая вернулось в январе 1944-го). До сих пор помню запахи их белых полушубков, к которым я припала щекой, провозжая их в жестокие бои... А мысли были с папой и Георгием. Когда же я прижмусь к их фронтовым шинелям?..

Пятнадцатого января 1944 года утром затемно мы с мамой пошли завтракать в столовую. При выходе из подъезда нас оглушила канонада, а по всему небу – кольцо сполохов огня. Очень страшно было: кто верховодит всем этим смерчем? А вдруг фашисты упредили наше наступление?.. Но это – не обстрел! Больше часа гремела адская канонада, и в городе уже поняли: наши пошли!!! Люди улыбались, обнимались, пла-

кали. Пошли наши!!! А канонада уходила все дальше, тише... Но еще до двадцать второго января немцы били по городу из дальнбойных орудий...

А мы сдавали первую сессию, и в новеньком матрикуле («зачетке») появились «отлично» и «зачет»... И за это отличнику – стипендия двести рублей. Исполнилась моя мечта: я послала бабуле, растившей меня в детстве без мамы, мою первую стипендию. Она положила эти двести рублей под подушку и не давала тратить, плакала от счастья, что я ее не забыла среди наших бед.

*Окончание
в следующем номере*

Блокадные воспоминания

Н. В. Строганова

Моя девичья фамилия Евстигнеева. Была в осажденном городе все 900 дней. 22 июня 1941 года находилась с родителями в Ленинграде. Мы не успели уехать в Сиверскую на дачу, как это делали каждый год, из-за того, что мама не успела собраться. В тот день хотели поехать погулять в Павловск. Утром выступал Молотов. Я ничего не понимала, уговаривала родителей поехать погулять. Мне было семь с половиной лет.

Бомбежки. Первая бомбежка – 8 сентября – в день моих именин. Прятались в бомбоубежище. Туда спускалось много людей, много детей, часто с одеялами и подушками. «Большой» мальчик Боря Рязанов (ему 12 лет) из соседнего парадного писал мой портрет. На моем капоре значок «светлячок». Их носили все на шапках или пальто, чтобы в темном городе не столкнуться друг с другом, потому что везде темно. Портрет сохранился. Все окна завешены, чтобы не давать ориентир врагу. Часто заходили в квартиру дежурные, говоря: «У вас плохо затемнены окна». На окнах приклеены перекрестные полоски бумаги. Считалось, что все это укрепит стекла

и они не вылетят при бомбежке. Стекла вылетали, часто вместо них – фанера. Не было электричества, тепла. Буржуйки топили мебелью.

Новый год. Мама достала елку, которую обменяла на бутылку водки у какого-то военного. Достать старые игрушки с полки не было сил. Мама купила новые игрушки в магазине (теперь я их обязательно вешаю на елку), укрепила тоненькие церковные свечи, подарила мне краски, сделала надпись на внутренней стороне коробки: «Пусть у тебя в новом году будут такие же радостные дни, как эти краски». На Новый год приготовили угощение – лепешки из дуранды, лепешки из гуци кофе, «студень» из столорного клея. Мама боялась давать мне много «студня» из-за его качества.

В день моего рождения соседка подарила мне тарелку супа. В другой день другая соседка подарила мне кусок хлеба с кашей.

Были как-то с мамой в булочной на углу Невского и ул. Восстания. Мама поставила меня в угол, чтобы я не болталась под ногами. Сама стала в очередь. Рядом со мной женщины получали хлеб с довесками. Одна женщина сунула мне в руку

довесок, я что-то пробормотала вроде: «Что вы! Что вы!» – и отдала его обратно. Потом, в мирное время, папа как-то сказал мне: «Ты героиня уже потому, что ни разу не сказала тогда, что хочешь есть».

Однажды, сидя в темной комнате, вдруг вспомнила довоенные грибочки – украшения на торте в магазине. Сказала об этом маме. Она дала мне несколько кусочков сухого картофеля пососать.

Спали, не раздеваясь. Однажды ночью проснулась, вижу – взрослые еще не ложились. По радио играют «Интернационал». Была потрясена музыкой. До сих пор люблю радио (не люблю телевизор). Помню, как читала М. Г. Петрова. Кажется, «Часы» Тургенева и другие рассказы. Тогда полюбила русскую классику. Пел Лемешев.

С папой ходили по улицам. Он очень любил книги. Подошел к женщине, кажется, около Кузнечного рынка, посмотрел, она продавала детские дореволюционные книги. Папа спросил: «Зачем вы их продаете? Книги ведь хорошие». Она ответила: «У меня умер сын». Папа сказал: «Простите!» С папой шли по ул. Жуковского. Весна. Две девушки

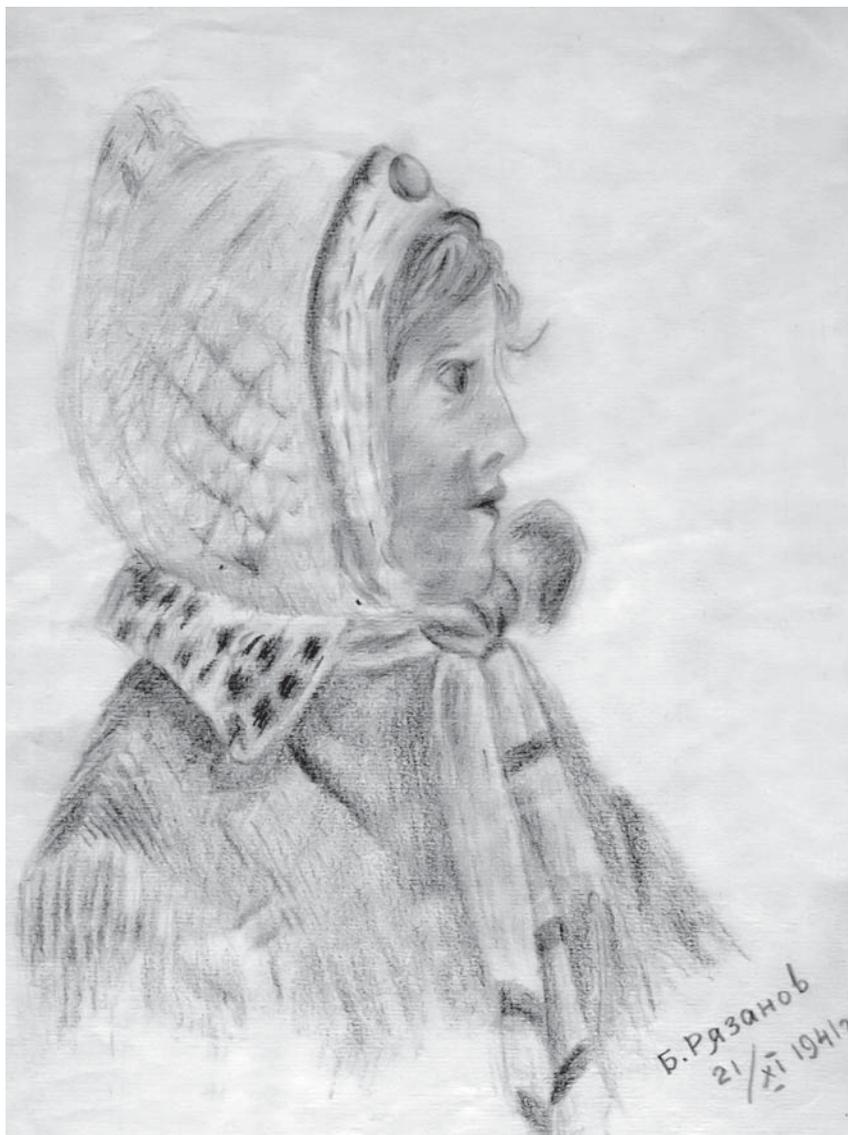
впряглись в санки. Санки нагружены покойниками. Их начали вывозить из подвалов. Подвалы и наша прачечная в доме (раньше в доме обязательно была прачечная, где женщины стирали) заполнена трупами. То же в других домах. Весной трупы начали вывозить. Большие сани нагружены покойниками. Чтобы они не рассыпались, перевязаны веревками. Головами, ногами, руками бьются по асфальту. Папа потом говорил, что считал, что я должна видеть все. Потом жалел, что не увел меня.

Мы с мамой ходили в госпиталь дежурить. Мама ухаживала за ранеными. Я тоже. Читала им стихи. Мама писала за раненых письма домой. У одного раненого не было руки. Он говорил маме: «Ты, родная, не пиши домой, что я без руки, скажи им только, что я чуточку ранен». Ранены в одной палате накрыли мне стол, хотели угостить, но я убежала к маме. Мама почему-то запретила мне брать у раненых еду. Раненые пошли к маме, чтобы она разрешила мне поесть.

Госпиталь находился на ул. Восстания, 8. Его часто бомбили. Вокруг говорили, что фашисты любят бомбить госпитали. В этом доме была школа до и после войны. Эту школу я окончила. До революции в этом здании был Павловский институт благородных девиц. Там училась детская писательница Л. А. Чарская, после революции запрещенная писательница, кумир тогдашних советских школьников. Теперь ее снова издают.

В нашей старой петербургской квартире жила семья из 9 человек. После войны осталось четверо. Первым умер мамин дядя – Владимир Алексеевич Быстров – крупный спортсмен, международный судья по футболу, член Всесоюзной коллегии судей, друг Бутусовых, Пеки Дементьева и др. Он был молодой, мой двоюродный дедушка, почти ровесник моего отца. Обожал меня, я – его. От меня долго скрывали его смерть, говорили, что он уехал.

Потом умер муж тети Тамары – Павел Иванович Давыдов. Ему предложили жить на заводе, где он работал. Перед смертью все говорил, что на заводе всем служащим дают по чашке какао. Так, мол, полагается. Павел Иванович ходил по нашей квартире и искал чашку побольше, чтобы взять с собой.

Портрет

Потом умерла тетя Тамара – мамина сестра. Умерла в больнице «Памяти 25-го Октября». У нее открылся туберкулез в сильной форме. Анализы ее по совпадению делала моя другая тетя с папиной стороны, врач, которая всю свою жизнь, включая все дни блокады, проработала в той больнице. Она сразу же поняла, что тетя Тамара умрет. Тетя Тамара – единственный человек, которого удалось похоронить нам самим. Мама отвезла ее на Волково кладбище, тут же кто-то сделал на могилу крест из металлических трубок. Перед уходом мама все пыталась запомнить место могилы. Когда шла обратно, началась бомбежка. Мамина мачеха очень волновалась, что мама не вернется, но мама вернулась. Потом мама долго искала могилу тети Тамары,

но так и не нашла – может быть, попала туда бомба, может быть, крест упал.

Умерла тетя Шура – сестра маминой мачехи (Александра Николаевна Варенова). Она умирала с голодными галлюцинациями. Была без памяти, ей мерещилось мясо, и она кричала: «Вина! Вина! Мяса!». Всех, кроме тети Тамары, нам не удалось похоронить. Где их могилы, мы не знаем.

После войны моя тетя-врач сказала мне: «ваша семья – ну чем не семья Тани Савичевой», которая вела блокадный дневник и кончила словами: «Умерли все, кроме Тани».

В 1943 году арестовали дедушку – маминого отца, Николая Алексеевича Николаева (статья 58, § 10, ч. 2). Тогда тоже арестовывали. Дед погиб, где, как – мы

не знаем. Сейчас он реабилитирован посмертно. Но это другая история.

Итак. Нас из девяти человек осталось четверо.

Хочу еще раз напомнить, кто погиб в нашей семье во время блокады.

1) Быстров Владимир Алексеевич, родной дядя мамы. Умер 2 марта 1942 года в возрасте 46 лет.

2) Николаева Тамара Николаевна, родная мамина сестра, умерла 12 августа 1943 года в возрасте 37 лет.

3) Варёнова Александра Николаевна, сестра маминой мачехи, умерла 8 апреля 1942 года в возрасте 70 лет.

4) Давыдов Павел Иванович, муж маминой сестры Тамары, умер 9 февраля 1942 года в возрасте 51 года.

5) Николаев Николай Алексеевич, мамин отец, арестован органами НКВД (ст. 58) в 60 лет, умер (как написано в справке о реабилитации) во время следования к месту отбытия наказания.

Нас осталось 4 человека из девяти. Мамина мачеха, Маргарита Николаевна Варенова, умерла от паралича в 1954 году, когда начали возвращаться первые реабилитированные. Она ждала дедушку, поставила все его фотографии перед собой и упала перед ними.

Никто в нашей семье даже в бреду никогда не говорил, чтобы вошли в город немцы и дали бы поесть. Никто не отнимал еду от другого. Только однажды Володя Быстров что-то съел «не свое». Мама на него кричала. Она говорит, что ей за это до сих пор стыдно.

На улицах зимой вдоль тротуаров лежали люди. Завернутые в простыни, ноги и шея перевязаны веревками. Так их «хоронили» близкие. Около нашего парадного лежала женщина и просила помочь ей встать, что, мол, тогда она дойдет до своего дома на Пушкинской улице. Мама пыталась ей помочь, но у нее не хватило сил. Потом эта женщина долго лежала мертвая.

Во время блокады папа учил меня читать и писать. Горел фитилек в масле – свет слабее, чем у лампы. Единственный свет в квартире. Такие самодельные «лампочки» называли фитюльками. Я что-то не понимала. Папа меня ударил. Меня никто никогда не бил, даже не

шлепал. Традиции были петербургские. А тут папа сорвался. Я сказала ему (это отец мне рассказывал): «Папочка, я же не виновата, что не понимаю». Папа заплакал.

Наши дворники. У нас были дворники – Шура, дядя Ваня и еще одна. Как они отлично дежурили, как убирали снег. Дежурили по ночам. Мы были спокойны, все парадные и ворота на замках – на ночь. Это была довоенная традиция. После войны долго тоже запирались все парадные и ворота. Дворники всегда знали своих жильцов, мы знали наших дворников. Дворники нашего дома никаких пустых квартир, где люди умерли или эвакуировались, не обворовывали. Во время войны я им помогала чистить снег. После войны они продолжали работать дворниками и, увидя меня, кричали: «Наточка, иди к нам снег убирать!».

Во время войны маму мобилизовали чинить крыши. Она стала кровельщиком 5-го разряда. Часть блокады я провела с ней на крышах, помогала (была вроде подсобной), играла там. Бросала варежку через трубу и поднимала с другой стороны. Однажды варежка упала в трубу, я поднялась на цыпочки и увидела, что на трубе решетка. Варежка зацепилась за нее. Удалось взять варежку. Дом на углу Пушкинской и Невского – мой. Мои же дома и на Лиговке. Я их помню.

Во время войны я ходила во Дворец пионеров, там было что-то вроде летнего лагеря. Там мы гуляли в саду под присмотром воспитательницы. В дальнем углу сада был холм, мы там любили бывать, все мы знали, что там зарыты кони Клодта с Аничкова моста. На одной аллее стояли плакаты с карикатурами на Гитлера и других фашистов. Я не поверила папе, когда он сказал, что в Германии рисуют карикатуры на Сталина. В угловом павильоне Росси была панорама, кажется, советский воин за колючей проволокой фашистского лагеря. Во Дворце пионеров была хорошая медицинская сестра, мы ее любили. По-моему, ее звали Наташа Волкова. Во Дворце пионеров ходил ее сын, мы с ним играли. Во время войны во Дворце была елка для детей. В подарок я получила шарик. Его я тоже до сих пор вешаю на елку.

С собой в летний лагерь я брала баночку в кармашек платья. Специально сшитый большой кармашек. В баночку складывала еду для дома, для мамы. Была в группе девочка Нина Михайлова, она меня не любила, часто дразнила и очень обижала. Она сказала, что передаст воспитательнице. Что я не все ем, хотя многие девочки откладывали часть еды для дома. Долго после войны я не могла есть, когда другие в это же время не ели (например, на работе).

Однажды я шла домой, раздался сигнал воздушной тревоги. Милиционер на улице загонял всех прохожих в подворотни. Такой был порядок. Мне удалось обмануть его. Я бежала домой, т. к. знала, что мама волнуется. Подбежала к дому (улица Восстания, 13). Вдруг раздался взрыв. Рухнул дом № 19 (угол улицы Жуковского). Потом я узнала, что пострадала только часть дома, сам дом цел до сих пор.

Да и сейчас не люблю проходить мимо домов, поставленных на капитальный ремонт. Пустые окна, комнаты с остатками обоев на стенах. Такие дома, только страшнее, без передних стен стояли на улицах города. Вместе с домами погибали люди. Такой дом был на углу ул. Жуковского и Маяковского. Сейчас на этом месте школа. Другой разрушенный дом на улице Некрасова, недалеко от Мальцевского рынка. Эти дома я запомнила, т. к. мы с мамой ходили туда собирать щепки для буржуйки.

Была у меня подружка, еще довоенная – Наташа Сапелькова. Она жила недалеко от Пушкинского театра. Отец ее, очень крупный инженер, был репрессирован еще до войны. Ее мама была старшая хирургическая сестра у знаменитого хирурга Петрова в институте усовершенствования врачей. Мы ходили к ней в гости. Ее мама подарила мне баночку с витамином «С» (сиропом). Моя мама тоже им помогала.

Почему-то думают, что у нас совсем не было жизни. А ведь мы и дружили, и отмечали праздники, хотя жили в темных, страшно холодных комнатах. На нас было много теплых вещей. Мы их не снимали с себя всю блокаду (даже ночью). Мне до войны дедушка Вова (Владимир Быстров) подарил теплый

оренбургский платок. Я постоянно была в него закутана. Мама сказала, что он спас мне жизнь, дал тепло, наверно, не просто тепло, но и тепло Вовиной любви ко мне.

Мы с мамой раз ходили в Театр имени Горького на Фонтанке, смотрели «Волки и овцы». Мама была театралкой. В театре у меня поднялась высокая температура. Я очень не хотела уходить, но мама на руках унесла меня домой. После войны я никогда не слышала, что БДТ был в годы блокады в Ленинграде. Я думала, что что-то перепутала. Но несколько лет назад услышала передачу, посвященную театру. В передаче сказали, что театр был какое-то время в блокадном Ленинграде (кажется, раньше вернулся из эвакуации) и действительно давал спектакль «Волки и овцы». Я была очень рада, что память не подвела меня.

В начале блокадной зимы я болела корью. Ко мне приходила детский врач, очень милая молодая девушка. После выздоровления мы с мамой зашли к ней в гости на Кировную.

Когда ходили куда-то, то мысленно делили дорогу на части. Вот тот дом с башенкой – это половина пути. А раньше надо пройти до более близкого дома – это четверть пути. И так, четверть за четвертью, кусочек за кусочком преодолевали дорогу.

К нам домой приходила участковый врач Остренко. Она была грубоватая, но мы ее любили. Жила она недалеко от Владимирской церкви, кажется на Стремянной. Она считала, что папа не выживет, и сказала маме: «Спасай себя и ребенка. Ешьте сами», но мама продолжала делить все поровну и спасла папу. Папа тоже не ел и отдавал нам. Потом я у кого-то прочитала, что у врачей была установка спасти кого-то одного. Матерям врачи предлагали кормить одного ребенка за счет другого.

Позднее папу призвали в армию, несмотря на страшную дистрофию и несмотря на то, что он едва мог ходить. Мы провожали его. Он уходил из казарм на проспекте К. Маркса. Сейчас там расположен Военный институт физической культуры.

Приходили письма-треугольнички. Папа писал, что, когда взяли Гатчину, он радовался. Что для нас меньшая опасность. Однажды он написал, что как-то вечером в Гатчине пошел ко дворцу и начал бродить по его развалинам. Папа всегда интересовался архитектурой и очень любил город. Стало темнеть. Вдруг он увидел, что он не один, а рядом бродит женщина с фонариком. Они разговорились. Оказалось, что женщина – музейный работник. Она сказала, что музейные работники уходили последними и уносили с собой ценные экспонаты. Чтобы не достались фашистам. Как только наша армия вошла в Гатчину, она пришла в город и начала смотреть, что же осталось от дворца, можно ли его восстановить.

Письмо это у меня долго хранилось, теперь лежит у одной журналистки «Санкт-Петербургских ведомостей». Она хотела сделать материал. Теперь у меня ни письма, ни статьи.

Школа. Я пошла сразу во 2-й класс, минуя первый. Мне было 9 лет. Училась в 32-й железнодорожной школе на улице Восстания, недалеко от Невского, и на улице Жуковского, недалеко от Лиговского пр. (школа № 223, кажется). Часто уроки проходили в бомбоубежище. Праздником были тетради в косую линейку, их было мало, бумагу экономили. Долгое время у меня хранились переходные ведомости тех лет, среди прочих предметов стояло пение. Эти ведомости отдала давно в школу, находящуюся во дворе Невского пр., там, где находится кинотеатр «Колизей», для музея школы. Думаю, что ничего из моих вещей там не сохранилось, как и в другой школе. Когда я пыталась узнать о судьбе моих вещей, со мной не стали разговаривать и повесили телефонную трубку.

Вообще, отношение к блокадникам со стороны неблокадников до странности неприятное. Приходится слышать много гадостей, в частности, поэтому редко говорю о блокаде. Блокада – это моя личная боль, и, как все личное, твое, по видимому, ее нельзя сейчас обнару-

живать. Твое – это твое. Сейчас до «твоего» нет дела никому. Только раз «неблокадница» говорила со мной с большим уважением. Это была француженка Дениз, когда мы сидели в ее очаровательном, как бонбоньерка, домике недалеко от Парижа. Может быть, она пережила сама фашистскую оккупацию. Я зашла ее спросить об этом.

Да и между блокадниками часто идут недостойные «разборки». Почему-то особое недоброе отношение у многих вызывает тот факт, что я награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Когда сняли блокаду, был салют. Мама повела его посмотреть нас, меня и мою подружку Наташу Сапелькову. Мы стояли около решетки Михайловского замка. Слева был Михайловский сад. Когда раздались залпы, с Наташей началась истерика. Она – мужественная и героическая девочка, достойно выдержала все 900 дней, а во время салюта билась и кричала, вцепившись в маму: «Тетя Ниночка, уйдите! Тетя Ниночка, уйдите!». Мама увела нас. Так я и не увидела салюта целиком.

После снятия блокады – два воспоминания. Мы пошли в гости к бабушке и тете с папиной стороны. Там я съела много каши, и меня очень рвало. И второе. Бомбежек уже не было. Я лежала на диване у окна. Вдруг раздался взрыв. Через окно пролетела шрапнель и упала к моей голове. Осколок был горячий. Что показалось странным, то это его траектория. Он упал под очень редким углом и был в опилках. Потом мы поняли, в чем дело. Против окна стоял буфет. Мама через несколько дней увидела на нем белое пятно. Подошла, потрогала. Там белая впадина. Оказывается, шрапнель, пробив оконное стекло, пролетела через всю комнату, ударила в буфет и упала к моей голове. Да, меня тогда засыпало стеклами.

А общее воспоминание: темная комната, нет электричества (один раз только дали на несколько дней), окно забито фанерой. Маленький огонек. Закутана во все теплое. Сплю, не раздеваясь. Темно, темно, холодно, холодно.

Бессмысленный и преступный приказ. Почему обер-лейтенант Мерле не взорвал церковь в Екатерининском дворце?

Ю. М. Лебедев

Война все больше отдаляется, раскрывая свои новые тайны. Причем зачастую такие открытия случаются совершенно неожиданно. Как, например, произошло это при встрече с доктором Гансом Мерле, которого я не так давно посетил в Германии. В этом благополучном интеллигенте, известном юристе из Штутгарта никак нельзя было признать худого, изможденного постоянного недосыпанием немецкого офицера, отступавшего от Пушкина в январе 1944 года.

– А мне ведь чуть было не пришлось подрывать церковь в Екатерининском дворце в Пушкине. – Мерле произнес это как-то по-особому, будто выдавил слова из себя. – Но я отказался выполнить бессмысленный приказ. Сегодня понимаю, что он был к тому же и преступным.

– Как так? – удивился я. – Какое отношение вы имеете к этому пригороду Ленинграда?

– Вы полистайте на ночь вот эту книгу, а утром мы обменяемся мнениями.

Так я начал знакомиться с фотоальбомом немецкой 215-й пехотной дивизии, которая занимала в Пушкине позиции накануне освобождения Ленинграда от вражеской блокады. В нем имелась глава, которая так и называлась «Ожесточенные бои за Пушкин». Одна из фотографий – подпись: «Екатерининский дворец с церковью зимой 1944 года».

Снимок был сделан с большого расстояния, и потому здание внешне казалось полностью сохранившимся, лишь через увеличительное стекло видны были проемы в стенах и окна без стекол. Фото одного из внутренних помещений дворца тоже не свидетельствовало о больших

Г. Мерле

разрушениях. Возможно, оттого что фотографу явно не хотелось акцентировать внимание на развалинах, а может быть, это была попытка авторов альбома снять с себя вину за то, что немцы творили в Пушкине в годы его оккупации?

Утренней нашей беседы я ждал с нетерпением, вооружившись ручкой и блокнотом. Вот что после нее кратко записал: «Мерле, будучи обер-лейтенантом и начальником штаба батальона, 23 января 1944 года с его остатками отходил от Пушкина. Имел приказ подорвать авиабомбу, подложенную под церковь Екатерининского дворца. Но не сделал этого, так как получил одновременно другой приказ: бесшумно под покровом ночи оставить Пушкин.

Выполнил второй из них. Так была спасена Дворцовая церковь. Мы привыкли в каждом военном эпизоде искать нечто экстраординарное, а все бывает значительно проще. Взорвал бы он эту церковь или нет, если бы ситуация развивалась по-другому, неизвестно. Теперь от этого осталось лишь сослагательное наклонение».

Запись эта, наверное, долго, лежала бы без движения, если бы вскоре я случайно не оказался с тыльной стороны Екатерининского дворца, как раз там, где в войну были открыты немецкие траншеи и откуда был сделан снимок военных лет. Сразу же вспомнился рассказ немецкого ветерана. Возникло то же самое чувство, что и в Штутгарте, когда я ночью листал фотоальбом и с нетерпением ждал утра, чтобы расспросить Мерле. Я понял, что должен разузнать до конца всю эту историю с несостоявшимся подрывом церкви. Обязан донести ее до экскурсоводов Екатерининского дворца, ведь для них она может стать важным рассказом из жизни всего дворцового комплекса.

После нового разговора с бывшим немецким офицером, который в этот раз состоялся по телефону, многое стало ясным. Получилось своеобразное блиц-интервью в форме коротких вопросов и ответов:

– Доктор Мерле, когда вы получили приказ взорвать Дворцовую церковь?

– В середине ночи 23 января 1944 года. Вместе с другим приказом, разрешающим отход.

– То есть один из приказов вы не выполнили?

– Мы сказали себе: так дело не пойдет. Мы не будем взрывать.

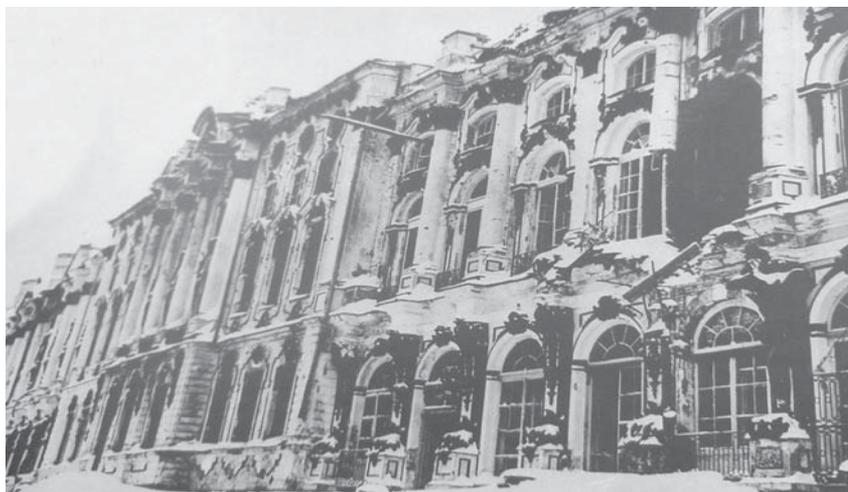
– Но ведь приказ есть приказ?

– Такого рода приказ в крити-

ческой обстановке был бессмысленным. Всерьез мы его не восприняли.

– А от кого вы его получили?

– От командования моей 215-й пехотной дивизии. Получилось так, что эти два приказа противоречили друг другу. Один был нелепым, второй являлся долгожданным. В случае исполнения первого приказа из-за взрыва неминуемо возник бы переполох, противник тотчас же перешел бы к активным действиям. Другой приказ был для нас более чем своевременным. Цель его заключалась в том, чтобы бесшумно и незаметно покинуть свою позицию и скрытно оторваться от врага. К тому же мы эту авиабомбу вообще не видели, в подвал церкви не спускались. До нас все подготовили саперы. Но мы сразу же сказали, что не будем устраивать шума. Речь шла о выживании в критической ситуации, так как мы уже были окружены русскими войсками с трех сторон. В общем-то, мы ощущали себя обреченными на смерть, так как перед этим от Гитлера последовало строжайшее указание, ни при каких обстоятельствах не сдавать Пушкин. На свой страх и риск командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Кюхлер в последний момент его нарушил, позволив тем самым выровнять линию фронта, иначе в окружение попала бы крупная немецкая группировка, истекавшая кровью на участке от Пушкина до Любани. За это он в конечном итоге поплатился отставкой.

Екатерининский дворец

– Доводилось ли вам тогда бывать в самом Екатерининском дворце?

– Несколько раз. Состояние его было плачевным: разбитые окна, сильные разрушения, продырявленная снарядами крыша, из-за чего при таянии снега все заливалось водой.

– Можно ли утверждать, что к разграблению дворца приложили руку и испанцы «Голубой дивизии», занимавшие эту позицию до вас?

– К сожалению, это действительно так. Но я не хочу все перекладывать на испанцев. Немцы тоже оказались причастными к этому.

– Разрешено ли было входить во дворец солдатам вашей дивизии?

– Да, мы могли свободно передвигаться по нему. Но дворец действительно был в плачевном состоянии. Кроме того, рядом проходила линия фронта, поэтому охотников

гулять по нему было совсем немного.

– А почему ваши позиции находились рядом с дворцом, а не в нем самом, где можно было бы укрыться?

– Это только на первый взгляд кажется, что стены всегда защищают. На самом деле русские концентрированно вели свой артиллерийский огонь прямо по дворцу. Поэтому гораздо спокойнее мы чувствовали себя в открытых траншеях и блиндажах на территории парка, примыкавшего к дворцу.

– Знали ли вы о том, что из дворца немцами была вывезена Янтарная комната?

– О самой Янтарной комнате, разумеется, я слышал, но не применительно к Екатерининскому дворцу. О вывозе сокровищ мне стало известно только после войны.

– А каким было вообще восприятие вами Екатерининского дворца? Отдавали ли вы себе отчет, что это чудо архитектуры и сокровищница искусства?

– Для меня Александровский и Екатерининский дворцы были в первую очередь царскими резиденциями. Именно так я их и воспринимал. Не забуду, как в середине декабря 1943 года в лунную ночь ехал на санях по служебным делам в соседнюю дивизию, как раз мимо этих дворцов. Была поразительная тишина, фронт, казалось, тоже спал. И вдруг мне привиделось в лунном свете, будто в Екатерининском дворце в самом разгаре бал. Слуги стоят, держа факелы в руках, а по парку гуляют дамы в длинных роскошных платьях. Это был неза-

Бомба

бываемый мираж, и образ, который тогда возник, остается со мною до сих пор.

– Довелось ли вам побывать в Пушкине после войны?

– Да, это случилось в 1993 году, когда мы совершали круиз по Балтике с заходом в Санкт-Петербург. Повезли нас и в Пушкин, где мы осмотрели Екатерининский дворец. Я попросил симпатичную девушку-экскурсовода проводить меня к бывшему нашему командному пункту, который в войну располагался в Караульном помещении у входа в парк. Тогда мы называли его «Домом садовника», так как в нем хранилась утварь по уходу за парком. К сожалению, добраться до него не удалось.

В самом дворце я обратил внимание на большую фотографию, изображавшую штурм дворца советскими солдатами с автоматами наперевес. Я сказал тогда экскурсоводу, что этого быть не могло. Дворец мы покинули ночью скрытно, никакого боя и автоматной стрельбы в помине не было. Интересно, висит ли эта фотография там до сих пор?

Этим вопросом доктор Мерле завершил наш разговор. А мне вдруг самому стало интересно, как могла выглядеть фотография штурма? Я вновь поехал в Пушкин к сотрудникам Екатерининского дворца и выяснил, что фотография эта больше не красуется на прежнем месте, сохранилась она лишь в альбоме. Зато вместо нее в коридоре, где собираются экскурсанты перед осмотром экспозиции, появился снимок авиабомбы, приготовленной для подрыва Дворцовой церкви. Мне сообщили, что для подрыва дворца всего по периметру было размещено одиннадцать стокилограммовых бомб, которые затем обезвредили советские саперы. Поскольку Ганс Мерле из-за преклонного возраста и

Освобождение. 1944 г.

слабого здоровья был не в состоянии вновь приехать в Санкт-Петербург, то я решил выслать ему снимок авиабомбы, как подтверждение достоверности его рассказа.

К сожалению, у всей этой истории случился печальный финал. На днях мне позвонил один из бывших солдат 215-й немецкой пехотной

дивизии и сообщил, что господин Мерле скончался после внезапного сердечного приступа. Но фотографию авиабомбы он все же увидеть успел. Немецкий ветеран сказал, что Мерле обрадовался, получив наглядное свидетельство того, что он и его подчиненные не допустили взрыва Екатерининского дворца.

Пребывание Ленинградского университета в Саратове в годы Великой Отечественной войны

А. И. Аврус

На проходившей в 2005 году в Ростове-на-Дону научной конференции широко использовался термин «перемещенные университеты». Так были названы учебные заведения, которые в силу определенных обстоятельств вынуждены были на какое-то время или навсегда переезжать на новое место и там продолжать свою деятельность. Возможно, термин «перемещенные университеты» не совсем точен, но пока другого, более приемлемого, не предложено.

Такие перемещения университетов начались в первые века их появления в Европе. Так, Болонский университет еще в XIII веке в результате конфликта студентов с городскими властями и местными жителями решил переехать в Падую, где положил начало местному университету. Обострившиеся отношения универсантов Оксфорда с жителями города привели к тому, что часть профессоров и студентов перебралась в Кембридж, положив начало новому университету.

Перемещения университетов происходили и в России. В период Отечественной войны 1812 года Московский университет срочно эвакуировали в Нижний Новгород, но так как Москва была вскоре освобождена, то в Нижнем Новгороде университет не успел развернуть свою деятельность. В 1828 году после пожара университет был перемещен из Або (Турку) в Гельсингфорс (Хельсинки). Закрытие Виленского университета после польского восстания 1830–1831 годов привело к его частичному перемещению в Киев, где был создан Императорский университет св. Владимира. Во время Первой русской революции обсуждался вопрос о перемещении Варшавского университета в один из городов в центре России.

В годы Первой мировой войны из западных районов Россий-

Первый корпус СГУ, в котором в 1942–1944 гг. работали и учились химики и геологи ЛГУ

ской империи был эвакуирован ряд университетов: Варшавский в Ростов-на-Дону, Киевский в Саратов, Юрьевский в Воронеж.

В период Гражданской войны из-за голода и большевистских репрессий массы студентов и преподавателей стихийно покидали столичные университеты и перемещались по стране из одного университетского города в другой, а то и концентрировались в крупных городах на окраинах России, где не было университетов. Находились энтузиасты, которые при поддержке местных властей открыли университеты в Баку, Тифлисе, Ташкенте, Владивостоке и других городах.

Но особенно массовый характер перемещение университетов приобрело в годы Великой Отечественной войны, когда были эвакуированы на Восток Московский, Ленинградский, Киевский, Харьковский, Днепрпетровский, Одесский, Воронежский, Ростовский университеты и многие другие высшие учебные заведения. Только в Саратове и области в те годы оказались, кроме Ленинградского

государственного университета, Государственный институт театрального искусства, Московская государственная консерватория, Московский экономико-статистический институт, Ленинградский юридический институт, Киевский технологический институт силикатов, Харьковский педагогический институт иностранных языков, Ворошиловоградский сельскохозяйственный институт. Такого масштаба перемещения высших учебных заведений мировая история не знала. В какой-то степени с этим можно сравнить эвакуацию университетов в Китае в ходе антияпонской войны (1937–1945), когда до трети их переместилось с севера страны на юг, при этом некоторым пришлось менять место пребывания по нескольку раз. Но китайские университеты были в основном малочисленны, и переезжать им приходилось на сравнительно небольшие расстояния.

И хотя прошло уже более 60 лет после Великой Отечественной войны, до сих пор полностью история этого явления не изучена, а в имеющихся исследованиях и

воспоминаниях допущены определенные неточности, не раскрыты некоторые сюжетные линии.

В связи с приближающимся столетием Саратовского университета хотелось бы более подробно остановиться на его сотрудничестве с Ленинградским университетом в дни Великой Отечественной войны, когда последний был перемещен в Саратов и более двух лет располагался в корпусах СГУ¹.

Ленинградский университет был крупнейшим в стране по числу студентов (более 6 тысяч человек) накануне Великой Отечественной войны. В его стенах готовились тысячи высококвалифицированных специалистов, а на кафедрах, в лабораториях и научно-исследовательских институтах трудились знаменитые ученые и талантливая молодежь, велись разработки актуальных проблем естественных, гуманитарных и технических наук.

В первые недели войны тысячи студентов, преподавателей и сотрудников ЛГУ ушли защищать Родину, оставшиеся продолжали трудиться. Поскольку никто не предполагал, что Ленинград окажется в такой тяжелой и длительной осаде, то по мере приближения фронта к городу было решено эвакуировать в г. Елабугу только научно-исследовательские институты и лаборатории университета, которые выполняли оборонные заказы. Студентов и основную массу преподавателей оставили в городе, осенью приступили к занятиям. Но уже через несколько месяцев из-за голода и холода началось массовое вымирание коллектива университета, и стало ясно, что дальнейшее пребывание в осажденном городе грозило ему полной гибелью².

Поэтому в феврале 1942 года было принято решение об эвакуации оставшихся преподавателей и студентов в тыловой город. Планировался переезд университета в Тбилиси, так как там намного теплее и лучше обстояло дело с продовольствием. Но ректор ЛГУ профессор А. А. Вознесенский заявил, что университет направляется в эвакуацию не для отдыха, а для работы³. И местом для перемещения был выбран Саратов, где существовал университет, с которым у ленинградцев имелись давние связи и в котором работало немало воспитанников ЛГУ⁴.

Профессор А. А. Вознесенский – ректор ЛГУ и СГУ (1942–1944 гг.)

Корпуса университета в Ленинграде были законсервированы, несколько оставшихся сотрудников следили за их сохранностью, но, конечно, не могли уберечь от попаданий бомб и снарядов, от которых особенно пострадало несколько общежитий ЛГУ.

Для эвакуации была использована Дорога жизни, проложенная по льду Ладожского озера. От Финляндского вокзала до берега Ладожского озера студентов и преподавателей довозили в теплушках, а затем сажали на грузовики. В воспоминаниях ленинградцев, участвовавших в той эвакуации,

В. А. Артисевич – ректор СГУ (июль 1941 г. – июнь 1942 г., 67 лет работавшая директором НБ СГУ)

рассказывается, насколько опасной и тяжелой была дорога через озеро до станции Кобона, где их покормили горячей пищей и посадили в вагоны. Ленинградцы выезжали тремя эшелонами. Первый из них отправился 26 февраля, двигался очень медленно, стоял подолгу на некоторых станциях и прибыл в Саратов только через две недели. Не все преподаватели и студенты, ослабленные блокадой, выдержали эту долгую и трудную поездку, некоторые умерли в пути, часть оставили на лечение в попутных городах. Последний эшелон отправился из Ленинграда 2 марта⁵.

В Саратове об эвакуации Ленинградского университета узнали в первых числах марта. 5 марта у секретаря обкома партии по строительству И. Т. Новикова (в будущем зам. Председателя Совета министров СССР) прошло совещание по вопросу о встрече и размещении ленинградцев. Ректор Саратовского университета Вера Александровна Артисевич в течение нескольких дней сумела организовать подготовку к приезду коллектива Ленинградского университета. На основании ее письма в обком ВКП(б) были получены номера в нескольких гостиницах города («Россия», «Астория» – теперь «Волга»)». Студентов-ленинградцев решили разместить в общежитиях СГУ на улицах Цыганской, Вольской и Радищева. Студенты Саратовского университета подготовили для них матрасы, которые на одной из площадей города набивали соломой. По воспоминаниям студентки 1-го курса географического факультета СГУ Н. К. Алексеевской (в будущем доцента СГУ), их группу отправили в лес для заготовки сосновых веток, из которых изготовляли противочинготный отвар, очень нужный ленинградцам; кроме того, студенты собирали учебники, бумагу, карандаши для ленинградских студентов⁷.

С первых дней войны лаборатории СГУ использовались для выполнения оборонных заказов, и там работали представители ряда предприятий. Ректор Саратовского университета отдала приказ: к концу марта расторгнуть договоры с предприятиями и подготовить лаборатории для занятий ленинградских студентов.

Была достигнута договоренность ректората Саратовского университета

с городским управлением торговли об организации усиленного питания для ленинградцев. Они получали, как вспоминал член-корреспондент АН СССР С. Э. Фриш, тогда декан физического факультета ЛГУ, приличный обед по карточкам в университетской столовой и продукты по эвакуационным удостоверениям, что позволило быстро преодолеть последствия голода в условиях блокады⁸.

По приказу ректора СГУ на всех факультетах установили ежедневные дежурства для встречи ленинградцев и оказания им необходимой помощи⁹.

Во втором часу ночи 11 марта 1942 года первый эшелон ленинградского университета прибыл на пассажирский вокзал Саратова. Его встречали представители Саратовского университета во главе с ректором. Аспирантка ЛГУ Е. Ленсу вспоминала, что они представляли собой трагическую картину: многие самостоятельно не могли выйти из поезда, их пришлось выносить. В глазах встречавших стояли слезы¹⁰. Ночью началось размещение ленинградцев по комнатам общежития и номерам гостиниц. А с утра 12 марта приступили к борьбе за восстановление здоровья эвакуированных.

Теплая встреча, дружеское отношение саратовцев, хорошо по тем условиям налаженное питание и желание ленинградцев быстрее возобновить работу и учебу – все это буквально сотворило чудо: уже 10 апреля 1942 года Ленинградский университет начал свою трудовую жизнь в Саратове. Профессор С. М. Фирсова в своих воспоминаниях отмечало, что саратовцы проявили исключительное внимание и доброту к ленинградцам¹¹. Ректор Ленинградского университета, член-корреспондент АН СССР В. Б. Алесковский писал В. А. Артисевич в 1977 году, поздравляя ее с юбилеем: «...в тяжелейших условиях Вами и возглавляемым Вами коллективом было сделано все возможное, чтобы помочь ленинградцам быстро оправиться от последствий голодной блокадной зимы, как можно успешнее и быстрее возобновить учебную и научную работу»¹².

К тому времени в город на Волге прибыли и еще два эшелона с эвакуированными студентами и преподавателями ЛГУ. В Саратове первоначально в марте 1942 года оказалось 189 преподавателей и 361

студент Ленинградского университета, а затем начали съезжаться студенты, находившиеся в других городах. В 1943 году в Саратов переехали некоторые научные сотрудники из Елабуги, которые преподавали в ЛГУ и должны были проводить занятия.

В июне 1942 года приказом наркома просвещения РСФСР ректор Ленинградского университета профессор А. А. Вознесенский был назначен одновременно ректором Саратовского университета, и В. А. Артисевич сдала ему дела, вернувшись к заведованию Научной библиотекой СГУ, во главе которой она находилась 67 лет. На основании этого назначения А. А. Вознесенского некоторые исследователи и даже мемуаристы считали, что Ленинградский и Саратовский университеты были объединены¹³. На самом деле никакого объединения не произошло. Каждый университет был совершенно самостоятелен, все оперативное руководство Ленинградским университетом осуществлял проректор профессор Д. И. Дейнека, а Саратовским – проректор профессор Б. А. Можаровский. Ректор издавал приказы по каждому университету отдельно. Все факультеты и кафедры каждого университета существовали самостоятельно, объединенной некоторое время была только кафедра политической экономии, которой заведовал сам ректор. Самостоятельно действовали общественные организации двух университетов. Это не исключало, конечно, совместного проведения некоторых мероприятий: собраний, праздничных торжеств, научных конференций. Вместе решались и многие хозяйственные вопросы. Между коллективами двух университетов летом 1942 года был заключен договор о социалистическом соревновании, ход выполнения которого систематически проверялся.

Ленинградский и Саратовский университеты различались по количеству факультетов (10 в ЛГУ и 6 в СГУ), кафедр, наличию профессоров, хотя в первое время студентов было примерно одинаково. Учитывая, что в Саратовском университете во главе большинства кафедр находились доценты, ректор своими приказами перевел некоторых профессоров ЛГУ на кафедры СГУ. Так, профессор В. В. Мавродин возглавил кафедру истории СССР Саратовского универ-

ситета, профессор М. П. Алексеев – кафедру зарубежной литературы, профессор С. Д. Львов – кафедру физиологии растений, профессор И. И. Жуков – кафедру аналитической химии и т. д. Ряд профессоров и доцентов ЛГУ работали совместителями в Саратовском университете (профессор Г. М. Фихтенгольц, кафедра математического анализа, доценты В. А. Овсянкин и Н. Г. Сладкевич, кафедра истории СССР и др.)¹⁴. Некоторые профессора Ленинградского университета были введены в состав Ученых советов факультетов СГУ, что сделало возможным проводить на их заседаниях защиты диссертаций.

Летом 1942 года в Саратове была создана приемная комиссия по набору на 1-й курс Ленинградского университета, и количество желавших там учиться было так велико, что приняли многих сверх плана. В результате численность студентов ЛГУ стала превышать число студентов Саратовского университета. В последующие два года она еще больше увеличивалась. Так, к началу 1944 года в Ленинградском университете обучалось уже более 1400 студентов, а в СГУ – немногим более 500. При плане приема в ЛГУ в 1943 году в 300 человек, было зачислено на 1-й курс свыше 600.

Летом 1942 года студенты и преподаватели Ленинградского университета вместе с саратовцами участвовали в сельскохозяйственных работах, заготовке топлива, а с развертыванием Сталинградской битвы – в строительстве оборонительных сооружений. Сельскохозяйственные работы продолжались весь летний каникулярный период, студенты выполнили полный комплекс уборочных работ. В Государственном архиве новейшей истории Саратовской области сохранилось несколько студенческих отчетов, в которых сообщалось о проделанной работе во время пребывания в колхозах Ровенского района. Они свидетельствуют об ответственном отношении ленинградских студентов к полученным заданиям, их старании выполнять и перевыполнять дневные нормы, хотя на первых порах это было для городских жителей очень трудно. Кроме того, студенты вели пропагандистскую работу, помогали налаживать деятельность сельских комсомольских организаций, часто очень малочисленных¹⁵.

Зима 1942–1943 года выдалась для Саратова особенно тяжелой. Условия прифронтового города, отсутствие необходимого количества топлива, трудности с продовольствием, налеты немецкой авиации – все это затрудняло работу университетов. Многие большие аудитории не отапливались, в них нельзя было проводить занятия в зимнее время, в читальном зале библиотеки университета в 3-м корпусе температура опускалась до – 18 градусов, но обслуживание читателей продолжалось. Лекции и семинары переносились в комнаты общежитий, гостиничные номера, в канцелярию СГУ, даже на квартиры близко живших от университета студентов – всюду, где было минимальное тепло. В гостиничных номерах проходили заседания кафедр, ученых советов факультетов, защиты диссертаций. Из-за перебоев с электричеством часто приходилось работать при свете керосиновых ламп или свечей.

В 1943/1944 учебном году материальное положение в Саратове улучшилось, преподаватели Ленинградского университета переехали из гостиницы «Россия» в общежитие Саратовского университета на Вольской ул., которое отапливалось, имело постоянно электричество. К тому времени для преподавателей, имевших ученые степени, ввели академические пайки, намного превышавшие обычные. В корпусах университета восстановили отопительную систему, что создало благоприятные условия для проведения лекций и практических занятий, для научных исследований¹⁶.

В 1942/1943 и 1943/1944 учебных годах студенты многих курсов Ленинградского и Саратовского университетов слушали потоковые лекции совместно. В большинстве случаев их читали преподаватели Ленинградского университета, некоторые лекции – Саратовского. Кроме того, ряд эксклюзивных курсов прочитали саратовским студентам ленинградские ученые. Так, член-корреспондент АН СССР географ С. В. Калесник читал военную географию, профессор С. П. Суслов – курс физической географии СССР, профессор Н. П. Полетика – лекции по истории международных отношений, профессор В. Е. Евгеньев-Максимов – спецкурс «Русская

поэзия 60-х гг. XIX в.», профессор Д. И. Дейнека – лекции по анатомии человека, доцент Г. А. Бухаринов – курс теоретической механики и т. д.

Успешно сотрудничали ленинградские и саратовские ученые разных отраслей науки, особенно при выполнении оборонных заказов. Результаты их разработок немедленно внедрялись в производство, способствовали достижению победы в Отечественной войне.

Ученые-геологи Саратовского и Ленинградского университетов во главе с профессорами Б. А. Можаровским и С. С. Кузнецовым помогли ввести в строй Елшанское газовое месторождение, а студенты двух университетов рыли траншеи для прокладки первой линии газопровода Елшанка–СарГРЭС, в результате чего Саратовская электростанция получила постоянный источник топлива и увеличила выработку электроэнергии для производственных и бытовых нужд.

Саратовский университет с начала войны выполнял значительное количество оборонных заказов, с приездом ленинградцев размах работы в этом направлении значительно возрос. Многие заказы осуществляли совместные бригады саратовских и ленинградских ученых. Декан физического факультета Ленинградского университета профессор С. Э. Фриш вспоминал о тесном сотрудничестве с деканом физико-математического факультета СГУ профессором П. В. Голубковым при выполнении заказов саратовских предприятий. Вместе с доцентом СГУ В. П. Жузе (высланным из Ленинграда в 1935 г.) С. Э. Фриш проводил исследования для Опытного завода синтетического каучука, эвакуированного в Саратов из Ленинграда¹⁷. Многие проблемы улучшения качества и повышения надежности аккумуляторов решали совместно химики двух университетов под руководством профессора ЛГУ Б. П. Никольского, который в 1935–1939 годы работал в Саратовском университете, где создал кафедру физической и коллоидной химии. Необходимые для оборонных предприятий химические анализы проводились химиками двух университетов, которых возглавил профессор ЛГУ И. И. Жуков.

Имеющиеся в Государственном архиве новейшей истории Саратов-

ской области документы позволяют узнать, как учились студенты Ленинградского университета в Саратове. Отчеты по итогам экзаменационных сессий свидетельствуют, что у ленинградских студентов была самая высокая успеваемость среди всех вузов Саратовской области (как местных, так и находившихся в эвакуации). Так, в зимнюю сессию 1942/1943 учебного года все экзамены и зачеты успешно сдало 83,5% студентов ЛГУ, зимнюю сессию следующего учебного года – уже свыше 92%, при этом 55% всех полученных оценок были отличными¹⁸.

За время пребывания в Саратове Ленинградский университет провел несколько крупных научных конференций, посвященных 25-летию Октябрьской революции, 300-летию со дня рождения И. Ньютона, 125-летию ЛГУ. В них участвовали и ученые Саратовского университета, а также других вузов, находившихся в Саратове. В марте 1944 года профессор Ленинградского университета академик АН СССР Е. В. Тарле выступил в Саратове с известным докладом, в котором обозначился новый подход к оценке внешней политики Российской империи, особенно в отношении присоединения к России народов национальных окраин. Евгений Викторович заявил, что все присоединения к России феодальных государств были прогрессивны, что русские цари делали благое дело, расширяя территорию страны, что это явилось одним из факторов поражения Германии в Великой Отечественной войне. Это выступление Е. В. Тарле вызвало неоднозначную реакцию у советских историков и сотрудников идеологического отдела ЦК ВКП(б). Профессор А. М. Панкратова написала письмо в ЦК, осуждая позицию Е. В. Тарле. В результате с 1 июня по 8 июля 1944 года (с перерывами) проходило совещание в ЦК, на котором по очереди председательствовали А. С. Щербаков, Г. М. Маленков и А. А. Андреев. На том совещании разгорелась острая дискуссия между сторонниками и противниками точки зрения Евгения Викторовича, но решения никакого не было принято. Секретари ЦК хранили молчание, хотя ряд выступавших оценивал позицию Е. В. Тарле как кадетско-монархическую. Очевид-

но, что взгляды Е. В. Тарле соответствовали позиции И. В. Сталина, которую он не хотел афишировать. Только поэтому они могли быть не осуждены, хотя противоречили традиционной марксистско-ленинской оценке внешней политики имперской России¹⁹.

Многие ленинградские ученые, находясь в Саратове, продолжали свои научные исследования. Ими было подготовлено 20 учебников, свыше 140 монографий, 4 человека защитили докторские диссертации. Большую помощь в этом оказывала Научная библиотека СГУ. В. А. Артисевич еще долгие годы после войны получала благодарственные письма от ленинградских ученых. Профессор В. В. Мавродин отмечал, что библиотека помогла ему собрать материал для 7 монографий, которые он опубликовал в последующие годы²⁰.

Первая защита кандидатской диссертации состоялась в ЛГУ на географическом факультете 5 декабря 1942 года. Так как в аудиториях было холодно, защита проходила в помещении бухгалтерии Саратовского университета, где жарко натопили громоздкую печь²¹.

Плодотворная научная деятельность ленинградских ученых в Саратове была высоко оценена ученым сообществом, и при выборах в Академию наук СССР 1944 года 13 представителей ЛГУ стали ее академиками и членами-корреспондентами. 47 преподавателей и сотрудников Ленинградского университета были отмечены правительственными наградами в связи со 125-летием ЛГУ, пятеро профессоров были удостоены ордена Ленина: Б. Д. Греков, Н. С. Державин, Е. В. Тарле, А. А. Вознесенский, Д. И. Дейнека.

Одним из самых ярких явлений совместной работы двух университетов была деятельность университетского лектория, действовавшего по воскресным дням в Большой физической аудитории 3-го корпуса университета. Там читались лекции ленинградскими и саратовскими учеными по самым различным научным, политическим и культурным проблемам. И хотя люди уставали от напряженного труда, а лекторий был платный, на многие лекции трудно было попасть. Особой славой пользовались выступления известного литературоведа, профессора ЛГУ Г. А. Гуковского. Профессор СГУ

О. Б. Сиротинина (тогда студентка) вспоминала, что на лекции Григория Александровича надо было занимать места чуть ли не за два часа для начала. По просьбе слушателей физики радиофицировали еще несколько аудиторий 3-го корпуса, чтобы лекции Г. А. Гуковского и некоторых других могли послушать все желающие²². Сохранилось несколько афиш того лектория, которые выпускались ежемесячно. Например, в мае 1944 года в лектории состоялись лекции кандидата филологических наук А. Г. Левинтона (ЛГУ) о творчестве Мопассана, профессора В. В. Мавродина (СГУ) об Иване Грозном, профессора В. Е. Евгеньева-Максимова (ЛГУ) «Новое и малоизвестное о Н. А. Некрасове», доцента В. Г. Камышовой (СГУ) «Животные и растения минувших геологических эпох» и др.²³

Еще один совместный лекторий был открыт в Доме Красной армии. Его за два года посетило более 90 тысяч человек, прослушавших 455 лекций.

Многие сотрудники Ленинградского университета активно занимались шефством над ранеными, находившимися на излечении в саратовских госпиталях. Об этом подробно написала в своих воспоминаниях Р. Л. Золотницкая²⁴.

Ленинградцы, оказавшиеся в эвакуации в Саратове, с нетерпением ждали известий об окончании блокады родного города. Когда в

январе 1944 года враг был отброшен от стен Ленинграда, коллектив университета начал готовиться к возвращению домой. 10 марта в Ленинград были командированы ассистенты ЛГУ Н. Г. Григорьев и В. А. Коновалов для выяснения ущерба, нанесенного университету, и определения возможностей его быстрого восстановления²⁵. Когда посланные вернулись и доложили на совещании в ректорате обстановку, было решено приступить к реэвакуации и подготовке условий для начала занятий осенью 1944 года.

В мае 1944 года началось возвращение Ленинградского университета в родные пенаты. Приказом от 25 мая 1944 года по двум университетам отдел рабочего снабжения (ОРС) ЛГУ выделялся из объединенного ОРСа, а подсобное хозяйство, магазин, столовая и парикмахерская, принадлежавшие ОРСу ЛГУ, передавались Саратовскому университету²⁶.

Реэвакуация проходила в несколько этапов, и если основная масса преподавателей, сотрудников и студентов ЛГУ уже в конце июня оказалась в Ленинграде, приступила к ремонту учебных корпусов и общежитий, то часть оставалась в Саратове до осени, так как работали подготовительные курсы, проводился прием на первый курс. Окончательно почти все ленинградцы вернулись в родной город к

Студентки 2-го курса исторического факультета ЛГУ. Сидят: Ф. Розенблюм, П. Рассол, О. Мельниковская; стоят: Н. Маевская, Л. Белян. Саратов, весна 1942 г.

Памятный знак на Х корпусе Саратовского университета в честь пребывания Ленинградского университета в Саратове.
Фото А. К. Филиппова

началу учебного года, но некоторые преподаватели остались в Саратове по ряду причин. Так, профессор Г. А. Гуковский был проректором Саратовского университета до 1946 года, профессор В. М. Чулановский связан был с учебным процессом и исследовательской работой на физико-математическом факультете Саратовского университета. Не смогли уехать в Ленинград по материальным условиям многие студенты-саратовцы ЛГУ, особенно из числа первокурсников. В приказах по Саратовскому университету осенью 1944 года постоянно встречался пункт о зачислении в СГУ студентов Ленинградского университета, не сумевших отправиться вместе с университетским коллективом²⁷.

В июне 1944 года профессор А. А. Вознесенский сложил с себя полномочия ректора Саратовского университета и передал их профессору Н. И. Усову, назначенному ректором СГУ. 14 июня в помещении Театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского прошли торжественные проводы коллектива Ленинградского университета. Выступали представители двух университетов, местных органов власти, общественности Саратова. Было сказано много теплых слов в адрес коллектива Саратовского университета и жителей города, которые в трудный момент поддержали ленинградцев, помогли

им стать на ноги, сохранить свой потенциал. Саратовцы, в свою очередь, благодарили преподавателей и сотрудников ЛГУ, внесших большой вклад в развитие Саратовского университета, в культурную жизнь Саратова²⁸. Следует отметить, что в годы войны ученые Саратовского университета защитили 6 докторских и 13 кандидатских диссертаций, большинство из них – в ученых советах ЛГУ, чувствуя постоянную поддержку ленинградских коллег.

Конечно, перемещение такого громоздкого организма, как университет, не обходится без потерь и жертв. Но опыт перемещения Ленинградского университета в тяжелейших условиях осажденного

Памятный знак ЛГУ «В память о совместной работе в Саратове»

города показывает, что это может быть единственной возможностью сохранить уникальный коллектив и его лучшие традиции.

¹ Пребыванию Ленинградского университета в Саратове посвящена глава в книге В. А. Ежова и В. В. Мавродина «Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны» (Из-во ЛГУ, 1975), но в ней допущен ряд неточностей, не использованы многие источники, в том числе архивные. В воспоминаниях Е. Ленсу, Р. Золотницкой, В. Артисевич, С. Савенкова, О. Сиротининой, С. Фриша и др. (опубликованных и неопубликованных) имеются противоречия. Кроме того, в них описываются отдельные эпизоды пребывания ЛГУ в Саратове, но не представлена полная картина.

² Фриш С. Э. Сквозь призму времени. М., 1992. С. 251–280.

³ Эльяшева. «Папа» Вознесенский // Нева. 1998. № 10. С. 115.

⁴ Аврус А. И., Порох И. В. Из истории научных взаимоотношений Санкт-Петербургского и Саратовского университетов (1909–1999) // Празднование 275 годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы. СПб., 2003. С. 467–482.

⁵ Золотницкая Р. Л. Наши подшефные госпитали // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 14/15; Ленсу Е. Я. Alma mater // Новое литературное обозрение (НЛО). 2000. № 4 (44). С. 163; Фриш С. Э. Указ. соч. С. 281 и др.

⁶ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее: ГАНИ СО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 3.

⁷ Алексеевская Н. К. В грозные годы войны // Саратовский университет. 2006. № 7. 23 окт. С. 7.

⁸ Фриш С. Э. Указ. соч. С. 287.

⁹ Архив СГУ. Ф. Канцелярия. Оп. 1. Д. 52. Л. 84.

¹⁰ Ленсу Е. Я. Указ. соч. С. 163.

¹¹ Фирсова С. М. Мой главный учитель // Вознесенский Л. А. Истины ради. М., 2003. С. 694.

¹² Цит. по: Библиотечная легенда. Саратов, 1996. С. 21.

¹³ Например: Савенков С. И. Географический факультет в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. (рукопись) // Личный архив семьи С. И. Савенкова. С. 10.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8080. Оп. 4. Д. 323. Л. 2–14.

¹⁵ ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3319. Л. 107–108.

¹⁶ Фриш С. Э. Указ. соч. С. 301.

¹⁷ Там же. С. 290–291.

¹⁸ ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3333. Л. 6–25.

¹⁹ Чапкевич Е. И. Советская историография 20–50-х годов внешней политики России // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 430–431.

²⁰ Артисевич В. А. Коллектив ЛГУ в Саратове. Машинописная рукопись // Фонд неопубликованных материалов кабинета библиотековедения Научной библиотеки СГУ им. В. А. Артисевич. М., 1976. С. 3–5.

²¹ Золотницкая Р. Л. Два года – эпоха в трехсотлетней истории СПбГУ // Санкт-Петербургский университет. 2005. № 2.

²² ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3314. Л. 152–153; Артисевич В. А. В дни войны (1941–45 гг.) Воспоминания // Саратовский листок. 1991. 22 июня; Сиротинина О. Б. Военная... филология // Саратовская панорама. 2001. 20 июня.

²³ Афиша лектория СГУ–ЛГУ за май 1944 г. // Личный архив семьи С. И. Савенкова.

²⁴ Золотницкая Р. Л. Два года – эпоха в трехсотлетней истории СПбГУ.

²⁵ Архив СГУ. Ф. Канцелярия. Оп. 1. Д. 62. Л. 77, 115.

²⁶ Там же. Л. 184.

²⁷ Там же. Л. 214–216, 232, 235 и др.

²⁸ От редакции // Коммунист (Саратов). 1944. 16 июня.

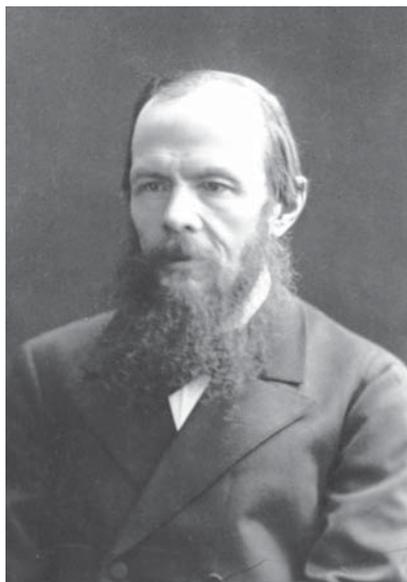
Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество и организация помощи болгарским славянам

Н. В. Кольшницына

Развитие взаимоотношений между русским и болгарским народами складывалось на протяжении столетий. Оно охватывало политическую, общественную, культурную и другие сферы жизни наших стран. Важной исторической вехой в развитии русско-болгарских взаимоотношений стало освобождение Болгарии от османского ига и воссоздание Болгарского государства во второй половине XIX века. Именно с того времени в России начал проявляться интерес к истории и современному состоянию болгарского народа, а русская общественность приняла активное участие в создании болгарских учебных заведений, в подготовке кадров болгарской интеллигенции.

Большую роль в этом сыграли славянские благотворительные комитеты (с 1878 года – общества), организованные в разных городах России. В настоящей статье речь в первую очередь пойдет о деятельности Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, официально открытого в мае 1868 года¹.

Целью Славянского благотворительного комитета было заявлено содействие «развитию славянской взаимности и духовного единения славян с Россией»². Деятельность общества заключалась в следующем: помощь церквям, школам и народно-просветительским учреждениям, а также в издании литературных произведений в славянских землях; в нравственной и материальной поддержке славян; в издании научных и литературных сочинений и руководств. Средства Общества складывались из основного неприкос-

Ф. М. Достоевский

новенного капитала, специальных капиталов (которые имели особое назначение и расходовались по воле жертвователей), процентов со всех капиталов Общества, ежегодных членских взносов, единовременных денежных пожертвований, церковного кружечного сбора и доходов от продажи изданий Общества³. Членами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества в разное время были известная писательница А. И. Ишимова, академик живописи и скульптуры М. И. Микешин, писатель Ф. М. Достоевский и многие другие.

Деятельность Общества можно рассматривать в трех основных направлениях: 1) организация помощи славянским народам в освобождении от турецкого господства; 2) помощь в развитии народного образования и оказание материальной

помощи молодежи, учившейся в России; 3) оказание материальной поддержки балканским эмигрантам. Рассмотрим деятельность Санкт-Петербургского комитета по этим направлениям в отношении болгарских славян.

В июне 1875 года в Герцогине вспыхнуло восстание против турецкого режима, к августу оно перекинулось на Боснию. Восстание вызвало сильное брожение в Болгарии, болгарское население поднялось против турецкого ига. Движение было жестоко подавлено турецкими властями: около 60 местечек было разорено, более 12 тысяч болгар погибло. С 1875 года для Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета началась трудная и неустанная работа: надо было в одно и то же время собирать

Академик живописи и архитектуры М. И. Микешин

пожертвования, отправлять их, делать закупки вещей, в которых нуждались восставшие, следовало также изыскивать возможности доставки этих вещей и денег по назначению через австрийские территории. Таким образом, как отмечала газета «Телеграф», Славянский комитет «очутился нежданно-негаданно и притом одновременно на амплу министерства финансов, изыскивающего новые и новые источники доходов, и военного министерства по снабжению славян оружием, и интендантского управления, и медицинского департамента <...> все это должны были проделывать люди, совершенно не пригодные к этому, очень почтенные, честные»⁴.

21 сентября 1875 года при Санкт-Петербургском славянском благотворительном комитете была создана комиссия по сбору пожертвований в пользу нуждавшихся славян на Балканах. Когда в июле 1876 года Сербия и Черногория объявили Турции войну, а Болгария подверглась разгрому со стороны Турции, область действия комиссии значительно расширилась. В самый разгар восстания комиссия обратилась к русскому народу с воззванием о сборе пожертвований. Подписные листы рассылались всем настоятелям православных церквей, церковным старостам, волостным старшинам, цеховым и мастерам, распространялись на конно-железных дорогах. Сбор средств проводился и в еврейских общинах⁵. На благотворительные нужды были определены сборы от устройства гуляний, художественных и музыкальных вечеров, от издания различных литературных сборников⁶. Так, например, в пользу сражавшихся балканских славян, в том числе болгар, проводились музыкальные вечера в Павловском вокзале, музыкальные утра духового пения, публичные чтения, спектакли, выставки⁷. Содержатели увеселительных заведений предоставляли свои помещения для организации концертов и вечеров за символическую плату. В первую очередь это касалось «Славянского парка», Петербургского танцевального собрания (летнее помещение – «дача Черник»), уже упомянутого Павловского вокзала⁸. Значительными были и вещевые пожертвования. 10 сентября 1876 года крестьяне Воронежской губернии

прислали в пользу семейств, пострадавших от восстания в Боснии, Герцеговине и Болгарии, деньги и 50 аршин холста⁹. Крестьяне Екатеринославской губернии пожертвовали в пользу боснийцев, герцеговинцев и болгар деньги, холст, рубахи, нитки, платки¹⁰. Крестьяне других губерний России (в том числе Владимирской, Орловской, Гродненской, Новгородской, Таврической, Ярославской, Полтавской и Пермской губерний) жертвовали деньги, холст, нитки, белье, полотенца, носки, чулки, перчатки и т. п.¹¹

Одним из важнейших дел комиссии стала отправка на театр военных действий врачей, фельдшеров и сестер милосердия¹². Сохранились прошения девиц разных сословий об отправке их на Балканский полуостров в качестве сестер милосердия, студентов старших курсов высших медицинских учебных заведений – фельдшерами или помощниками врачей, медицинских работников – «для оказания медицинской помощи»¹³.

В 1870-е годы возникли благотворительные общества и на Балканском полуострове. Только на территории Румынии (в Бухаресте) существовало несколько обществ для помощи болгарам, самыми крупными из которых были Болгарское человеколюбивое настоятельство (председатель – митрополит Панарет) и Центральный

славянский благотворительный комитет под председательством К. Цанкова¹⁴. Каждое из них работало в своем направлении: Болгарское человеколюбивое настоятельство в основном решало вопросы организации просвещения и оказания материальной помощи нуждающимся; Центральный благотворительный комитет, состоявший в основном из молодежи, имевшей ограниченные средства, занимался организацией повстанческих отрядов.

Помощь России члены комитета видели, прежде всего, в выделении денежных сумм для организации повстанческих отрядов. Так, например, 1 июля 1876 года В. Ионин (один из членов Центрального комитета) обратился в Петербургский отдел славянского благотворительного комитета с таким обращением: «Все надежды несчастных жертв обращены к России. От этой общеславянской покровительницы ждут они братской помощи <...>»¹⁵. В своих последующих письмах князю А. И. Васильчикову¹⁶ В. Ионин давал точную картину формирования болгарских дружин: «...Восставших считают до 25 000, но они дурно вооружены. Формирование болгарских отрядов в настоящее время производится исключительно в Кладово в Сербии, где выдается оружие и все необходимое. До сих пор из Сербии выслано более 2000 болгар; такая малочисленность от-

Первый Болгарский съезд, состоявшийся 19 ноября 1876 г. в Бухаресте

правившихся объясняется недостатком средств для отправки отсюда болгар в Сербию, хотя волонтеров в Румынии находится до 6000, которые нуждаются в путевых издержках... Переход же вооруженных отрядов из Молдавии по строгости надзора, покуда невозможен»¹⁷. В другом письме читаем: «...Что же касается румынского правительства, то таковое в настоящее время относится крайне враждебно к движению славян. <...> Вследствие этого враждебного отношения, организацию отрядов в Румынии, если не сделалось невозможным, то, по крайней мере, более чем затруднительно. Инсургенты¹⁸ же терпят нужду в оружии, провоз которого в настоящее время был бы возможным только из России через Одессу или Кишинев. Чтобы дать понятие о дороговизне тайно закупувшегося в Румынии оружия, довольно будет сказать, что отряд в 320 человек, вышедший из деревни Козлудуй близ Лан Паланки под начальством Батева, обошелся более чем в 20 000 рублей серебром. Кроме расходов на доставку людей к месту назначения и на покупку необходимых принадлежностей для волонтеров, каждая винтовка стоила 60 рублей серебром, а простые бельгийские штуцеры – по 12 рублей серебром. Несмотря на цену, цель была достигнута и отряд Батева, дойдя до Балкан, уже имел в своем составе с присоединившимися до 1000 человек»¹⁹. При этом В. Ионин отмечал, что «...со стороны здешнего правительства не может быть затруднений к допущению санитарного отдела <...> Так как теперь сербские войска подходят к Видину, то санитарный отдел мог бы избрать своим местопребыванием <...> в Сербии на границе Болгарии»²⁰.

В Бухаресте существовали также два дамских болгарских благотворительных общества: госпожи Ценович и госпожи Пулиевой²¹. Кроме того, действовали Гюргевское благотворительное общество св. Кирилла и Мефодия, Болгарская благотворительная дружба в Брасиллове, Болгарское благотворительное общество в Галаце, Болгарское благотворительное общество в Белграде и других городах²².

С началом русско-турецкой войны в апреле 1877 года снабжение вооруженных отрядов и войск пошло через Общество Красного Креста. Это

Врачи и офицеры Добровольческой бригады

обстоятельство позволило сосредоточить в нем все средства Славянского благотворительного общества на оказание всесторонней помощи для восстановления церквей, призрения местных жителей и т. п.²³

Существенную помощь благотворительным комитетам оказывали их члены, находившиеся непосредственно на театре военных действий. Так, А. А. Нарышкин, будучи уполномоченным Славянского благотворительного общества в Болгарии, находясь в действовавшей армии, заведовал гражданской частью при главнокомандующем армией князем В. А. Черкасским и в качестве уполномоченного занимался распределением пособий, а в Тырново открыл родильный дом и приют для стариков и старух²⁴.

В октябре 1878 года его сменил на этом посту П. В. Алабин. После взятия Плевны из среды ее жителей был образован Комитет помощи пострадавшим жителям г. Плевны и ее округи, в состав которого записалось более 60 человек. В помощь тому комитету из средств Славянского общества П. В. Алабин выделил 2000 франков²⁵. В 1878 году средства Общества, выделенные для Болгарии, были им потрачены на поддержание семей беженцев, на реставрацию древнего храма в Тырнове, на содержание Ловчинского и Тырновского приютов для детей²⁶. В своих отчетах П. В. Алабин обращал внимание на то, что наиболее значительную пользу Славянское

благотворительное общество могло принести Болгарии, содействуя развитию в ней просвещения и науки, а также восстановлению храмов²⁷. Реализуя эту идею практически, П. В. Алабин обратился с просьбой ко всем болгарским губернаторам предоставить сведения о нуждах учебных заведений по губерниям. Что же касалось восстановления разрушенных (или превращенных в мечети) болгарских храмов, то, по мысли П. В. Алабина, следовало дать импульс и начальные средства местному населению, с тем чтобы само восстановление шло совместными усилиями, а дальнейшее их содержание – исключительно на местные средства.

Следует иметь в виду, что помощь в деле развития народного образования в Болгарии Славянский благотворительный комитет начал оказывать задолго до начала русско-турецкой войны. Так, сохранились сведения об оказании материальной поддержки болгарским школам, о состоянии народных училищ, о снабжении их книгами еще в конце 1860-х годов. Например, в заседании Общества 6 апреля 1869 года были заслушаны объяснения болгарской инокини Капитолины о положении учрежденной при женском монастыре в Терновской епархии девичьей школы. Было принято решение выделять на поддержку той школы по 150 руб. в год и назначить единовременно 150 руб.²⁸

Летом 1873 года по просьбе секретаря Одесского славянского общества Митровича²⁹ русским консулом в Солуне была составлена «Заметка о городах и болгарских селениях в Македонии, нуждающихся в учреждении народных училищ». Согласно этой заметке в Македонии требовалось открыть не менее 7 новых училищ и, кроме того, предоставить учителей для 44 училищ, многие училища нуждались в книгах, несмотря на то, что некоторые из них получали поддержку из Константинополя от Македонского дружества³⁰.

Еще в 1868 году в Константинополе при содействии Славянского благотворительного комитета было учреждено общество «Просвещение», которое возглавил П. Ф. Муссевич. В течение 6 лет общество выплачивало стипендии болгарам, получавшим высшее образование, используя как собственные средства, так и материальную помощь Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета. В первую очередь материальная помощь выдавалась студентам, получавшим педагогическое образование. Давая отчет Петербургскому отделу Славянского благотворительного комитета, П. Ф. Муссевич высказывал и просьбу об оказании помощи в открытии одной женской педагогической школы в Константинополе для подготовки учительниц для народных девических училищ в Болгарии с обязательным изучением русского языка, пригласив учительницу из русских педагогов, «дабы сумела ввести порядок в школе по примеру подобных учебных заведений в России. Это могло бы способствовать к сближению не только детей с русской литературой, но и наших семейств с народным и государственным бытом русского народа <...>»³¹. Женских школ в Болгарии было открыто много, но учительниц в них не хватало. К сожалению, проект этот так и не был реализован.

В целях поддержки общества «Просвещение» Славянский комитет 23 февраля 1874 года принял решение назначить ему единовременную помощь в размере 300 руб.³² Помимо этого, была достигнута договоренность о получении книг духовного содержания по ценам Св. Синода и в рассрочку³³. Такая

помощь оказывалась не только учебным заведениям общества «Просвещение». Была снабжена книгами православная семинария в с. Лесковце около Тырнова³⁴. Помимо книг духовного и богословского содержания в Болгарию присылались издания Байрона, Шекспира, русских поэтов³⁵.

Совет славянского благотворительного общества, будучи убежденным, что распространение русских книг в Болгарии может, не вредя самостоятельному развитию болгарского народа, принести обоюдную пользу России и Болгарии в научном, торговом, промышленном и других отношениях, признал необходимым принять зависящие от него меры к оказанию болгарскому народу помощи в этом деле. С этой целью было решено выделить средства на устройство в Болгарии нескольких библиотек и читален в Софии, Тырново, Габрово, Лом-Паланке, в Виддине, Варне, Рушцке, Шумле, Систове, Сомакове и Плевне. Кроме того, планировалось снабжать учебные заведения русскими азбуками, грамматиками и хрестоматиями³⁶. 17 мая 1872 года для библиотеки Рушукского болгарского училища были присланы из Санкт-Петербурга «Словарь Толя» (3 тома с приложениями), «Письма о химии Либиха» (2 тома), «Химия в приложении к земледелию и физиология растений Либиха» (1 том), «Иллюстрированные сочинения Брема о жизни животных» (5 томов)³⁷.

Во второй половине 1879 года Совет славянского благотворительного общества вновь предпринял снабжение книгами болгарских читален и школ. Пожертвованные в Петербурге книги были препровождены в Софийскую публичную библиотеку, Терновскую духовную семинарию и в Габровскую гимназию³⁸.

Славянское благотворительное общество оказывало материальную помощь и тем молодым людям, которые получали среднее и высшее образование в учебных заведениях в России³⁹. Так, в период с 1868 по 1893 год в учебных заведениях Российской империи на стипендии Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества обучалось в общей сложности до 73 болгар⁴⁰. В последующие годы количество болгар, обучавшихся в России, не только не уменьшалось, но, напротив, увеличивалось⁴¹.

В этой связи довольно любопытным представляется прошение болгарского уроженца Пантелеймона Набодкова от 22 января 1874 года. Он просил предоставить ему возможность ознакомиться с предприятиями российской химической промышленности: «Окончив курс наук в текущем году в С.-Петербургском технологическом институте, я пожелал остаться в России еще на один год для практического изучения некоторых химических производств, имеющих большое значение в промышленном развитии Болгарии. Чтобы достигнуть своей цели, мне невозможно постоянно служить на одной фабрике, но я должен в продолжение года посетить несколько из них, оставаясь на каждой по месяцу или по два, смотря по важности производства. Имея теоретическую подготовку, мне достаточно не много времени, чтобы присмотреться к фабричным приемам и вполне усвоить их себе <...> Ехать же в Болгарию с целью распространения технических познаний и применения их на практике необходимо запастись многими практическими данными, если не по всем производствам, то по важнейшим из них, потому что у нас фабричная промышленность почти не существует и если принять деятельность по этой части, то нам придется начинать с начала...»⁴² К прошению приложена отличная характеристика на выпускника П. Набодкова из Технологического института⁴³. Прошение это было удовлетворено⁴⁴.

Как отмечали многие современники, болгарская молодежь, получившая образование в России, вернувшись на родину, заслужила любовь и доверие болгарского народа. Болгар из русских воспитанников можно было встретить и среди пастырей церкви, и среди учителей и врачей, и на гражданской, и на военной службе⁴⁵.

Культурное взаимодействие двух стран выражалось не только в издании Славянских сборников, публикации научных и литературных трудов, предоставлении стипендий учащимся и субсидировании учебных заведений в Болгарии, но и в организации непосредственного знакомства русских с Болгарией и наоборот. Так, в 1910 году для русских учителей была организована экскурсия в Болгарию. В апреле

1911 года в Россию на экскурсию по стране прибыла делегация болгарских учащихся (40 человек) и учителей (12 человек) учебных заведений Министерства народного просвещения Болгарии. Делегация посетила Одессу, Киев, Москву, Петербург и Варшаву⁴⁶.

Еще в 1908 году в Киеве был создан специальный комитет под названием «Паломничество в Болгарию». Цель его состояла в том, чтобы поощрять русских людей к посещению Болгарии и, в первую очередь, болгарских военных памятников, связанных с русско-турецкой войной 1877–1878 годов⁴⁷.

Часто в Санкт-Петербургское благотворительное общество обращались представители славян (в том числе, конечно, и болгары) с ходатайствами об оказании им материальной и иной помощи. Чаще всего то были прошения об оказании материальной помощи для возвращения на родину выпускников учебных заведений или приезжавших на работу⁴⁸. Были прошения болгар о выдаче им ссуд на учебу⁴⁹ и оказании помощи при определении на службу в России⁵⁰.

В 1879 году во главе Болгарского государства встал немецкий принц Александр Баттенберг. В 1886 году он был свергнут с престола, что послужило причиной политического кризиса 1886–1887 годов, который вызвал очередной всплеск болгарской эмиграции в Россию. В тех условиях председатель Одесского славянского благотворительного общества имени св. Кирилла и Мефодия М. В. Шимановский обратился в правление Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества: «Крайне неблагоприятно сложившиеся политические дела в Болгарии вызвали большую эмиграцию в Одессу как болгар, так равно и русскоподданных, служивших там, причем бежавшие из Болгарии, спасая свою жизнь, не имели ни возможности, ни времени унести с собой какое-либо имущество.

Все эти эмигранты обращаются в данный момент за пособием к Одесскому славянскому благотворительному обществу, но скудные материальные средства Общества не дают ему положительно никакой возможности что-либо уделить из своих средств на их нужды, а между тем славянское общество является

для этих несчастных единственным источником откуда и при посредстве которого они могут получить облегчение своей участи...»⁵¹

Один из деятелей славянофильства С. Ф. Шарапов в статье «Франция и славянство» отмечал: «Если мы взглянем во всю предыдущую духовную деятельность Славян-

ского общества, – мы увидим, что, оставляя в стороне текущую политику, оно чутко следило за внутренней духовной жизнью славянства, усиленно помогало ее движению и выясняло ее пути. Историческая жизнь нашей Родины тесно и нераздельно связана с общеславянским духовным делом»⁵².

¹ В первые десятилетия своего существования Петербургский славянский благотворительный комитет не имел своего устава, а действовал на основании Временных правил, на базе которых в 1909 г. был составлен Устав С.-Петербургского славянского благотворительного общества.

² Устав С.-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1909. С. 1–2.

³ Там же. С. 17.

⁴ Телеграф от 26 нояб. 1878. № 139.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 19. Л. 97, 116–118, 122–123.

⁶ Там же. Л. 198, 200–201.

⁷ Там же. Л. 79, 81, 162–163.

⁸ Там же. Д. 33. Л. 5–5 об.; Д. 256. Л. 2–4, 8.

⁹ Там же. Д. 5. Л. 157.

¹⁰ Там же. Д. 15. Л. 24

¹¹ Там же. Д. 19. Л. 65, 66, 70–77.

¹² Там же. Д. 1. Л. 202

¹³ Там же. Д. 36. Л. 19–23, 27–29 об., 41, 58.

¹⁴ Там же. Д. 101. Л. 9–17.

¹⁵ Там же. Л. 1–2 об.

¹⁶ В 1876 г. князь А. И. Васильчиков был председателем С.-Петербургского отдела славянского благотворительного комитета.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 101. Л. 3 об. – 4.

¹⁸ Инсургенты – повстанцы, восставшие.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 101. Л. 6–7.

²⁰ Там же. Л. 3–4 об.

²¹ К сожалению, их имена установить не удалось.

²² ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 101. Л. 36–37.

²³ Там же. Д. 82. Л. 38.

²⁴ Там же. Л. 59 об.

²⁵ Там же. Д. 242. Л. 29–30.

²⁶ Там же. Л. 1, 4–5 об.

²⁷ Там же. Л. 15 об. – 16 об.

²⁸ Там же. Д. 1. Л. 5 об.

²⁹ К сожалению, его имя установить не удалось.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 41–45 об.

³¹ Там же. Л. 57–58 об.

³² Там же. Л. 60

³³ Там же. Л. 64–65 об., 68, 86–87 об., 88–91, 92–93 об.

³⁴ Там же. Л. 103–104 об., 108–108 об.

³⁵ Там же. Л. 101–102 об.

³⁶ Там же. Д. 82. Л. 95.

³⁷ Там же. Д. 7. Л. 8.

³⁸ Там же. Д. 1. Л. 208 об. – 209.

³⁹ В 1870-х – начале 1880-х гг. число болгар, обучавшихся в учебных заведениях России на средства Санкт-Петербургского комитета, составляло порядка 36–37% от общего числа южных славян.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1–7.

⁴¹ Там же. Л. 48–48 об., 53–53 об., 68–71, 78–82, 79–80, 91–102.

⁴² Там же. Д. 11. Л. 59

⁴³ Там же. Л. 61.

⁴⁴ Там же. Л. 64.

⁴⁵ Там же. Д. 937. Л. 41–46.

⁴⁶ Там же. Д. 1331 (все дело).

⁴⁷ Там же. Д. 1219 (все дело).

⁴⁸ Там же. Д. 10. Л. 13, 15, 58.

⁴⁹ Там же. Д. 11. Л. 3, 27, 65–66.

⁵⁰ Там же. Л. 91, 92–93.

⁵¹ Там же. Д. 610. Л. 6–6 об.

⁵² Шарапов С. Ф. Франция и славянство // Протокол торжественного собрания, состоявшегося 19 декабря 1893 г. С. 24.

Старые и новые организационные формы благотворительности в Петербургской еврейской общине

О. В. Дашевская

Ни одна из религиозных общин, к какой бы конфессии она ни принадлежала, не существует без двух структур. Одна из этих структур занимается организацией образования, а другая – организацией помощи нуждающимся членам общины, т. е. – благотворительностью. Поддержка нуждающихся в системе ценностей иудаизма – один из важнейших принципов, сформулированный как заповеди, высказывания мудрецов и праведников, положения Талмуда и комментарии к ним.

На протяжении многих столетий в еврейских общинах диаспоры оформились благотворительные структуры. Эти структуры в общинах Российской империи с конца XVIII и до второй половины XIX века, по сути, дублировали систему оказания помощи, сложившуюся еще в кагалах Восточной Европы (Польша и Литва) в XV–XVI столетиях. Содержание этой деятельности сводилось к собиранию, а затем раздаче нуждающимся членам общины денежной, вещевой или продуктовой помощи (в зависимости от ее цели).

В больших общинах существовали даже отдельные комиссии для сбора средств на каждую из таких целей. Например, в краковской еврейской общине в XVII–XVIII веках были отдельные комиссии для сбора средств на приданое для бедных невест и на мацу к празднику Песах для бедняков и отдельно для евреев-арестантов. Даже в XIX веке в Одесской еврейской общине создавались временные комиссии для обеспечения закупки дров для бедняков на зиму и т. п. Еще одна традиционная форма помощи – «цдока», т. е. организованная раздача беднякам незначительных денежных пособий в самой синагоге.

Дом еврейской общины. Открытка

Недостатком такой организации благотворительной помощи являлось то, что на одни и те же цели приходилось собирать средства постоянно. А расходовались они по принципу «латания дыр», т. е. решение проблемы не было и не могло быть окончательным.

В Петербургской еврейской общине до 1863 года использовались некоторые из традиционных форм благотворительности, впрочем, от них никогда полностью не отказывались. Благотворительность в столичной общине следовала освященным веками еврейским традициям и приобретала новые формы. Список жертвователей на различные благотворительные нужды насчитывал сотни фамилий. На попечении общины были сиротский приют и богадельня. С 1879 года в благотворительной кошерной столовой обеды отпускались со скидкой, а по пятницам евреи-солдаты получали обеды бесплатно. В конце XIX века на Екатерининском канале было построено здание еврейских

народных бань (миквы), в котором располагалась и столовая.

Но, начиная с середины 60-х годов XIX века доля старых форм благотворительной помощи Петербургской еврейской общины в общем объеме помощи постоянно снижалась. А вместо старых способов оказания помощи появились принципиально новые – более эффективные формы. В Петербурге еврейские благотворительные организации стали аккумулировать пожертвования в виде специальных капиталов.

Эти, как тогда называли их, капиталы, а в современной терминологии – фонды, позволяли оказывать не только разовую помощь, но и осуществлять долговременные благотворительные программы. Работа тех структур строилась не на сборе и раздаче средств по каким-то конкретным поводам. Целью новых организаций было создание основы фонда – неприкосновенного капитала, от которого тратился на цели организации только ежегодный

банковский процент. Средства организаций пополнялись за счет различных эпизодических и постоянно действовавших источников и акций. Это и сбор средств, и ежегодные взносы членов обществ, и суммы, поступавшие от проведения благотворительных базаров, вечеров, выставок, а также от реализации тиражей специально изданных литературных или научных произведений.

Конечная цель таких программ, а значит, и самих фондов, – создать условия для сокращения числа нуждающихся в помощи.

Такими обществами – фондами стали созданные в Петербурге Общество для распространения просвещения между евреями России (ОПЕ), Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев России (ОРТ) и Еврейское колонизационное общество (ЕКО), Общество охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ), Общество пособия бедным евреям Петербурга (ОПБЕП). Причем все эти фонды, кроме ОПБЕП, вели свою деятельность не только в Петербургской общине, а распространили ее на всю территорию Российской империи.

Из всех перечисленных обществ только ОПБЕП занималось исключительно оказанием помощи в соответствии с принципами, существовавшими с XV века. Но деятельность и того общества качественно отличалась от традиционного распределения помощи беднякам. До основания ОПБЕП в 1907 году правление общины рас-

ходило ежегодно около 6 тысяч рублей на помощь беднякам. Новое общество объединило средства благотворителей и изменило подход к организации помощи и ее структуре. Общество помощи бедным евреям Петербурга (а затем Петрограда) выдавало пенсии старикам, единовременные пособия бедным, оказывало помощь евреям-заключенным, а иногородним евреям, оставшимся в столице без средств, помогало вернуться домой. По договоренности общества с евреями – владельцами аптек, еврейским беднякам лекарства отпускались со скидкой.

В системе новых еврейских благотворительных структур ОПБЕП было сформировано позднее остальных. Самым первым новым еврейским благотворительным по своей сути фондом было Общество для распространения просвещения между евреями России (ОПЕ). Общество было учреждено в 1863 году по инициативе лидера петербургских евреев, крупнейшего банкира Евзея Гинцбурга и лидера Одесской еврейской общины А. Бродского. Первоначально основатели ОПЕ провозгласили своей целью оказание помощи еврейскому юношеству, желавшему получить высшее образование в России. Общество выплачивало стипендии малоимущим еврейским студентам. В дальнейшем целью общества стало создание новой системы еврейского образования, сочетающей светские европейские знания с сохранением традиционных еврейских знаний.

Для решения этой задачи обще-

ство финансировало издание новых учебников для еврейских школ, научные исследования в области иудаики как базы для написания этих учебников и оплачивало покупку книг и подписку на периодические издания библиотекам новых еврейских школ. ОПЕ оказывало финансовую поддержку частным еврейским училищам по всей Российской империи, в том случае, если преподавание велось по программам и учебникам, рекомендованным ОПЕ, и 10% учащихся из малоимущих семей получали образование в тех училищах бесплатно. Уже через 30 лет после основания ОПЕ его успехи и заслуги в области развития новой системы еврейского образования получили общественное признание на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. К тому времени ОПЕ уже выступало в качестве учредителя ряда еврейских школ. А отделения общества открылись во многих городах России, и не только в черте оседлости, а и во внутренних губерниях. В дальнейшем на средства общества была создана система подготовки учителей для новых еврейских школ.

В 1904–1905 годах ОПЕ издавало в Москве журнал «Еврейская школа», а в столице с 1910 по 1916 годы «Вестник общества для распространения просвещения среди евреев России» или, иначе, – «Вестник еврейского просвещения». На страницах журнала рассматривались не только методические вопросы, но освещалось положение еврейских общественных и частных школ на территории всей империи, как в черте оседлости, так и за ее пределами. Так Петербург стал еще и научно-методическим центром еврейского образования для всей России. Если деятельность ОПЕ была направлена на достижение еврейской молодежи общего образования, которое открывало перспективы для дальнейшего преуспеяния, то Временный комитет Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев России, или ОРТ, созданный спустя 17 лет после ОПЕ, ставил своей целью организацию профессионального образования евреев. ОРТ оказывал помощь ремесленникам в обзаведении инструментом, материалами, открытии собственных мастерских,

Народные бани и столовая

а также помощь при переезде из местечек черты оседлости во внутренние губернии России.

Так же, как и ОПЕ, ОРТ существовал на пожертвования благотворителей. Но если ОПЕ в первые годы существовало в основном на деньги нескольких жертвователей, то для ОРТа сразу же в 1880 году был организован среди еврейского населения всей России сбор средств.

Уже через 8 лет после основания ОРТ на его средства были открыты два еврейских ремесленных училища в Симферополе и Динабурге. Кроме того, ОРТ оплачивал труд учителей, обучавших ремеслу в еврейских школах, открывал при тех школах ремесленные классы для мальчиков и девочек, выдавал ссуды ремесленникам на обзаведение собственными мастерскими в губерниях черты оседлости и во внутренних губерниях.

В отличие от ОПЕ, поддерживавшего главным образом уже существовавшие учебные заведения, ОРТ занимался открытием новых школ и курсов. То были профессиональные училища и курсы, позволявшие евреям как из черты оседлости, так и в других губерниях и городах России обучаться ремеслам и, главное, получать ремесленные аттестаты. Такие аттестаты позволяли им претендовать на право жительства вне черты оседлости в качестве ремесленников. Именно этим обстоятельством объясняется широкая и все растущая популярность ОРТа среди евреев России.

К началу XX века деятельность ОРТа была уже широко известна российским евреям даже в самых маленьких местечках, не говоря уже о больших городах. В 1909 году списки жертвователей включали 1037 человек.

ОРТ ставил своей целью дать питомцам своих классов и курсов самые престижные и востребованные в то время профессии. Так, например, в Вильно были открыты электротехнические курсы, в Кременчуге – курсы рисования и черчения. Правление ОРТ обсуждало возможность открытия шоферских курсов. Выпускникам таких курсов работа была обеспечена, так как на лиц, обладавших знаниями и навыками в этих, тогда новых, профессиях, на рынке труда спрос превышал предложение.

За 37 лет деятельности в России, с 1880 по 1917 год, ОРТ основал 17 ремесленных училищ (8 для мальчиков и 9 для девочек). Полностью или частично на средства ОРТа содержалось 63 ремесленных класса и отделения в еврейских школах и училищах (45 для мальчиков и 18 для девочек).

В 1917 году ОРТ начал пропагандировать свою деятельность среди евреев США с целью сбора средств, для оказания специализированной помощи евреям России в рамках программ ОРТа. Таким образом, были заложены основы международной деятельности этой организации, существующей и поныне и сосредоточившей в настоящее время в своих руках все профессионально-техническое обучение евреев во многих странах мира.

Еще одной крупной еврейской благотворительной организацией стало открытое в России в 1893 году отделение Еврейского колониционного общества (ЕКО). Само общество было основано двумя годами ранее. Его основал известный еврейский благотворитель барон Морис де Гирш.

После смерти единственного сына М. де Гирш всю часть своего состояния, предназначавшуюся в наследство сыну, использовал на благотворительные цели. На те средства он создал в Лондоне Еврейское колониционное общество. Общество учреждалось для помощи евреям Восточной Европы, прежде всего Российской империи. После волны еврейских погромов, прока-

тившейся по югу России в первой половине 80-х годов XIX века, М. де Гирш считал, что у евреев нет в России будущего. Он считал, что необходимо найти место не только для их массового переселения, но и для безопасного их обустройства и мирного производительного труда. Был разработан так называемый «Аргентинский проект». Для восточноевропейских евреев были приобретены земли в Аргентине под сельскохозяйственные поселения.

Слухи о благодеяниях барона М. де Гирша стронули с места десятки тысяч людей. Для того чтобы упорядочить переселение, в России было открыто отделение ЕКО, которое, по просьбе М. де Гирша, возглавил Гораций Гинцбург. Сам Г. Гинцбург не считал возможным остаться в стороне от этого движения, хотя идее массовой эмиграции и не сочувствовал. Российское правительство пошло навстречу еврейской эмиграции. ЕКО предположало за четверть века вывезти из России почти все еврейское население – 3,5 миллиона человек. Переселенцев освобождали от отбывания воинской повинности, им бесплатно выдавали документы, для них был установлен льготный тариф на железных дорогах. Уполномоченные ЕКО на местах должны были выявлять семьи потенциальных эмигрантов, консультировать их и оказывать им поддержку в оформлении документов и получении льгот. Помимо отдела, занимавшегося эмиграцией в Аргентину, в ЕКО был вскоре создан еще один отдел,

Члены общества попечения о бедных евреях Петрограда

занимавшийся переселением евреев в другие страны, которые не отказывали им в приеме. Информационное бюро ЕКО наладило выпуск словарей и брошюр на русском языке и идиш. Брошюры рассказывали о законах для эмигрантов в США, об условиях проживания в Канаде, Австралии, Южной Африке. Все те выпуски были дешевыми и доступными даже для беднейших евреев. Например, словари стоили 10 копеек, а брошюры от 1 до 6 копеек. ЕКО выпускало также журнал «Еврейский эмигрант». Деятельность ЕКО в начале XX века уже не ограничивалась организацией эмиграции евреев из России. Еще соглашаясь возглавить Российское отделение ЕКО, Горацкий Гинцбург поставил условие, что отделение будет заниматься также организацией еврейских земледельческих колоний в России. Вскоре на средства Гинцбургов такие колонии были организованы на юге страны. Кроме того, так же, как и ОРТ, ЕКО стало организовывать различные профессиональные курсы для евреев и открывать небольшие предприятия, также в основном с учебными целями. Таким образом, благодаря Г. О. Гинцбургу, ЕКО сыграло большую роль в профессиональной адаптации евреев черты оседлости к новым условиям жизни в России.

В 1912 году в Петербурге было создано еще одно еврейское благотворительное общество – Общество охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ). В уставе ОЗЕ говорилось, что цель его – изучение санитарно-гигиенических условий жизни еврейского населения, распространение в среде еврейского населения правил гигиены, способствовать научной постановке общественно-врачебного дела и вообще содействовать охране здоровья еврейского населения. Эти задачи были значимы в рамках всей российской санитарно-гигиенической политики. Поэтому ОЗЕ, пожалуй, единственный случай в истории еврейских общественно-благотворительных учреждений в России, когда правительство приняло участие в финансировании деятельности общества и покрывало треть его расходов на определенные программы.

А остальные 2/3 средств доставлялись за счет уже описанных в этой статье мероприятий и акций,

а также за счет единовременных благотворительных взносов.

За время своего существования (а это всего 7 лет) общество открыло 85 амбулаторий, 15 больниц, 81 «очаг» (детский сад), 2 туберкулезных санатория. Кроме того, члены общества собрали бесценные статистические сведения о состоянии здоровья еврейского населения в различных регионах страны и по распространенности, и по частоте различных заболеваний у евреев. До начала Первой мировой войны на средства общества были открыты несколько летних оздоровительных «колоний» в Евпатории и Друскининкае, изданы на идиш брошюры санитарно-просветительского содержания по нескольким темам, а с началом Первой мировой войны ОЗЕ объединило свои усилия со всеми остальными еврейскими благотворительными организациями для оказания помощи инвалидам и беженцам.

В 1914 году было основано Еврейское общество помощи жертвам войны и погромов (ЕКОПО). Его образование было связано с появлением большого числа еврейских беженцев и переселенцев из зоны военных действий. Это число росло и в результате антиеврейских мероприятий верховного командования, когда весной 1915 года только из Ковенской и Курляндской губерний было выселено 200 тысяч евреев. Появилась также необходимость оказывать помощь десяткам тысяч семей евреев, призванных в армию. ЕКОПО было не просто организационно и материально связано со всеми еврейскими благотворительными структурами, а всю свою работу координировало с этими обществами и фондами. Поскольку забота о беженцах включала их доставку к новому месту жительства, подыскивание им жилья, обеспечение их медицинской помощью, питанием, одеждой, работой или денежным пособием, заботу об их детях и обеспечение этим детям доступа к общему и (или) профессиональному образованию. ЕКОПО получало помощь от ДЖОЙНТа и зарубежных еврейских общин.

По соображениям политической конъюнктуры его вынуждено признали и российские власти. Более того, номинально власти даже оказывали поддержку ЕКОПО. Его представители и сотрудники были

наделены исполнительными полномочиями. ЕКОПО поддерживало контакты с Всероссийским союзом городов и земств.

В период между 1906 и 1918 годами в связи с изменением порядка регистрации обществ и союзов сформировалось несколько новых благотворительных организаций, деятельность которых распространялась лишь на ограниченную часть еврейского населения. Те структуры возникали, как правило, при открывавшихся вновь районных молельнях и обеспечивали помощью жителей отдельных районов. Например, Общество для доставления начального образования еврейским детям обоого пола Песковского района Петрограда. Или Общество «Иврию», которое заявило своей целью обеспечение начального образования еврейским детям Петрограда, но на самом деле возникло при молельне Московского района и ограничивалось деятельностью в его границах. Несколько благотворительных структур, основанных в тот период, и сосредоточившихся на каком-то отдельном узком направлении деятельности, впоследствии влились в Общество пособия бедным евреям (ОБП). Общество пособия бедным евреям Петербурга (ОПБ). Так, в с ОБП слились Общество «Цдоко гдейло» и Комиссия по оказанию помощи евреям в Песах.

Рассматривая историю формирования новых форм организации благотворительной помощи, необходимо осветить деятельность конкретных людей, занимавшихся этим делом. Это, во-первых, могли быть отнюдь не богатые люди, лица со средним достатком, обладавшие организаторскими способностями и пользовавшиеся доверием и уважением в среде еврейского населения. Именно эта категория обеспечивала проведение благотворительных мероприятий и массовый сбор средств. Во-вторых – состоятельные филантропы, жертвовавшие ежегодно суммы до нескольких десятков тысяч рублей на учреждение новых фондов или конкретные нужды и благотворительные акции. Наконец, в-третьих, те, кто успешно сочетал крупные пожертвования с конкретной работой в одном или нескольких фондах.

К первой группе относились представители интеллигенции,

общественные деятели, политики, ко второй и третьей – крупные предприниматели и банкиры.

К первой группе относились Н. Бакст, Л. Брамсон, А. Браудо, М. Винавер, Г. Слиозберг, Я. Эйгер. Так, выдающийся физиолог и публицист Николай Игнатьевич Бакст был инициатором учреждения не только ряда еврейских периодических изданий на русском языке. Одним из наиважнейших его начинаний была инициатива по созданию ОРТа. В дальнейшем важнейшую роль в развитии ОРТа и превращении его в международную организацию сыграл Л. Брамсон – выдающийся публицист, депутат I Государственной думы. Л. Брамсон входил также в состав правления Общества для урегулирования еврейской эмиграции, вместе с ним в правлении общества работал выдающийся еврейский историк, вице-директор Публичной библиотеки Александр Исаевич Браудо.

Юрист и общественный деятель Генрих Борисович Слиозберг в 1917 году работал в правлении сразу двух еврейских организаций – ОРТа и ЕКОПО. А врач и общественный деятель Яков Борисович Эйгер в разные годы был председателем правления Петроградской еврейской религиозной общины, ОПЕ и ЕКОПО.

Ко второй группе следует отнести членов комитета по строительству синагоги, основанного в 1869 году, и еще нескольких наиболее активных жертвователей. Это И. Е. и Г. О. Гинцбурги, С. С. и Д. С. Поляковы, А. М. Варшавский, И. А. Вавельберг, А. И. Зак, Л. М. Розенталь, М. П. и Л. П. Фридланды и М. А. Гинсбург. Все эти предприниматели делали крупные пожертвования на конкретные мероприятия – в первую очередь на строительство Большой хоральной синагоги в Петербурге, или же крупные взносы при основании благотворительных фондов. Братья М. П. и Л. П. Фридланды, занимавшиеся лесоторговлей, внесли крупные пожертвования на строительство петербургской синагоги. А один из них – Лев Фридланд – передал собранную им коллекцию еврейских рукописей и старинных книг Азиатскому музею. М. А. Гинсбург, занимавшийся поставками для флота и составивший благодаря этому состояние, обратился в правление Петербургской еврейской общины

Е. Г. Гинцбург

Д. Г. Гинцбург

с предложением построить на свои средства еврейскую больницу в Петербурге. Правление обсудило его предложение и сделало вывод, что медицинской помощи еврей в столице обеспечены в достаточной мере, а вот достойного приюта для одиноких еврейских стариков нет. В 1913 году в доме № 50 на 5-й линии Васильевского острова открылась Еврейская богадельня им. М. А. Гинсбурга.

Для тех, кого мы условно можно отнести к третьей группе филантропов, характерны не только щедрые пожертвования и активная работа в руководстве фондами, но и участие в общероссийских и губернских

благотворительных акциях и фондах. Так, например, И. А. Вавельберг, выходец из Варшавы, будучи главой банковского дома, считал себя «поляком иудейского вероисповедания» и стал интересоваться еврейской национальной жизнью лишь после того, как убедился, что равноправие евреев с другими народами в действительности наступит не скоро. С 80-х годов XIX века он активно жертвовал средства не только для польских, но и для еврейских благотворительных акций, и даже входил в состав правлений нескольких еврейских благотворительных обществ. Однако главные его пожертвования для евреев направлялись на создание училищ и оздоровительных учреждений в Польше. Банкир А. М. Варшавский, как и И. А. Вавельберг, входил в состав правлений нескольких еврейских благотворительных фондов, а в Полтавской губернии создал на свои средства несколько благотворительных учреждений. Но даже в ряду этих выдающихся филантропов особое место занимают члены двух семейств – Гинцбурги и Поляковы.

С. С. Поляков был одним из самых ярких представителей нового поколения еврейских предпринимателей, которые от традиционных еврейских промыслов (откупа, ссудные операции, винная торговля) перешли к новым – железнодорожному строительству, банковскому делу и смело вырвались за черту оседлости. Самуил Поляков родился в Белоруссии,

Г. Е. Гинцбург

С. С. Поляков

в местечке Дубровно, в семье купца. Свою карьеру он начал мелким подрядчиком на постройке железной дороги, через некоторое время приумножив свой капитал и приобретя необходимые связи, сам приступил к железнодорожному строительству. Он выступал в качестве строителя, учредителя и, наконец, владельца ряда железных дорог в европейской части России. Поляков по праву считался российским железнодорожным королем. Дом С. С. Полякова находился по соседству с одной из центральных площадей столицы – Сенатской – это знаменитый особняк Лаваль, который С. С. Поляков приобрел в 1870 году.

К тому времени за свою благотворительную деятельность, прежде всего за учреждение на свои средства классической гимназии и железнодорожного училища в Ельце и крупное пожертвование на Катковский лицей в Москве, Самуил Поляков получил чин тайного советника и сопряженное с этим чином дворянство. Рядом, на той же Английской набережной, приобрели дома братья С. С. Полякова – Лазарь (дом № 12) и Яков (дом № 62).

То, что особняк Лаваль принадлежал еврею С. С. Полякову, шокировало многих петербургских аристократов, но это не мешало иным из них посещать парадные обеды нового владельца особняка. А в той части дома С. С. Полякова, которая выходила на Галерную улицу, с 1880 по 1888 годы, до самой смерти Самуила Полякова, разме-

щалась штаб-квартира Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев России (ОРТ). В 1880 году С. С. Поляков стал одним из его учредителей. Его сын Даниил Самуилович продолжал дело отца и также был председателем ОРТ. С. С. Поляков играл довольно заметную роль в жизни Петербургской общины. Он сделал большой взнос на строительство хоральной синагоги и принимал непосредственное участие в организации постройки синагогального здания. Семейная скамья С. С. Полякова занимала одно из самых почетных мест в Петербургской синагоге. Жертвовал он и на другие еврейские благотворительные нужды.

Самыми знаменитыми еврейскими филантропами были представители трех поколений семьи предпринимателей и общественных деятелей – семьи Гинцбургов.

Основателем династии петербургских Гинцбургов был Евзель Гаврилович (Габриэлевич) Гинцбург, ставший в 50–60-е годы XIX века наиболее влиятельным и уважаемым лидером не только Петербургской общины, но и всего российского еврейства. Он родился в 1819 году в Витебске, получил традиционное еврейское воспитание. Уже в начале 1840-х годов Евзель Гинцбург стал крупным откупщиком, сумевшим скопить значительный капитал и установить многочисленные связи в среде российской бюрократии. Он стал одним из первых российских банкиров. Как только была отме-

Еврейскій Сиротскій Домъ.
(В. О., 10 лн., 37. Тлф. 20262).
Домомъ завѣдываетъ Дамскій комитетъ.
Поч. почт. бар. Гинцбургъ, Горац. Ос. Дамскій комитетъ. *Предс-ца* Левенсонъ, Амалія Абр. *Вице-предс.* бар. Гинцбургъ, Матильда Юр. *Чл.*: Закъ, Ек. Юл.; Науфманъ, Розал. Ив.; Варшавская, Лид. Абр.; Вавельбергъ, Луиза Сем.; Рафаловичъ, Эрнестина Абр.; бар. Гинцбургъ, Роза Сигизм.; Фридрихъ, Ранса Мирон.; Леонъ, Ида Исид.; Полякова, Аляма Эл. *Поч. секр.*: бар. Гинцбургъ, Дав. Горац.; бар. Гинцбургъ, Алдръ Горац.; Поляковъ, Дан. Самойл.; Фейнбергъ, Дав. Фадд. *Врачи*: Дембо, Исаакъ Алдр.; Ассъ, Дора Моис. *Смотр.* Долнеръ, Моис. Марк. *Надз. и фельдш.* Фроловъ, Дав. Юс. *Учит.*: Розенблюмъ, Ной Абр. *Учит-ца* Зискандъ, Дора Фед. *Завѣд. жоз.* Фролова, ол. Никл. *Надз-ца* Антокольская, Люб. Шаум.

Состав попечительского комитета еврейского сиротского приюта

Центральный комитетъ еврейскаго колонизаціоннаго общества.

(Замытинъ пер., 4. Тлф. 22891).
Поощреніе землед., колониз. евреевъ, содѣйствіе переселенію, распростр. рем. и землед. труда среди евреевъ; поощреніе сел.-хоз. и ремесл. образ. и кооперативн. кредита.
Предс. бар. Гинцбургъ, Гораціи Евзелев. *Вице-предс.* Поляковъ, Як. Солом. *Чл.*: д-ръ Наценельсонъ, Левъ Изр.; бар. Гинцбургъ, Дав. Горац.; пот. поч. гр. Варшавскій, Маркъ Абрам.; канд. пр. Кулишеръ, Мих. Игн.; Вакъ, Юл. Бор.; Натансонъ, С. Л.; Фейнбергъ, Дав. Фадд. (онъ-же гл. секр.). *Дѣлопр.* канд. пр. Брамсонъ, Леонт. Моис. *Завѣд. отд.*: сельск. хоз. уч. агроп. Врудкусъ, Веръ Дав.; эмигрант. пмщн. прис. пов. Яновскій, Сам. Як.; пред. и труд. помощи. Блюмъ, Юс. Абр.; профес. образ. инж.-техн. Сандомирскій, Мих. Дав.; бухгалтерія Дойлицкій, Моис. Бор.

Об-во распространія просвѣщенія между евреями въ Россіи.
(Замытинъ пер., 4. Тлф. 22891).

Канцелярія Комит. открыта по понед., вторн., сред. и пятн. отъ 2 до 3 ч. дн.
Комитетъ. *Предс.* дсс. бар. Гинцбургъ, Горац. Ос. *Чл.* дсс. Гальпернъ, Як. Марк.; ис. бар. Гинцбургъ, Дав. Горац.; Винаверъ, Максимъ Моис.; д-ръ Наценельсонъ, Левъ Серг.; Кулишеръ, Мих. Игн.; Таненбаумъ, Абр. Севастьян.; Варшавскій, Маркъ Абрам.; д-ръ Эйгеръ, Як. Бор. *Дѣлопр.* Наменецкій, Сам. Лаз.

Состав ЦК Еврейского колонизационного общества

нена государственная монополия в банковском деле, Е. Г. Гинцбург учредил частный коммерческий банк в Киеве, затем Учетный банк в Одессе, а потом и Учетно-ссудный банк в Петербурге. В 1859 году Евзель Гинцбург основал в Петербурге банкирский дом «И. Е. Гинцбург». С тех пор жизнь и деятельность семейства Гинцбургов была связана с Петербургом.

Евзель Гинцбург был крупным благотворителем. В 1856 году он основал капитал при Министерстве государственных имуществ, предназначенный для поощрения занятий земледелием у евреев, в 1857 году – стипендию при Медико-хирургической академии для еврейских студентов. Много жертвовал он и на нужды общины. Евзель Гинцбург был решительным сторонником сохранения еврейских традиций в сочетании с распространением среди евреев светских знаний и полезных занятий (ремесел и земледелия).

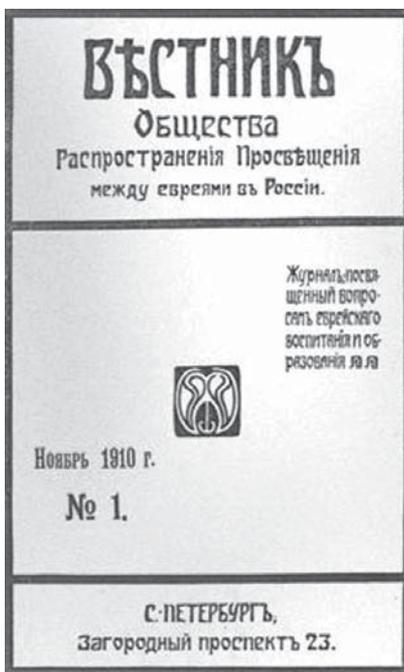
Благодаря своим связям в правительственных кругах он успешно хлопотал о расширении прав евреев. Во многом благодаря его

ходатайствам были предоставлены права повсеместного проживания в империи евреям – купцам 1-й гильдии, выпускникам высших учебных заведений и ремесленникам. Гинцбург пользовался большим весом у властей, хотя Николай I и отвергал подавляющее большинство его ходатайств. Но уже в царствование Николая I Е. Г. Гинцбургу с семейством было пожаловано потомственное почетное гражданство.

Евзель Гинцбург скончался в 1878 году в Париже. В своем завещании он оставлял сыновьям наследство только при условии сохранения ими как веры предков, так и русского подданства. Значительные суммы Е. И. Гинцбург завещал на благотворительные цели.

Второй из трех сыновей Евзеля Гинцбурга – Герц или, как его величали по-русски, Гораций Осипович, продолжил начинания отца не только как предприниматель, но и как еврейский общественный деятель. Вслед за отцом он возглавил Банкирский дом «И. Е. Гинцбург», основал ряд других предприятий, в том числе сахароваренные заводы в Подольской губернии, золотые прииски, компанию цепного пароходства по реке Шексне и ряд акционерных обществ. Гораций Гинцбург был членом совета Фондовой биржи, гласным городской думы (до 1892 года). В течение 40 лет он возглавлял Петербургскую еврейскую общину и Общество для распространения просвещения между евреями в России. В течение 40 лет Гораций Гинцбург безвозмездно исполнял обязанности консула Гессен-Дармштадтского герцогства в Петербурге. За это гессен-дармштадтский герцог пожаловал ему баронский титул, право на который распространялось и на потомство Горация, а вскоре было дано и его отцу Евзелю. Александр II предоставил Гинцбургам право пользоваться этим титулом в России. Однако, когда в 1902 году Гораций Гинцбург подал прошение о пожаловании ему российского дворянства (на что имел право в силу полученных за благотворительную деятельность чинов и орденов), он получил отказ. Гессен-дармштадтские бароны Гинцбурги остались российскими потомственными почетными гражданами.

Дом Гинцбургов был известен в 60–80-е годы XIX века и как один

Обложка журнала «Вестник ОПЕ»

из популярных салонов. На вечерах у Гинцбургов в этом доме бывали ученые, художники, литераторы.

Как и отец, Гораций Гинцбург постоянно ходатайствовал за евреев, подавая во властные органы различные ходатайства. Но, кроме того, он участвовал в различных правительственных комиссиях. При Александре II его усилия приносили частичный успех. В новое царствование условия изменились. В течение пяти лет Г. Гинцбург возглавлял работу по подготовке материалов и предложений по «еврейскому вопросу» для Паленовской комиссии.

За участие в благотворительной деятельности Гораций Гинцбург был награжден несколькими российскими орденами и медалями. Он вместе с принцем П. Г. Ольденбургским был одним из основателей Петербургского археологического института, Института экспериментальной медицины, входил в число попечителей и членов правления ряда приютов, богаделен, больниц, был членом комиссии городской думы по благотворительности. Таким образом, он строго следовал предписанию Талмуда участвовать не только в благотворительности для евреев, но и жертвовать средства на благотворительные цели для всего населения страны, где проживала еврейская община.

Но более всего Гораций Гинцбург был известен как основатель и участник еврейских благотвори-

тельных обществ. Он был поддержан в своих начинаниях всеми домочадцами. В списках жертвователей на различные общинные нужды упоминаются не только Евзель, а затем Гораций Гинцбурги, но также жена Горация Анна, сыновья и невестки.

В завещании Г. Гинцбурга было сказано, что при жизни он много жертвовал на благотворительные цели и потому не завещал на них специальных сумм, но надеялся, что его дети, следуя традициям семьи и всего еврейского народа, продолжат дело благотворительности. Гораций Гинцбург оказался мудрым провидцем. Потомки Гинцбургов до сих пор участвуют в благотворительных акциях. Наиболее активным последователем отца и деда в создании и развитии благотворительных структур был сын Горация Гинцбурга – Давид.

Давид Горацевич Гинцбург (1857–1910) получил блестящее домашнее образование, слушал лекции крупнейших ориенталистов в Петербурге и Париже. В 1877 году ему была присвоена ученая степень в Петербургском университете. Давид Гинцбург изучал арабскую поэзию, но много занимался и еврейской историей. В сотрудничестве с В. В. Стасовым он опубликовал в Берлине книгу «Еврейский орнамент». Одним из главных его трудов стал каталог рукописей кабинета восточных языков при Министерстве иностранных дел.

Д. Г. Гинцбург был преемником отца на всех постах в еврейской общине и во всех благотворительных делах. Он оказывал поддержку еврейским учебным заведениям и благотворительным учреждениям не только в Петербурге, но и по всей России, в том числе в губерниях черты оседлости. В Петербурге на его средства была открыта талмудтора «Моген-Довид» и первый еврейский университет, который при жизни Д. Г. Гинцбурга находился в его доме (официально он назывался Высшие курсы востоковедения). Много жертвовал он и на поддержку изучения еврейской истории. В Петербургской общине Давид Гинцбург продолжал линию отца на сохранение традиций и отказ от крайностей реформистского направления. Он отстаивал всеми способами равноправие евреев, но, как и его отец, наилучшим путем для

этого считал ходатайства перед правительством с помощью либеральных сановников, причем для начала готов был довольствоваться хотя бы умеренными послаблениями в отношении евреев. Его брат Александр Гинцбург был председателем Общества гигиенических дешевых квартир для еврейского населения, возглавлял Еврейский комитет помощи во время Первой мировой войны и, будучи членом правления Комитета попечения о беженцах под патронажем великой княжны Татьяны Николаевны, добился для еврейских беженцев разрешения на въезд во внутренние губернии из черты оседлости.

Таким образом, за очень короткий отрезок времени (чуть больше полувека) в Петербургской еврейской общине была сформирована система благотворительной помощи и благотворительных учреждений, способная не только быстро отреагировать на возникающие и изменяющиеся потребности населения, но и в результате долговременных программ сократить численность нуждавшихся в помощи за счет социальной адаптации.

В 1917 году среди множества национальных общественных организаций Петрограда еврейские были самыми многочисленными (70 различных обществ).

В 1918–1923 годах их осталось только 19, причем из них 12 были основаны до октября 1917 года, 2 были созданы по инициативе большевиков, а 4 основаны как сионистские.

В ряде случаев перерегистрированные организации получали новые названия, например, Общество пособия бедным евреям Петрограда было переименовано просто в Еврейское благотворительное общество. В начале 1918 года по распоряжению комиссариата по делам национальностей Союза коммун Северной области были заблокированы все банковские счета еврейских благотворительных организаций. Большевики создали орган, контролировавший деятельность всех еврейских организаций – Еврейский общественный комитет (Евобщестком). Кроме того, сохранены были под его контролем Еврейский комитет помощи пострадавшим от войны и погромов (ЕКОПО), Общество охранения здоровья еврейского населения

(ОЗЕ), Еврейское колонизационное общество (ЕКО), ОПЕ и ОРТ. Но деятельность двух последних была сведена к минимуму. Так, ОПЕ проводилась только роль лектория, а из всей обширной работы ОРТа было оставлено лишь одно направление – детские ремесленные училища.

С 1918 года большевики вынуждены были допустить к работе с еврейскими беженцами представителей Американского еврейского распределительного комитета (Джойнт). Через Джойнт передавались продовольственные и вещевые посылки от родственников из-за рубежа, оказывалась помощь «лишенцам» – мелким кустарям и бывшим владельцам лавок и мастерских в организации трудовых артелей и оснащении их необходимым оборудованием. Одновременно с помощью, которую Джойнт оказывал евреям, комитет через Американскую распределительную администрацию (АРА) помогал бороться с голодом в Поволжье. Если в годы Гражданской войны еврейское население Петрограда увеличивалось за счет беженцев и сирот из районов боевых действий и погромов, то в дальнейшем (до введения института прописки в 1934 году) за счет еврейской молодежи и «лишенцев». Молодежь стремилась получить высшее образование, а «лишенцы», потерявшись в большом городе, пытались таким образом избавиться от ограничений в правах. Но с 1926 года власти перешли от политики огосударствления общественных еврейских организаций к их полной ликвидации. В 1929 году в Ленинграде остались лишь богадельня, лечебница ЕКОПО и Еврейский музей, которые и были закрыты в течение следующего года.

Те, кто нуждался в первое время после переезда в город в помощи, создали свою систему этой помощи в форме землячества. Понятно, что землячества не проходили регистрацию в советских органах, но на уровне оказания конкретной, практической помощи они успешно справлялись. Уже опытные, обжившиеся в Ленинграде землячки помогали вновь приехавшим найти жилье на первое время, работу, устроить детей в ясли и детские сады.

В 1940–1950-е годы прошлого века оказание помощи одиноким нуждавшимся старикам приобрело

более организованную и тщательно законспирированную форму. Эту систему сформировал тогдашний староста синагоги – Гедалье Печерский. На средства, собранные в синагоге, и собственные деньги с несколькими единомышленниками Печерский организовывал откорм птицы на крестьянских подворьях. Затем после окончательного расчета с хозяевами подворий птицу привозили в город. Кур забивал синагогальный резник, то есть производилась кошерная резь. Затем в дело вступали женщины из семьи Печерского и его друзей. Они ощипывали птицу, делали из нее жаркое или рагу. К этим блюдам добавлялись картофельное пюре и компот из чернослива. Все продукты упаковывались в банки, раввин ставил печать «кошер», и эти праздничные «наборы» распределялись между нуждавшимися стариками. Доставляли эти посылки к праздникам Песах, Ханука, Рош-га-Шана молодые люди, в основном студенты – дети организаторов всего этого процесса. Причем система была продумана так, чтобы один и тот же курьер не привозил посылку по одному адресу дважды. Этот принцип позволял обезопасить всю систему от случайных провалов из-за возможных доносов соседей по коммуналке или случайного визита участкового во время вручения посылки. Эта система прекратила функционировать после того, как Печерский был осужден за антисоветскую деятельность, а после освобождения вместе с семьей репатрировался в Израиль.

Вновь структуры благотворительности начали выстраивать в Петербурге в начале 1990-х годов. Сейчас еврейские благотворительные структуры в городе группируются вокруг представительства Джойнта – «Хесед Авраам» и вокруг синагоги – благотворительный центр. Центр при синагоге существует на средства, жертвуемые местными еврейскими бизнесменами, и его возможностей хватает на организацию благотворительной столовой и некоторых мероприятий развлекательного характера (концерты, лекции).

В Петербурге сейчас действуют обширные программы медицинских консультаций, помощи нуждающимся на дому, но они осуществляются за счет международного финансирования.

Медицина островной крепости Кронштадт во второй половине XIX — начале XX века

А. А. Будко, А. А. Вихман

Лесистый остров в устье Невы сразу привлек внимание Петра Великого, осматривавшего окрестности своей новой столицы. По легенде, высадившись на острове осенью 1703 года, царь и его спутники обратили в бегство шведский сторожевой пост, мирно варивший пищу в котелке. Видимо, потому и назвали остров «Котлин» и эта версия нашла свое отражение в гербе города. Оценив выгодное положение острова на морских подступах к столице, Петр Великий приступил к созданию военно-морской базы на Балтике, включавшей крепость и систему фортов. Со временем Кронштадт стал базой Балтийского флота, грозной преградой на подступах к столице империи, одним из центров кораблестроения и ремонта кораблей, местом подготовки кадров для Военно-морского флота и научных исследований¹.

Деятельность любого гарнизона, любого населенного пункта невозможна без медицинского обслуживания, прежде всего, надлежащего санитарно-гигиенического состояния, являющегося основой здоровья военнослужащих и населения. Первостепенной проблемой, возникшей с первых лет создания базы, явилась проблема водоснабжения, имеющая решающее значение в борьбе с эпидемиями кишечных инфекций и отравлениями. По мере развития города эта проблема претерпевала важные изменения. В начале XIX века водопроводная вода была низкого качества и не подвергалась никакой обработке. Использовалась и привозная вода, но она стоила дорого. Водопровод с деревянными трубами появился в 1804 году, и снабжал только учреждения военных ведомств. Использовалась также некачественная вода из колодцев и обводного канала вокруг Адмиралтейства. В 1838 году и в

Герб города Кронштадта

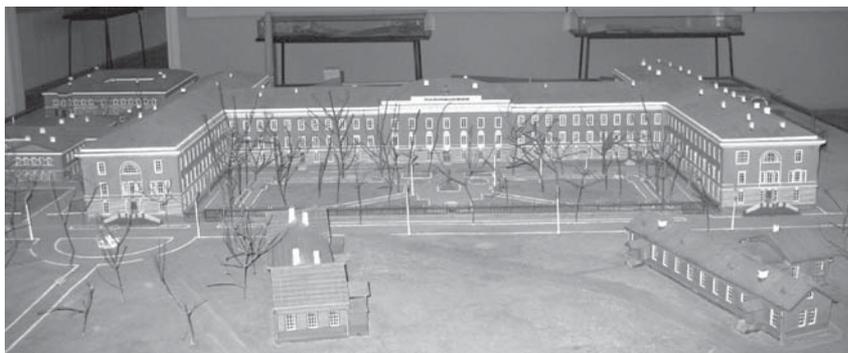
1874 году водопровод был модернизирован и расширен. И сейчас можно посетить водонапорную башню, в которой расположен Исторический архитектурно-художественный музей города. За башней находился водоем, куда вода поступала самотеком, потом ее поднимали в резервуар, из которого направляли в водопровод. Была проведена очистка водопроводных труб, оборудован новый водозабор, но лишь в 1904 году началось хлорирование воды, а в 1910 году хлорированием была охвачена вся водопроводная

система². Около Морского госпиталя были построены бани, но мыльня и раздевальня были холодными, а горячая вода выдавалась по 1 денежке за шайку. Позже построили городскую баню.

Одной из важнейших сторон обеспечения боеспособности воинов гарнизона и базировавшихся кораблей, а также гражданского населения была работа эффективно действовавшего лечебного учреж-

Бывшая водонапорная башня постройки 1836 г. 2008 г.

Общий вид Кронштадтского Николаевского морского госпиталя. Макет. Музей госпиталя

дения. Основой кронштадтской медицины стал морской госпиталь, созданный в 1717 году. Его история тесно связана с общим развитием базы, успехами медицинской науки и практики, организационным талантом и активностью его руководителей. Лечебная работа проводилась в трудных условиях нехватки и плохого состояния помещений, недостатка кадров, чрезмерного поступления раненых и больных в периоды военных действий и эпидемий³. Главный доктор госпиталя одновременно являлся главным медицинским инспектором порта, то есть главой медицинской службы крепости. Острой проблемой явилось оказание помощи гражданскому населению в связи с ограниченными возможностями госпиталя. В 1808 году адмирал П. И. Ханьков отдал свой загородный дом для устройства больницы на 60 человек для вольнонаемных работников. В 1827 году в связи с общим оживлением строительства возвели трехэтажный корпус, а для размещения фельдшерских учеников использовали казармы, появилась женская больница. Огромный ущерб нанесло городу наводнение 1824 года, которое показало необходимость создания более надежных сооружений. И в 1832 году начинается строительство новых зданий госпиталя, включая фельдшерскую школу, к 1840 году госпиталь принял современный вид⁴.

В архитектуре госпиталя проявились черты крепостного сооружения и, с другой стороны, классического лечебного сооружения⁵. Широкие коридоры с двусторонним расположением палат, крепкие стены и арочные потолки, службы сохранились до нашего времени.

Особой проблемой было оказание медицинской помощи женщинам и малолетним детям. Народная женская больница из частного дома сначала переместилась в одну из казарм, а затем стала отделением госпиталя.

По инициативе В. С. Кудрина в 1857 году при госпитале была создана амбулатория, позволившая проводить первичную диагностику и решать вопрос о необходимости госпитализации. В госпитале существовало и крестьянское отделение, о котором вспоминал в начале XX века начинающий свою врачебную

Вход на территорию госпиталя

деятельность ординатор Л. А. Орбели, ставший затем выдающимся отечественным ученым, академиком. Там он получил полное представление о жизни простых людей, их страданиях от нищеты и болезней и об исключительном значении госпиталя для населения Кронштадта⁶.

Стремление к освоению и применению передовых методов диагностики и терапии, внедрению новых разделов медицины постоянно сопутствовало деятельности врачей. В 1845 году главный доктор флота А. Ф. Кибер сообщил о проведении 7 операций пункции перикарда, при которых трое пациентов выздоровели. Впервые эта операция в госпитале была проведена в 1839 году доктором Караваевым. В отчетах госпиталя за 1847–1848 годы говорилось об успешном испытании для наркоза хлороформа и эфира. Начало рентгенологической диагностики стало возможным после изготовления А. С. Поповым в январе 1896 года первой рентгеновской трубки. Врач А. Ю. Зуев в 1897 году привез заграничную катушку с прерывателем, и А. С. Попов создал первый рентгеновский аппарат, примененный в хирургическом отделении. Внедрение рентгеновского метода на крупных кораблях флота значительно обогатило морскую медицину. Врач И. Н. Таиров в марте 1874 года сообщил об успешном переливании 10 унций дефибринированной крови. Новым направлением в лечебной деятельности госпиталя было открытие доктором В. Ф. Чижом психиатрического отделения. Совершенствовалось и актуальное противоэпидемическое направление работы. В 1883 году появи-

лось инфекционное отделение на 50 коек в отдельном бараке, и вскоре стал работать бактериологический кабинет, которым заведовал доктор П. Ф. Либориус.

Необыкновенно волнующим событием было посещение госпиталя 16 мая 1909 года И. И. Мечниковым, хорошо знавшим главного доктора госпиталя В. И. Исаева и его работы, учителя многих врачей из России. Он отметил прекрасную постановку лечебной работы, исключительно высокий уровень лабораторных исследований. Среди клинических исследований И. И. Мечникова особенно интересовали некоторые клинические исследования, ставшие предметом обсуждения с врачами госпиталя. Само появление выдающегося ученого в госпитале уже служило признанием заслуг кронштадтской медицины и стимулом к дальнейшим исследованиям.

Госпиталь имел большое значение для подготовки медицинских кадров флота. Постоянно совершенствовались свои знания прикомандированные врачи и сотрудники госпиталя, успешно работала фельдшерская школа. В повышении уровня медицинских знаний ведущую роль играло Общество морских врачей в Кронштадте. Члены общества выполнили оригинальные исследования по всем основным разделам как морской медицины, так и в целом для медицинской науки и практики. Многие из них были учениками С. П. Боткина⁷. Большое количество работ в соответствии с запросами времени было посвящено санитарно-гигиеническим вопросам и эпидемиологии. В частности, это работы П. М. Губарева

и Е. Н. Подобедова «О действии формалинной дезинфекции на различных микробов», В. И. Госса «О диагностике смешанных форм чумы», А. Н. Сиротинина «О санитарных нуждах Кронштадта», А. А. Саркевича «О некоторых заболеваниях, наблюдаемых у рабочих паровозного завода в Кронштадте».

Дополнительной частью госпиталя явились Госпитальные дачи («Барраки»), расположенные по Петергофской дороге вблизи г. Ораниенбаума, созданные по инициативе адмирала Ф. Ф. Беллингауэна⁸. В 1843 году находившаяся там дача под началом кронштадтского коменданта была куплена для нужд госпиталя. В середине 50-х годов XIX столетия там же был создан госпитальный оздоровительный комплекс с помещениями для выздоравливавших и обслуживавшего персонала. Позже построили оздоровительные комплексы для воспитанников морских учебных заведений и возвели храм Иоанна Предтечи, сгоревший в 1998 году. Основная задача для оздоровления больных – использование природных факторов летом и облегченный режим для восстановления здоровья. Больные участвовали под контролем врачей и в хозяйственных работах, за которые полагалось получать надбавку хлеба. Особенно важным это было для больных цингой, для которых дачи оказались очень эффективными. Применялись разнообразные методы лечения, включая кумысотерапию, электричество, сжатый и разреженный воздух. Проблема профилактики цинги постоянно оставалась актуальной. В 1891 году число таких больных в порту достигло 208 человек. Приходилось преодолевать и многие трудности: транспортировка пациентов и доставка грузов, ремонт деревянных зданий, обеспечение качественной водой и пр. Сейчас на месте госпитальных дач царят разруха и запустение.

Пройдя большой путь и испытав много трудностей, к 1840 году госпиталь превратился в полноценное многопрофильное медицинское учреждение. Медицинская служба Кронштадта косвенно и прямо участвовала в оказании помощи при ведении боевых действий. Во время Крымской войны в июне 1855 года к крепости подошла англо-французская эскадра Г. Напира, но минные поля значительно ограничили действия

эскадры и десанта. Работу госпиталя осложняла неблагоприятная обстановка по холере: поступление помимо раненых дополнительного количества инфекционных больных. Три месяца госпиталь работал в двух направлениях, но с честью выполнил все свои обязанности. Большую помощь врачам оказывали и медицинские сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. В 1857 году в госпитале работали 40 сестер, получившие высокую оценку врачей. С 1865 года осуществлялась подготовка санитаров и нижних чинов на одногодичных курсах, причем на них давались не только медицинские навыки, но и проводилось обучение грамоте.

Яркий период в жизни госпиталя был связан с деятельностью главного врача и медицинского инспектора порта Василия Исаевича Исаева (1854–1911), возглавлявшего его с 1896 года по 1911 год. Прекрасно образованный выпускник Московского университета, обучавшийся в Германии и России, опытный врач, прошедший кругосветное путешествие, ученый-исследователь, неутомимый организатор улучшения состояния и оснащения госпиталя, борец за внедрение санитарно-гигиенических мер против распространения опасных инфекций в Кронштадте – таков облик выдающегося представителя отечественной медицины⁹.

Одной из важных сторон деятельности В. И. Исаева была борьба с туберкулезом. В общественной жизни города чрезвычайным событием было проведение выставки кронштадтского отделения Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. В организации и проведении выставки ведущую роль сыграли морские врачи: проводя экскурсии, разъясняя методы профилактики этого опаснейшего для Кронштадта и России заболевания, распространяя доступную для народа литературу.

Как известный микробиолог-эпидемиолог В. И. Исаев с несколькими врачами в 1901 году был направлен в очаг чумы в Киргизские степи. В труднейших условиях, передвигаясь от одного селения к другому, экспедиция обследовала огромное пространство, выявив вопиющие нарушения санитарии и гигиены. По результатам обследования очагов В. И. Исаев направил в Противочум-

Св. Иоанн Кронштадтский

ную комиссию четкие рекомендации, выдвинув положение о местном возникновении чумы. Все события подробно описаны участником экспедиции О. В. Страховичем¹⁰.

В 1902 году В. И. Исаев возглавил группу морских врачей, направленных в Особую противочумную лабораторию Императорского института экспериментальной медицины¹¹. Она располагалась в форте «Александр I», получившем характерное название «Чумной форт». Изолированная в форте лаборатория имела все необходимые подразделения для научной и производственной работы, экспериментальных животных для производства лечебных сывороток, жилье для сотрудников и свой паровозик. Вместе с сотрудниками института опасные бактериологические исследования проводили врачи группы В. И. Исаева: В. И. Госс, Д. Л. Вержбицкий, В. А. Таранухин, Г. Д. Белоновский, Н. Н. Вестеррик, С. И. Златогоров. Работа в «Чумном форте» имела исключительно важное значение для исследования характеристик чумного микроба и производства противочумных препаратов для российской медицины и здравоохранения.

В. И. Исаев оставил во врачебном мире много учеников и последователей, призывая их всемерно развивать отечественную медицинскую науку и практику. Он создал образцовое лечебное учреждение с высоким уровнем госпитального

быта, улучшенным питанием, нормальным водоснабжением, квалифицированной диагностической и лечебной работой.

Перед главным зданием стоит стела-памятник выдающемуся деятелю отечественной медицины почетному лейб-медику Василию Исаевичу Исаеву, на котором начертаны его слова: «Жизнь мчится стремительно вперед, спешите трудиться».

Врачи флотских экипажей и кораблей получали в госпитале большую консультативную и научную поддержку. Особенно это касалось санитарно-гигиенических вопросов, охватывавших все стороны жизни матросов во время нахождения на берегу. Например, в работе доктора 10-го флотского экипажа П. И. Преображенского описывалась трудная жизнь нижних чинов¹². Были построены каменные казармы с общим коридором на каждом этаже, в который выходили отдельные помещения для проживания моряков, канцелярия, библиотека и классы для занятий. Плохое печное отопление, скученность людей в спальнях, отсутствие казенной бани – все эти факторы отрицательно влияли на здоровье. На основе изучения ситуации были предложены меры по переоборудованию казарм, улучшению питания, созданию нового лазарета с возможностью первичной изоляции больных, ванной и туалетом. Мор-

ские врачи настойчиво доказывали, что высокая заболеваемость и, тем более, эпидемии связаны с плохими условиями жизни людей, особенно низших слоев общества: рабочих, нижних воинских чинов, их семей. Рабочие и служащие были расселены, как правило, в подвалах и неблагоустроенных квартирах. Этому сопутствовали плохое качество воды и несовершенство канализации.

В Кронштадте, как и в других местах России, страшный вред гарнизону и населению приносили эпидемии, особенно холеры, связанные, видимо, с заносом инфекции с материка. Особенно сильной была эпидемия 1831 года, затем в 1854–1855 году, 1866 году и 1890 году. Оказалось тревожным и первое десятилетие XX века по таким заболеваниям, как холера, брюшной тиф, грипп. В годы наибольшей заболеваемости госпиталь не справлялся с потоком больных, поэтому использовали временные лазареты, а также медицинские учреждения Роченсальма и Свеаборга. Флотские врачи разрабатывали меры борьбы с эпидемиями и активно участвовали в их осуществлении для обеспечения санитарно-гигиенического благополучия в крепости. Были установлены кордоны для препятствия бесконтрольному попаданию людей в город и на суда из районов, где свирепствовала эпидемия. Другая сторона проблемы – необходимость всемерного улучшения санитарно-гигиенических условий

воинской службы, вольнонаемных работников и членов их семей. В 1878 году при главном докторе госпиталя Ф. Ф. Шванке были изучены основные параметры воды, воздуха в казармах, почвы и выявлено значительное отклонение их от установленных норм. Занос возбудителей инфекций происходил при прибытии новых команд, от тесной связи военных с гражданским населением, появлением эпидемий в столице. Это отражено в работах В. М. Неаронова, Г. А. Воробьева и в уникальном учебнике «Морская гигиена» К. С. Моркотуна. Его исследования показали, что особенностью инфекционной заболеваемости моряков является явное преобладание дифтерии и в некоторых случаях холеры – на судах, а брюшного тифа и туберкулеза – в береговых частях¹³.

Новым уровнем борьбы с эпидемиями стало внедрение в практику бактериологических анализов, показывающих пути распространения возбудителей инфекций. Более эффективное предупреждение эпидемий во многом было связано с улучшением водоснабжения города: переносом водозабора, очисткой воды и обеззараживанием. Роль воды как фактора переноса возбудителя холеры была подтверждена в 1896 году в работе доктора Филатова, а в 1900 году доктор Озеров из воды Финского залива и водопроводной сети выделил тифозную палочку¹⁴.

В начале XX века в городе были приняты санитарно-гигиенические меры. Например, в «Кронштадтском вестнике» 11 мая 1911 года был опубликован приказ главного командира порта № 228:

«Медицинский инспектор порта донес, что в женское отделение поступила дочь боцмана Верзина, у которой скарлатина. Еще одна поступила почти из соседней квартиры... Боцману строгий выговор за несвоевременное отправление ребенка с заразной болезнью в госпиталь и несообщение своему непосредственному начальнику».

В том же месяце опубликовано объявление о прививке оспы:

«Прививка оспы
Еженедельно в городской управе
(по понедельникам)
будет производиться прием лиц
и – главным образом –
детей для прививки оспы».

Форт «Александр I» («Чумной форт»).
Экспозиция Военно-медицинского музея

Давались сведения о численности инфекционных больных, о появлении животных, пораженных сибирской язвой, о бесплатном приеме больных в Кронштадтской городской амбулатории, об открытии Временного врачебно-наблюдательного пункта для судов, шедших из районов, где была холера, чума.

Кронштадтские медицинские работники проявили профессиональное мастерство и мужество при оказании помощи раненым в Порт-Артуре, жертвам расправы с участниками революционных событий. Врачи, весь медицинский персонал морского госпиталя с честью продолжали свои славные традиции.

А требования к военным служащим, ко всему гражданскому персоналу по мере развития вооруженных сил последовательно возрастали. Начало XX века ознаменовалось участием Кронштадта в формировании новых разделов военно-морской медицины и изучении воздействия на организм факторов нетрадиционных поражений. Во время работы в госпитале Л. А. Орбели была выполнена в 1906 году работа «Артиллерийская глухота и ее предупреждение». Появилась в 1902 году работа И. В. Страховича «Физиологическое действие токов высокого напряжения и предупреждение несчастных случаев». Требовались новые санитарно-гигиенические условия службы и новые методы лечения и профилактики поражений. Развивались исследования по минно-

взрывным поражениям, медицинскому обеспечению водолазных работ и службы на подводных лодках. В 1907 году Н. А. Есипов создал сфигмограф для водолазов, удостоенной медали на Парижской выставке. Среди исследований Ф. И. Шидловского можно отметить изобретение клапана, надежно обеспечивающего предотвращение неожиданного всплытия на поверхность воды при подаче воздуха. Были изучены особенности отопления на подводных лодках¹⁵.

Для успешного лечения заболеваний огромное значение имеет психическое состояние людей, их надежда на исцеление, и важную роль в этом отношении играет религия. В Кронштадте человеком, оказывающим колоссальное влияние на православных, вернее на всех страждущих, был настоятель Андреевского собора о. Иоанн (Сергиев). Его жизнь, основанная на вере в Бога, была настоящим гуманистическим подвигом. Моральная поддержка слабых, оказание бескорыстной помощи больным, увечным, нищим привлекали огромное количество народа из Кронштадта и других городов России. Нуждающиеся среди них в медицинской помощи больные направлялись в Морской госпиталь. О. Иоанн остро ощущал состояние народного духа, необходимость его преобразования и возвышения, которое касалось и военных, и гражданских лиц.

Таким образом, медицинское обеспечение Кронштадта как

военно-морской базы было связано исключительно с работой Морского госпиталя и объединившихся вокруг него врачей экипажей и кораблей. Но госпиталь не мог оказать полномасштабную помощь гражданскому населению, а работавшие в разные годы гражданские больницы (больница-убежище, для проституток, при Свято-Троицком обществе трезвости, для иностранных моряков и др.) были немногочисленны и не могли принять всех нуждавшихся в лечении. Кронштадтские военно-морские врачи обеспечили квалифицированную помощь военным служащим и части гражданского населения. Начали формироваться новые направления, связанные с изменением факторов воздействия на организм военных моряков при создании подводного флота, применении минно-торпедного оружия, развитии водолазного дела.

Годы Первой мировой войны и бурный революционный период не позволили развиваться многим прогрессивным направлениям в отечественной медицине. Но передовые военно-морские врачи верили в возрождение России. В своем выступлении на юбилейном заседании Общества морских врачей Василий Исаевич Исаев говорил¹⁶:

«...физически сильным, мощным духом и нравственными принципами принадлежит будущее. Жизнь мчится стремительно вперед; спешите трудиться, чтобы способствовать воссозданию могучего флота...»

¹ Петров Г. Ф. Кронштадт. Рассказ об истории города от его основания до наших дней. Л., 1971. 378 с.

² Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта / Сост. Ф. А. Тимофеевский. Кронштадт, 1913. 288 с., 2 табл.

³ Будко А. А., Шабунин А. В. История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2002. С. 156–170.

⁴ Будко А. А., Быков И. Ю., Селиванов Е. Ф. и др. История военной медицины России. Т. 3. XIX – начало XX в. / Под ред. И. Ю. Быкова. СПб., 2006. С. 378–408.

⁵ Гуртов М. М. Краткий исторический очерк Кронштадтского военно-морского госпиталя // Тр. КВМГ / Под ред. Ю. Ю. Джанелидзе и др. Л.: ВММА, 1941. С. 3–27; История Кронштадтского госпиталя. К 250-летию со дня основания. Л., 1967. 283 с.

⁶ Орбели Е. И. Воспоминания о Леоне Абгаровиче Орбели. Ереван, 1972. 104 с.

⁷ Будко А. А., Шабунин А. В. Великий Боткин. Сердце, отданное людям. СПб., 2006. С. 81–103.

⁸ Трезоруков (старш. врач). Медико-топографическое описание дачи Кронштадтского морского госпиталя // Медицинские прибавления к Морскому сборнику, 1879. Вып. 19. С. 313–341; Горбатенко С. Б. По Петергофской дороге. Ораниенбаум. Историко-ландшафтный комплекс. СПб., 2001. С. 415.

⁹ 290 лет на службе Отечества. История 35 Военно-морского ордена Ленина госпиталя им. Н. А. Семашко. СПб., 2007. 118 с. (авт.: Д. И. Гладков, С. А. Гриб, И. В. Подберезкин, С. М. Разжевайкин, В. В. Сосин, М. Н. Ступар).

¹⁰ Страхович О. В. Чума Астраханского края, ее эпидемиология и обзор мероприятий. Дис. доктора медицины (из Кронштадтского Морского госпиталя). СПб., 1906. 281 с., 1–5, 1–3, табл.

¹¹ Червенцов А. М. Воспоминания о Чумном форте // Материалы к истории Всесоюзного института экспериментальной медицины. М., 1941. С. 198.

¹² Преображенский П. И. Санитарные условия жизни нижних чинов 10-го флотского экипажа в 1892 г. // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1894. Февраль. С. 112.

¹³ Моркотун К. С. Морская гигиена. СПб., 1907. 658 с., I–II.

¹⁴ Боголюбов Н. Ф. Вода // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1903. Февраль. С. 96–114.

¹⁵ Ренвальдт К. П. Отопление подводных лодок // Медицинские прибавления к морскому сборнику. 1908. Июль. С. 30–33.

¹⁶ L-лет научно-практической деятельности Общества морских врачей в Кронштадте. 1859–1909. Кронштадт, 1909. 253 с., I – III.

Памяти
Вячеслава Михайловича
Лурье — друга, ученого,
члена редколлегии
журнала
«История Петербурга»

1 февраля 2009 года оборвалась жизнь известного петербургского историка Вячеслава Михайловича Лурье.

Он умер в больнице после второго инфаркта, не дожив до своего 75-летия всего несколько дней...

С В. М. Лурье меня связывала многолетняя дружба. Еще долгие мы сотрудничали, имея общие научные интересы — военную историю России. Вячеслав Михайлович был выдающимся специалистом по истории военных персоналий. Не только в нашей стране, но и в мире не было более компетентного знатока биографий российских и советских военных и военно-морских деятелей.

В. М. Лурье — профессиональный военный, выпускник Ленинградского высшего военно-инженерного училища им. А. А. Жданова (1956). Дослужился он лишь до звания капитана, поскольку попал под знаменитое хрущевское сокращение. Но всю жизнь он сохранял черты и привычки истинного русского офицера. Он был на редкость честен, надежен, душевно щедр и пунктуален. Он во многом был максималистом: не терпел лжи, лицемерия, жадности и многих других человеческих пороков, которые могли бы унижить другого человека. Он был удивительно корректен к окружающим и всегда

требовал, чтобы к нему относились так же.

Вячеслав Михайлович постоянно о ком-то заботился, кому-то помогал устраивать личную жизнь, заниматься наукой и преподавательской работой. Не помню ни одной своей просьбы, с которой бы я к нему обратился и которая бы не была выполнена, а чаще с лихвой перевыполнена. У него сердце болело за весь мир и за каждого в отдельности. Может быть, поэтому оно и не выдержало...

Он был членом редколлегии журнала «История Петербурга» с первого дня его существования. Более того, он самым первым дал согласие на сотрудничество в журнале. Хорошо помню, как встретившись в коридоре Публичной библиотеки, которая тогда уже называлась Российской национальной библиотекой, мы долго беседовали на разные темы, радуясь встрече и возможности пообщаться. В конце разговора я поделился задумкой — желанием создать журнал «История Петербурга» и попросил Вячеслава Михайловича поддержать меня в этом начинании. Он согласился не задумываясь, что еще больше укрепило меня в мысли о том, что журнал создавать надо. В нем В. М. Лурье вел постоянную рубрику «Служилый Петербург». В нем же он осуществил уникальный

проект: издал в соавторстве со своим учеником собранные по крупицам, часто на основе уникальных материалов, биографии всех командующих войсками Петербургского-Петроградского-Ленинградского военного округа. Многие факты и биографии в тех статьях были опубликованы впервые.

В. М. Лурье стал инициатором и организатором публикаций в журнале никому прежде не известных приказов Г. К. Жукова, изданных им во время руководства обороной блокированного Ленинграда.

Благодаря Вячеславу Михайловичу журнал «История Петербурга» словно имел военную выправку, молодцеватость и подтянутость.

Уход из жизни В. М. Лурье — это моя большая личная потеря, которая невозможна. Это огромная потеря для нашего журнала.

Все сотрудники и члены редколлегии журнала «История Петербурга» глубоко скорбят по поводу случившегося.

Мы всегда будем помнить о талантливом ученом и прекрасном человеке — Вячеславе Михайловиче Лурье.

С. Н. Полторак

Сведения об авторах

АВРУС Анатолий Ихильевич – доктор исторических наук, Почетный профессор Саратовского государственного университета, академик АВН.

АНТИПОВ Вячеслав Александрович – научный сотрудник ФГУ «Санкт-Петербургский НИИ физической культуры».

АРЭ Феликс Эрнестович – кандидат технических наук, доктор географических наук, профессор Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС), заслуженный ветеран Сибирского отделения РАН, заслуженный работник высшей школы РФ.

БОРАНБАЕВА Зубаржат Исагалиевна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и практики преподавания русского языка и литературы КазНПУ им. Абая.

БУДКО Анатолий Андреевич – доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы, начальник Военно-медицинского музея МО РФ, автор более 200 научных работ.

ВИХМАН Арнольд Анатольевич – доктор биологических наук, доцент, младший научный сотрудник Военно-медицинского музея МО РФ.

ДАШЕВСКАЯ Ольга Вениаминовна – по образованию историк. С 1988 года занимается историей еврейских общин Восточной Европы, главным образом историей петербургской еврейской общины. Автор ряда публикаций по этой теме, один из авторов CD «Евреи Петербурга. Три века истории» (2000 г.) и документальных выставок по той же теме.

ДУБИН Арсений Семенович – кандидат исторических наук. Архивист, экскурсовод.

КОВАЛЕВА-ОГОРОДНОВА Людмила Леонидовна – пианистка. Основатель (1997) и президент (2002) Рахманиновского общества в Петербурге.

КОЛЫШНИЦЫНА Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

ЛЕБЕДЕВ Юрий Михайлович – председатель центра «Примерение».

МИЛОВА Ирэн Юрьевна – блокадница, учитель русского языка и литературы.

МУДРОВ Юрий Витальевич – член Союза художников РФ, вице-президент Российского комитета Международного совета музеев (ИКОМ), член редколлегии журнала «История Петербурга».

НАРЫШКИНА-ПРОКУДИНА-ГОРСКАЯ Наталья Андреевна – доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

НИКОЛАЕВА Марина Васильевна – ведущий специалист научно-просветительского отдела Государственного комплекса «Дворец конгрессов».

НИЦМАН Орест Рейнгольдович – дизайнер, художник, журналист, член Союза потомков петербургских дворян.

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «История Петербурга».

ПРОТОПОПОВ Олег Алексеевич, БЕЛОУСОВА Людмила Евгеньевна, (Швейцария) – заслуженные мастера спорта СССР (парное фигурное катание на коньках). Чемпионы СССР (1965–1968), первые из советских фигуристов, завоевавшие звание чемпионов Европы, мира (1965–1968) и Олимпийских игр (Инсбрук, 1964; Гренобль, 1968).

СТРЕЛКОВ Петр Петрович – кандидат биологических наук, зоолог.

СТРОГАНОВА Наталья Владимировна – блокадница, пенсионерка.

История Петербурга журнал

№ 2 (48) 2009

Корректор **И. Ю. Сумерина**

Художник **Н. И. Шарф**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е. А. Тальянова**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 15.03.2009. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1800) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,

Санкт-Петербург, Миллионная ул., д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ № 13079

Цена свободная